МЕДИАЛИНГВИСТИКА

2024 МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ **Т. 11, № 1**

ЖУРНАЛ «МЕДИАЛИНГВИСТИКА» ВЫХОДИТ В СВЕТ С 2014 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА МЕДИАРЕЧИ

Симонова М. В. К вопросу о статусе выражения *violencia de género* в современном испанском языке 4

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

Boginskaya O. A. Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization 17

Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V. Multimodal deixis in media discourse: Film vs TV interview narratives 30

ТЕОРИЯ МЕДИА

Шляхова С. С., Колесник А. Ю. Поликодовый текст в диджитал-коммуникациях вуза: контент, графика, иллюстрации 53

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

МЕДИАСТИЛИСТИКА

Лебединская Е. Ю. Разновидности ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте 76

Мазикова Н. Ю. Юмор в спонтанной медиаречи 2017–2022 гг.: языковые модели и прагматические эффекты 103

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

Иванова Т. К., Бушканец Л. Е. Перспективы применения междисциплинарных методов в дискурс-анализе текста политической направленности на примере речи П. А. Столыпина 124

Шипилова Д. С. Интеррогативные предложения как способ выражения русофобии в современном виртуальном пространстве (на материале сети Reddit) 145

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

На журнал «Медиалингвистика» можно подписаться по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 39474

https://medialing.ru

Главный редактор *Л. Р. Дускаева*, д-р филол. наук, проф.
Редактор *О. В. Филиппова*
Корректоры *Ю. А. Стржельбицкая, А. С. Фомина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 16.05.2024.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

GRAMMAR OF THE MEDIA LANGUAGE

Simonova M. V. The status of the term *violencia de género* in the modern Spanish language 4

DISCOURSOLOGY OF MEDIA

Boginskaya O. A. Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization 17

Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V. Multimodal deixis in media discourse: Film vs TV interview narratives 30

THEORY OF MEDIA

Shlyakhova S. S., Kolesnik A. Yu. Polycode text in digital communications of the university: Content, graphics, illustrations 53

MEDIA STYLISTICS

Lebedinskaya E. Yu. Varieties of ironic objection in popular science Internet media text 76

Mazikova N. Yu. Humor in spontaneous media speech in 2017–2022: Language models and pragmatic effects 103

CRITICISM OF MEDIA SPEECH

Ivanova T. K., Bushkanetz L. I. Prospects for the use of interdisciplinary methods in discourse analysis of political text using the example of the P. A. Stolypin's speech 124

Shipilova D. S. Interrogative sentences as a way of expressing Russophobia in the modern virtual space (as exemplified in network Reddit) 145

ГРАММАТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 811.134.2

К вопросу о статусе выражения *violencia de género* в современном испанском языке

М. В. Симонова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Симонова М. В. (2024). К вопросу о статусе выражения *violencia de géner*о в современном испанском языке. *Медиалингвистика*, *11* (1), 4–16.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.101

Проблема гендерного насилия является одной из ключевых вопросов современного общества Испании. Феномен активно обсуждается как на государственном уровне, так и в обществе, а особенную значимость приобрел в современных испанских медиа, где теме насилия в отношении женщин уделяется особое внимание (например, в общественно-политических газетах в разделах «Гендерное насилие» или «Домашнее насилие»). Также внимание термину «гендерное насилие» уделяют сторонники гендерной языковой политики, целью которой является искоренение гендерной асимметрии в языке и в культуре. Актуальность выбранной темы также обусловлена тем фактом, что Испания является одной из стран-лидеров по принятию прогрессивных законов, направленных на борьбу с гендерным насилием. Анализ собственно языкового материала, словарей испанского языка, экстралингвистической ситуации в стране, изучение данных официальных статистик — все это позволило автору прийти к выводу о том, что в современной испанской действительности имеет место дисбаланс между экстралингвистическими факторами (активная борьба против гендерного насилия, наличие принятых законов, освещение этой темы в СМИ) и языком, в котором до сих пор не кодифицирован термин *violencia de género* (гендерное насилие) в главном словаре Королевской академии испанского языка (тогда как в других словарях и тематических глоссариях понятие трактуется по-разному). Сочетание *violencia de género* широко используется как в повседневной речи, в научной, так и в массмедиа, однако наличие дублетов препятствует правильному пониманию проблемы и, соответственно, борьбе с ней.

Ключевые слова: гендерное насилие, гендерная языковая политика, Королевская академия испанского языка, медиалингвистика, СМИ Испании.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Постановка проблемы

Изучение языка неразрывно связано с его социальной природой. В последнее время одним из мощнейших инструментов изменений в испанском языке (в первую очередь на лексическом уровне) является феномен борьбы с гендерной асимметрией, что проявляется в осуществлении гендерной языковой политики. Гендер становится «сложным социокультурным процессом формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках»[1]. Одним из проявлений гендерного неравенства как старейшей формы асимметрии, тесно связанной с его демонстрацией в материальной, этнической, религиозной, расовой и других сферах, является гендерное насилие, или насилие в отношении женщины [Силласте 2016]. Именно этому вопросу уделяется много внимания как лингвистами, социолингвистами, психологами, так и журналистами, ввиду того что тема борьбы с гендерным насилием освещается очень широко в ведущих медиа Испании[2].

Актуальность изучаемого вопроса обусловлена глобальностью проблемы гендерного насилия не только в Испании, но и в большинстве современных обществ. По мнению самих испанцев, тема гендерного насилия стоит особенно остро для 93,3 % населения[3]. В 2021 г. в Испании было зарегистрировано около 40 тысяч случаев насилия в отношении женщин, почти 31 тысяча относятся к категории гендерного насилия, остальные — случаи домашнего насилия[4].

Любопытны результаты опроса, проведенного национальным институтом статистики в январе 2023 г., когда на вопрос «По каким причинам, на ваш взгляд, происходят случаи насилия в отношении женщин?» большее количество респондентов ответило, что из-за ментальных проблем мужчины (12,2 %), второе место занял ответ «из-за нехватки образования, отсутствия принципов и ценностей» (10,6 %)[5]. В связи с этим очевиден тот факт, что проблема гендерного насилия, неравенства в обществе и в языке имеет место в Испании и требует комплексного подхода к ее решению. Изучение гендерного насилия в контексте культуры и языка, несомненно, поможет понять, осознать и найти пути решения. Любое индивидуальное насилие является результатом и продуктом определенной идеологии и культурной традиции, частью этой реальности [Бурдье, Пассрон 2006; van Soest, Bryant 1995: 550; Симонова, Симонова 2020]. Данный феномен широко изучается как в отечественной науке [Кофман 1997; Кофман 2020; Ростовская,

---

[1] Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М.: Информация XXI век, 2002. Электронный ресурс https://www.gender.by/gendernyj–slovar/ 04.

[2] В период с 1 января по 1 декабря 2023 г. в газете El Mundo вышло 1200 публикаций в разделе «Гендерное насилие», а в газете El País — более 3000 по данным официальных страниц www.elmundo.com и www.elpaís.com.

[3] Barometro de febrero 2020. Estudio no. 3273 (2020). *Centro de Investigaciones Sociológicas*. Электронный ресурс http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3273/es3273mar.pdf.

[4] Estadística de violencia doméstica y violencia de género (2021). *Instituto Nacional de Estadística*. Электронный ресурс https://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176866&menu=ultiDatos&idp=1254735573206.

[5] *Centro de Investigaciones Sociológicas*. Электронный ресурс https://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3380_3399/3393/es3393mar.pdf.

Безвербная 2020; Силласте 2016; Симонова 2020; Симонова 2021; Фирсова 2006], так и зарубежной [Falcón 2014; Futrado 2013; Velando Casanova 2005; Zurbano-Berenguer 2015].

История вопроса

Гендерная асимметрия — это источник нестабильности в государствах и в мире, что доказано специалистами, в том числе и экспертами ООН. В настоящее время международные агентства и организации разрабатывают масштабные программы по преодолению гендерной асимметрии во всех областях жизни. Гендерная асимметрия проявляется в национальном языке, когда имеет место неравномерная представленность лиц разного пола, как грамматически, синтаксически, так и лексически.

Гендерное равенство в языке является неотъемлемым условием обеспечения социальной справедливости и равенства в современном обществе, а также основанием для реализации социальной политики, для поддержания равенства в определенном государстве. Одним из ключевых понятий является лингвистическая дискриминация личности, которая может проявляться по таким признакам, как этническая, расовая принадлежность, возраст, пол, физическая дееспособность и др. [Толстокорова 2005: 88]. Основными формами проявления дискриминации в языке являются следующие: расизм, сексизм, эйджизм и т. п. Сексизм может выражаться в разных формах: гендерно-эксклюзивный, гендерно-ассиметричный, гендерно-некорректный язык. Несмотря на то что вопрос о необходимости гендерной языковой политики и массовом обсуждении положения о гендерно-корректном языке начал подниматься еще в середине 1970-х годов (например, работа Р. Лакоффа, в которой американский исследователь четко выразил свою позицию относительно связи дискриминации женщин и роли национального языка [Lakoff 1973: 46]), эта тема до сих пор остается на повестке дня во многих государствах.

В 1990-х годах в Испании стало развиваться идеологическое течение, целью которого было устранение гендерной дискриминации в языке. Появилось большое количество рекомендаций и книг по гендерно-корректному употреблению испанского языка в речи, однако первые работы и исследования стали выходить еще в конце 1980-х годов [Gibbon 1999]. В настоящее время существует большое количество публикаций, рекомендаций, редакционных документов для журналистов в области несексистского испанского языка и особенностей его использования в испаноязычных СМИ, но споры все еще продолжаются как на научном, медийном уровне, так и в политике. Вопрос о необходимости проведения гендерной языковой политики обсуждается в научном мире на испанском языке. Основными «узловыми точками» данных дискуссий являются такие понятия, как *lenguaje igualitario* (равноправный язык) и *lenguaje inclusivo* (инклюзивный язык). Принятие женщиной второстепенной роли во многих сферах жизни способствует росту случаев гендерного насилия [Fernández Poncela 2012], что не только проявляется в повседневной жизни, но и закрепляется в языке и речи.

В Испании вопрос гендерной асимметрии, где веками сложился патриархатный тип общества, стоит особенно остро. Проблема доминирующего по отношению к женщине поведения испанского мачо, ставшего нормой, вышла в лидеры по обсуждаемости и охватила все институты общества. Испанский язык, как и многие языки, имеет

долгую патриархальную традицию. Таким образом, язык, будучи транслятором патриархальной культуры, не мог не использоваться в иной форме кроме как сексистской.

Под давлением общества, которое требует изменения национального сознания и нововведений, политическая система была вынуждена создать организации, ассоциации, занимающиеся вопросами прав женщин с целью искоренения неравноправия [Calero 2002: 117]. В Испании, где существует огромное количество организаций, защищающих права и свободы женщин как на государственном, так и на автономном, городском, районном уровнях, языковая политика сводится, как правило, к замене определенных форм доминирования мужского рода на лексическом уровне. В данном тексте автор предлагает в первую очередь рассмотреть сам термин «гендерное насилие» на испанском языке как отражение и следствие неоднозначного отношения к этому термину и проблеме в современном испанском обществе.

Описание методики исследования

В исследовании использованы классические методы работы с материалом, такие как: описательно-аналитический и структурно-семантический методы, прием сплошной выборки с использованием расширенных функций поисковика в электронных версиях газет, словообразовательный и количественный анализ. За единицу счета были приняты словосочетания типа *violencia de género*, *violencia doméstica*, *violencia machista* и подобные дублеты. Сделанные автором выводы основаны на работе с толковыми словарями испанского языка, словарями профессиональной лексики, а также на базах данных испанского языка, законодательных актах и некоторых ведущих периодических изданиях Испании (газеты El País, La Vanguardia, El Mundo). Выбор данных печатных СМИ обусловлен несколькими факторами, а именно: лидирующими позициями в рейтинге ведущих качественных изданий Испании; наличием раздела «Гендерное насилие» или «Домашнее насилие»; доступом к материалам на официальных страницах газет. Представляется интересным проанализировать проблему гендерного насилия с позиции функционирования и кодификации понятия в языке.

В испанском языке в официальных документах, в научных публикациях, в материалах периодических изданий встречаются разнообразные дублеты словосочетанию «гендерное насилие», такие как: *violencia intrafamiliar* (насилие внутри семьи), *violencia familiar* (насилие в семье), *violencia doméstica* (домашнее насилие), *parricidio* (убийство родственника), *malos tratos* (жестокое обращение), *agresión sexual* (сексуальная агрессия), *terrorismo doméstico* (домашний террор), *feminicidio* (убийство на почве гендерной неприязни), *violencia contra las mujeres* (насилие в отношении женщин), *violencia machista* (насилие на почве женоненавистничества). Несомненно, наличие такого большого синонимичного ряда говорит о многообразии форм проявления агрессии в отношении женщин.

Анализ материала

Выражение *violencia doméstica* (домашнее насилие) впервые вошло в речь после проведения I Конгресса организаций, занимающихся вопросами семьи, в 1987 г. С этого момента все организации и институты, занимающиеся вопросами, связан-

ными с насилием в отношении женщин, стали использовать этот термин. Кроме того, в принятом Министерством занятости и социального обеспечения (Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales) в 1998 и 2001 гг. законе о домашнем насилии использовалась именно формулировка *violencia doméstica.* Этот термин подразумевал все формы жестокого отношения внутри семьи в отношении женщин, детей, а также лиц пожилого возраста. В дальнейшем сам термин стал подвергаться критике со стороны феминисток, так как, по их мнению, не отображал полной картины происходящего в обществе.

Языковая политика как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»[6], цель которой — изменение норм в определенных фрагментах языковой системы, в которых имеет место гендерная асимметрия, не даст желаемых результатов, если реформы не будут приняты обществом как норма словоупотребления. Главным институтом по кодификации норм испанского языка является Королевская академия испанского языка (Real Academia Española, RAE), результаты деятельности который закреплены в академических словарях и грамматике. Изначально основной задачей деятельности Академии было наблюдение и фиксирование закрепившихся в узусе слов и выражений, а также грамматических норм, но в последнее время RAE стремится предписывать новые нормы, а не фиксировать узус [Lázaro Carreter 1997: 87].

Академия RAE на протяжении долгого времени отстаивает необходимость использовать термин *violencia doméstica* в значении «гендерное насилие», отсылая к тому, что проблема намного шире, чем просто насилие в отношении женщин. Кроме того, члены Академии выступали в 2004 г. за формулировку *violencia doméstica* в «Органическом законе о домашнем насилии, в том числе и на почве половой неприязни» (Ley integral contra la violencia doméstica o por razón de sexo). Однако в финальном варианте закона появилось словосочетание «гендерное насилие» (*violencia de género*).

Исследователи проявления гендерного насилия в языке и культуре предлагают разнообразные обозначения этого явления: так, Анна Мария Перес Дель Кампо призывает использовать выражение *terrorismo doméstico*[7], когда речь идет о терроре, которому подвергаются женщины со стороны своих партнеров / бывших партнеров по аналогии с политическим давлением (автор его называет «политическое насилие» — *violencia de sesgo político*), которому подвержен любой гражданин страны. Лидия Фалькон [Falcón 2014: 38] настаивает на употреблении выражения *terrorismo sexista.* Другие теоретики настаивают на использовании сочетания *terrorismo de género*, описывая ситуацию террора и угрозы, основанную на структурном насилии. При гендерном терроризме, как и при политическом, считает Лоренте, террор проявляется посредством угроз, а его эффективность зависит не от процесса проявления насилия в отношении определенных людей с последующими травмами, а от наличия самой агрессии, которая может привести к конкретному случаю ее проявления [Lorente Acosta 2019: 93].

---

[6] Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Электронный ресурс http://tapemark.narod.ru/les/616a.html.

[7] Terrorismo doméstico (2010). *Arte contra violencia de género*. Электронный ресурс https://artecontraviolenciadegenero.org/terrorismo-domestico/.

Функционирующий в испанском языке еще один термин, *feminicidio* (от лат. *femina* и *-cidio*)[8], является заимствованием из английского языка (от *feminicide*). Если в английском языке термин обозначает «преступление на почве ненависти к женщине», то в испанском языке — «убийство женщины мужчиной на почве мачизма или женоненавистничества»[9]. Особое распространение этот термин получил в странах Латинской Америки, особенно в Мексике и Гватемале. Известная мексиканская исследователь-антрополог Марсела Лагарде понимает термин *feminicidio* очень широко, не только как гибель женщины от рук мужчины, но и как «набор насильственных действий в отношении женщин, в результате чего не только они лично являются жертвами, но и их окружение и имущество» [Lagarde y de los Ríos 2006: 14]. Исследовательница была одним из инициаторов того, чтобы использовать термин *feminicidio* в официальных документах после проведения в 2005 г. III Международного межпарламентарного диалога, посвященного насилию в отношении женщин в Мексике, Гватемале и Испании (Tercer Diálogo Internacional Interparlamentario sobre Violencia Feminicida entre México, Guatemala y España). Мексиканская сторона настаивала на употреблении термина *violencia feminicida* как «крайней формы гендерного насилия в отношении женщин, нарушающую права человека, в особенности право на жизнь, на безопасность, на доступ к правовой защите»[10].

В последние десятилетия как на официальном, так и на медийном уровне стало активно использоваться сочетание *violencia de género*. Несмотря на то что члены Королевской академии испанского языка выступают против употребления этого термина, он даже не зафиксирован в главном академическом словаре, а «Общеиспанский уточняющий словарь» (Diccionario Panhispánico de Dudas) лишь допускает использование этого термина как социокультурную категорию, которая отражает различия и неравноправие в социальной, экономической, политической или трудовой сферах деятельности. Однако в том же словаре отмечается, что, когда речь идет о насилии, то допустимо использовать альтернативные выражения: *discriminación/violencia por razón de sexo* (дискриминация/насилие по половому признаку): *discriminación/violencia contra las mujeres* (дискриминация/насилие в отношении женщин); *violencia doméstica* (домашнее насилие); *violencia de pareja* (насилие между партнерами).

А вот в Vademécum del Diccionario de Dudas del Español de la Fundéu BBVA[11] (Справочник словаря по особо важным вопросам испанского языка) предпринята попытка разграничить этот синонимичный ряд. Там высказывается призыв использовать выражение *violencia de género* в тех случаях, когда дискриминация женщины по гендерному признаку подтверждена официальными документами о подобном насилии.

---

[8] В латиноамериканских вариантах испанского языка также употребляется сокращенное *femicidio.*

[9] Diccionario de RAE. *Real Academia Española*. Электронный ресурс https://dle.rae.es/feminicidio?m=form.

[10] Conclusiones del III Diálogo Internacional Interparlamentario sobre la violencia feminicida (2005). *Mujeres en Red. El Periódico feminista*. Электронный ресурс https://mujeresenred.net/spip.php?article342.

[11] Diccionario. *Fundéu RAE.* Электронный ресурс https://www.fundeu.es/tema/diccionario/.

Когда в 2004 г. готовился проект первого интегрального закона о гендерном насилии[12], Королевская академия испанского языка выступила категорически против использования сочетания *violencia de género*, предложив заменить его на *por razón de sexo*.

Результаты исследования

Анализ ситуации, а также публикации испаноязычных исследователей на тему гендерного насилия показал, что на настоящий момент существует два блока специалистов, выступающих за использование и кодификацию принципиально разных обозначений «насилия в отношении женщин» на испанском языке. Одни исследователи, к числу которых принадлежат именитые академики, писатели и исследователи испанского языка (А. Грихельмо, Ф. Ласаро Карретер, А. Перес-Реверте и др.), а также члены RAE, выступают против употребления выражения *violencia de género*, апеллируя к наличию в испанском языке синонимичных терминов, а также к разнице значений лексемы *gender* в испанском и английском языках.

Испанское *género*[13] обозначает исключительно грамматический род, а не пол (у слова есть род — *género*, но не пол — *sexo*; говоря о людях, мы имеем в виду пол — *sexo*, а не род — *género*), тогда как в английском языке, где грамматический род не выражен, слово *gender* равнозначно лексеме *sex*[14]. Употребление английского *gender* в качестве синонима лексеме *sex* зафиксировано очень давно, а функционирование данного сочетания с более расширенным значением в контексте социальных и культурных различий приходится на 1960-е годы, когда наблюдался всплеск феминистских движений и исследований в англосаксонском мире [Velando Casanova 2005: 109]. Академия RAE особо отмечает, что в испанском языке нет традиции использовать слово *género* в качестве синонима лексической единицы *sexo*.

Испанский лингвист А. Грихельмо писал, что «только комплекс неполноценности испаноязычного населения по отношению к терминам, которые приходят из английского, может объяснить предпочтение испанских феминисток употреблять выражение *violencia de género* (худший перевод с английского: «слащавый и мягкотелый») вместо более точных и убедительных форм, таких как: *violencia machista*[15], *violencia sexista*[16] или *violencia de los hombres*[17]» [Grijelmo 2002: 252–253].

Знаменитый испанский филолог Ласаро Карретер также в 2000 г. осудил употребление сочетания *violencia de género* в заголовке одного из валенсийских изданий, отмечая, что факт подмены значений переводчиками ООН на конгрессе 1995 г. «был принят некоторыми поклонниками английского языка… и мог бы существо-

---

[12] Ley Orgánica 1/2004, de 28 de diciembre, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género.

[13] «…свойства, присущие существительным и некоторым местоимениям, благодаря которым их можно отнести к мужскому, женскому, а в некоторых языках — также к среднему роду» (*propiedad de los sustantivos y de algunos pronombres por la cual se clasifican en masculinos, femeninos y, en algunas lenguas, también en neutro*).

[14] Начало употребления в испанском языке сочетания *violencia de género*, кальки с английского *gender-based violence* или *gender violence*, приходится на период, когда проводился Конгресс женщин ООН (Пекин, 1995 г.).

[15] Насилие на почве мачизма.

[16] Насилие на почве сексизма.

[17] Мужское насилие.

вать, если бы только не ранил чувство достоинства кастильского языка (наравне с каталанским, португальским, итальянским, французским и т. п.), где понятия *род* и *пол* очень четко разграничены» [Lázaro Carreter 1997: 15].

Представители другого лагеря (А. Кастельянос, Э. Хиль Кальво, Ламарка Лапуэнте и др.) ссылаются на латинское происхождение английских *gender* и *violence*. Кроме того, выражение *violencia de género* уже относительно давно используется в международных документах. Справедлив вопрос журналиста Энрике Хиля Кальво к Академии RAE: почему с легкостью включаются в толковый словарь технические англицизмы, а когда речь идет про гуманитарные термины и понятия, появляются подводные камни?

По случаю лингвистических споров вокруг терминологии Королевская академия испанского языка опубликовала доклад, в котором обосновывалась позиция академиков, выступающих против использования сочетания *violencia de género*. Данный документ являлся ответом на заявления вице-президента испанского правительства о том, что язык Конституции 1978 г. ущемляет права и достоинства женщин, и требовала модифицировать текст главного документа. В этом ответе[18] Академия подчеркивает свои задачи по сохранению целостности испанского языка и ссылается на банк данных испанского языка, в котором выражение *violencia doméstica* являлось самым частотным в испаноязычных документах и литературе (136 документов), а *discriminación por razón de sexo* — в 70 документах, тогда как *violencia de género* — в 19 документах.

Споры на предмет использования английского перевода или собственно испанской терминологии все еще продолжаются, однако в 2004, 2007 и 2018 гг. были приняты законы о гендерном насилии, в которых употреблялось именно словосочетание *violencia de género*[19].

Сторонники гендерного равноправия, в том числе представители Министерства по вопросам равенства (Ministerio de Igualdad), Института женщин (Instituto de las Mujeres) более 15 лет пытаются оказать воздействие на RAE с целью включения в словарь термина *violencia de género* и тем самым кодифицировать языковую номинацию как отражение социальной реалии. Что касается этого сочетания, то оно уже давно закрепилось в узусе (термин представлен в законодательных актах, в редакционных документах для журналистов, а также в литературе, как научной, так и публицистической).

В 2019 г. RAE под давлением феминистских движений и активной деятельности Института женщин вновь была вынуждена обратиться к вопросу о включении термина *violencia de género* в толковый словарь испанского языка спустя 16 лет после того, как академики отклонили предложение о внесении сочетания в новое издание словаря. Речь идет о 24-м издании 2026 г. Однако представители Академии подчеркивают, что термин уже зафиксирован в двух словарях RAE: «Словарь юриди-

---

[18] Informe de la Real Academia Española sobre la expresión *violencia de género* (2004). *Universitat de València*. Электронный ресурс https://www.uv.es/ivorra/documentos/Genero.htm.

[19] Ley Orgánica 3/2007, de 22 de marzo, para la igualdad efectiva de mujeres y hombres (2007). *Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*. Электронный ресурс https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-6115; Real Decreto-ley 9/2018, de 3 de agosto, de medidas urgentes para el desarrollo del Pacto de Estado contra la violencia de género (2018). *Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*. Электронный ресурс https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2018-11135.

ческих терминов испанского языка»[20] и «Паниспанский юридический словарь»[21], где дается подробное толкование такого вида преступления, как *violencia de género*. В связи с этим представители RAE отказываются вносить словосочетание в электронную версию толкового словаря, которая обновляется ежегодно.

Бывший директор Академии испанского языка Дарио Вильануэва на вопрос, почему термин еще не включен в главный словарь испанского языка, ответил, что понятие «гендерное насилие — не новое слово, а сумма значений. Любой, кто владеет испанским языком, кто понимает значение слова “насилие” и “гендер”, способен понять этот концепт. Нет необходимости объяснять это в словаре»[22].

Если обратиться к данным корпуса употребления современного испанского языка, можно сделать вывод, что сочетание *violencia de género* встречается в официальных документах и в периодике намного чаще, чем другие его дублеты. Например, за 2022 г. в корпусе зафиксировано 1661 раз употребление *violencia de género*, тогда как словосочетание *violencia doméstica* встречается 1154 раза, а предлагаемый академиками термин *violencia por razón de sexo* — 6 раз. Лексема *maltrato*, обозначающая «действие и результат жестокого отношения» (Diccionario de la Real Academia Española — DRAE), является самой часто встречающейся в текстах на испанском языке (3745), она имеет очень широкое значение и может относиться как к людям, так и к животным и растениям. Термин *violencia de género*, который трактуется как «любое нанесение увечий, насилие против моральной или интимной целостности женщины партнером или бывшим партнером»[23], является наиболее используемым в сравнении с *violencia por razón de sexo*, на употреблении которого настаивают члены RAE.

В прессе Испании по данным за 2015–2022 гг. наиболее часто употребляется сочетание *violencia de género* (La Vanguardia — 39 100, El ABC — 21 225, El Diario — 19 115, El Mundo — 11 266, El País — 7730), затем идет *violencia machista* (La Vanguardia — 31 800, El ABC — 4411, El Diario — 12 533, El Mundo — 3699, El País — 4270), *violencia por razón de sexo* встречается слишком редко (La Vanguardia — 7, El ABC — 5, El Diario — 3, El Mundo — 6, El País — 2).

Полученные данные говорят о том, что термин *violencia de género*, как бы не сопротивлялись академики RAE, вошел в узус современного испанского языка, он не только используется в законодательных документах, но и в прессе (в большинстве газет есть специальный раздел *Violencia de género* или *Violencia machista*, в которых и публикуются материалы о случаях гендерного насилия).

Ввиду того, что термин *violencia de género* не кодифицирован в академическом словаре испанского языка, в настоящее время имеет место большое количество его трактовок и пониманий. Так, если в законах Испании прописано, что гендерное

---

[20] Diccionario del español jurídico. *Real Academia Española*. Электронный ресурс https://www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-del-espanol-juridico.

[21] Diccionario panhispánico del español jurídico. *Real Academia Española*. Электронный ресурс https://dpej.rae.es/.

[22] Alvarez P. La RAE se plantea incluir «violencia de género» en el diccionario 15 años después de rechazarlo (2020). *El País*. Электронный ресурс https://elpais.com/sociedad/2019/07/19/actualidad/1563550453_615535.html.

[23] Definición de violencia de género. *Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad*. Электронный ресурс https://www.inmujeres.gob.es/servRecursos/formacion/Pymes/docs/Introduccion/02_Definicion_de_violencia_de_genero.pdf.

насилие — это проявление дискриминации со стороны мужчины по отношению к женщине, супруге, бывшей или настоящей, т. е. оговаривается, что речь идет о насилии только в отношении женщины, то в официальных документах других испаноязычных стран, например Мексики, *violencia de género* определяется как насилие, совершенное не только в отношении женщин, но и девочек, мужчин, мальчиков, а также сексуальных меньшинств[24].

Выводы

Социолингвистическиая ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в Испании, когда массово пришли женщины в разные сферы деятельности, в том числе и в политику, активно стараясь искоренить гендерное неравноправие, а также повлиять на речевую практику современного испаноязычного социума, привела к тому, что на сегодняшний день узус языка вступил в конфликт с нормой, с существующими номинациями, которые не отражают полно современную картину состояния испаноязычного общества. Вольное понимание терминов и их трактовка, отсутствие кодификации в толковых словарях испанского языка не способствуют единому комплексному подходу к искоренению феномена гендерного насилия в обществе.

Противостояние академиков Королевской академии испанского языка и членов других ассоциаций, выступающих за равноправие в языке, приобрело форму «спектакля», когда ни одна из сторон не поддерживает конструктивный диалог [Bolívar 2018]. Так, в 2018 г. один из академиков, писатель и журналист Артуро Перес-Реверте публично заявил, что если будут приняты поправки лингвистического характера в текст Конституции Испании, то он покинет свое кресло Академии[25].

Большую разницу между нормой и узусом сочетания «гендерное насилие» подтверждает и анализ ведущих печатных медиа на испанском языке (El País, La Vanguardia, El Mundo), в которых, во-первых, употребляются разные варианты анализируемого явления, что придает информации разные оттенки и значения, фокусирует внимание читателя на не «ключевых» аспектах насилия; во вторых, очевидно, что предпочтение отдается использованию сочетания *violencia de género*, что соответствует европейской и мировой повестке.

Члены Королевской академии испанского языка, всегда придерживаясь политики минимизации вмешательств в языковые процессы, заняли очень активную позицию по неприятию термина *violencia de género*, что и объясняет сложившуюся ситуацию, когда учет роли узуса в формировании нормы достигается благодаря сообществам, организациям, которые борются за равноправие в обществе и в языке. Такое положение можно назвать идеологической борьбой, но никак не лингвистической [Calero 2002: 113].

---

[24] Glosario de términos sobre violencia contra la mujer. *Gobierno de México*. Электронный ресурс http://cedoc.inmujeres.gob.mx/lgamvlv/conavim/glosario_conavim.pdf.

[25] Arturo Pérez-Reverte amenaza con dejar la RAE si se revisa la Constitución para adecuarla al lenguaje inclusivo (2018). *El Mundo.* Электронный ресурс https://www.elmundo.es/cultura/literatura/2018/07/12/5b47092c268e3e86428b45b8.html.

Литература

Бурдье, П., Пассрон, Ж. (2006). Основы теории символического насилия. (Фрагменты из книги. Пер. с фр. Н. Шматко). *Вопросы образования*, *2*, 39–60.

Кофман, А. Ф. (1997). *Латиноамериканский художественный образ мира*. М.: Наследие.

Кофман, А. Ф. (2020). Мачизм и его отражение в испаноамериканском фольклоре. *Традиционная культура*, *1* (21), 7–90. https://doi.org/10.26158/TK. 2020.21.1.005

Ростовская, Т. К., Безвербная, Н. А. (2020). Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. *Женщина в российском обществе*, *2*, 89–98. https://doi.org/10.21064/WinRS. 2020.2.8

Силласте, Г. Г. (2016). *Гендерная социология и российская реальность*. М.: Альфа-М.

Симонова, М. В. (2020). Микромачизм в современном испанском языке и культуре. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, *1* (17), 89–101.

Симонова, М. В. (2021). Феномен постправды в освещении темы гендерного насилия в пандемийном медиапространстве Испании (на материале газеты «ABC»). *Медиалингвистика*, *1* (8), 35–44.

Симонова, Е. В., Симонова, М. В. (2020). Гендерное насилие в Испании (культурно-идеологический аспект). *Общественные науки и современность*, *5*, 165–176. https://doi.org/10.31857/S086904990012330-5

Толстокорова, А. В. (2005). Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения. *Журнал исследований социальной политики*, *1* (3), 87–110.

Фирсова, Н. М. (2006). Отражение маскулинность в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов. *Вестник РУДН. Сер. Лингвистика*, *8*, 76–85.

Bolívar, A. (2018). *Political discourse as dialogue. A Latin American perspective.* London; New York: Routledge.

Calero, M. L. (2002). Lenguaje, género, sexo: reflexiones desde la lingüística y desde el feminismo. En: *Mujeres, Hombres y Medios de Comunicación* (pp. 113–131). Valladolid: Junta de Castilla y León.

Falcón, L. (2014). *Los nuevos machismos*. México: Aresta.

Fernández Poncela, A. M. (2012). *La violencia en el lenguaje o el lenguaje que violenta. Equidad de género y lenguaje*. México: Universidad Autónoma de México.

Futrado, V. (2013). El lenguaje incluido como política lingüística de género. *Revista digital de políticas lingüísticas*, *5* (5), 48–70.

Gibbon, M. (1999). *Feminist perspectives on language*. 1st ed. London: Longman.

Grijelmo, Á. (2002). *La seducción de las palabras.* Madrid: Taurus.

Lagarde y de los Ríos, M. (2010). El derecho humano de las mujeres a una vida libre de violencia. En: *Mujeres, globalización y derechos humanos* (pp. 477–534). Coord. por Virginia Maquieira d'Angelo. Madrid: Ediciones Cátedra.

Lakoff, R. (1973). Language and women's Place. *Language in Society*, *2*, 45–79.

Lázaro Carreter, F. (1997). *El dardo en la palabra*. Barcelona: Círculo de Lectores: Galaxia Gutenberg.

Lorente Acosta, M. (2019). Violencia pública, violencia privada. *Tiempo de paz*, *134*, 92–100. Электронный ресурс https://revistatiempodepaz.org/revista-134/#dflip-df_1391/93/.

van Soest, D., Bryant, S. (1995). *Violence reconceptualized for social work: The urban dilemma*, Social Work, *4* (40), pp. 549–557.

Velando Casanova, M. (2005). La RAE y la violencia de género: reflexiones en torno al debate lingüístico sobre el título de una ley. *Cultura, lenguaje y representación. Violencia Y Cultura*, *2*, pp. 107–124.

Zurbano-Berenguer, B. (2015). *Discurso periodístico y violencias contra las mujeres. Aproximaciones a la construcción y valoración de los mensajes informativos en la prensa de referencia en España (2000–2012).* Sevilla: Universidad de Sevilla.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 28 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Симонова Мария Владимировна — канд. филол. наук, ст. преп.; simonova2808@gmail.com

The status of the term *violencia de género* in the modern Spanish language

M. V. Simonova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Simonova M. V. (2024). The status of the term *violencia de género* in the modern Spanish language. *Media Linguistics*, *11* (1), 4–16. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.101 (In Russian)

The problem of gender-based violence is one of the key in the most modern societies including Spain. In the country where the tradition of patriarchal relations is rooted feminist organisations, nongovernment and state organisations are constantly fighting with the gender asymmetry. In addition, the topic of gender-based violence receives special attention in the Spanish media. There are even sections in leading newspapers named "Gender-based Violence" or "Domestic Violence". The phenomenon of gender-based violence in the context of gender language policy is actively discussed. Spain is one of the leading countries in adopting progressive gender laws aimed to combat gender-based violence. This very active attitude towards the problem of gender-based violence contrasts with the language policy in this area. Analysis of the actual linguistic material, extralinguistic situation in the country, study of the data of official statistics allowed the author to come to the conclusion that in the modern Spanish reality there is an imbalance between extralinguistic factors (active struggle against gender-based violence, presence of progressive laws) and the same language, in which the term *violencia de género* has not yet been codified in the dictionary of the Royal Academy of the Spanish language (while in other dictionaries and glossaries the concept is interpreted). The combination *violencia de género* is widely used in the Spanish speech, in the scientific papers and in the Spanish media space, that is confirmed by the Spanish language database. Free interpretations of this term because of its absence in the main dictionaries do not help the society to understand the problem properly and eradicate it.

Keywords: gender violence, gender language policy, Royal Academy of the Spanish Language, media linguistics, Spanish media.

References

Bolívar, A. (2018). *Political discourse as dialogue. A Latin American perspective.* London; New York: Routledge.

Bourdieu, P., Passeron, J.-C. (2006). Foundations of a theory of symbolic violence (Passages from the book. Transl. from French by N. Shmatko). *Voprosy obrazovaniia*, *2*, 39–60. (In Russian)

Calero, M. L. (2002). Lenguaje, género, sexo: reflexiones desde la lingüística y desde el feminismo. En: *Mujeres, Hombres y Medios de Comunicación* (pp. 113–131). Valladolid: Junta de Castilla y León.

Falcón, L. (2014). *Los nuevos machismos*. México: Aresta.

Fernández Poncela, A. M. (2012). *La violencia en el lenguaje o el lenguaje que violenta. Equidad de género y lenguaje*. México: Universidad Autónoma de México.

Firsova, N. M. (2006). Reflection of masculinity in verbal and non-verbal means of communication of Hispanic people. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika*, 8, 76–85. (In Russian)

Futrado, V. (2013). El lenguaje incluido como política lingüística de género. *Revista digital de políticas lingüísticas*, *5* (5), 48–70.

Gibbon, M. (1999). *Feminist perspectives on language*. 1st ed. London: Longman.

Grijelmo, Á. (2002). *La seducción de las palabras.* Madrid: Taurus.

Kofman, A. F. (1997). *Latin American Literary image of the world*. Moscow: Nasledie Publ. (In Russian)

Kofman, A. F. (2020). Machismo and its Reflection in Spanish-American Folklore. *Traditsionnaia kul'tura*, *1* (21), pp. 76–90. https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.1.005 (In Russian)

Lagarde y de los Ríos, M. (2010). El derecho humano de las mujeres a una vida libre de violencia. En: *Mujeres, globalización y derechos humanos* (pp. 477–534). Coord. por Virginia Maquieira d'Angelo. Madrid: Ediciones Cátedra.

Lakoff, R. (1973). Language and women's Place. *Language in Society*, 2, 45–79.
Lázaro Carreter, F. (1997). *El dardo en la palabra*. Barcelona: Círculo de Lectores: Galaxia Gutenberg.
Lorente Acosta, M. (2019). Violencia pública, violencia privada. *Tiempo de paz*, *134*, 92–100. Retrieved from https://revistatiempodepaz.org/revista-134/ dflip-df_1391/93/.
Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2020). Violence against women: global trends. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, *2*, 89–98. https://doi.org/10.21064/WinRS. 2020.2.8 (In Russian)
Sillaste, G. G. (2016). *Gender Sociology and Russian Reality*. Moscow: Alfa-M Publ. (In Russian)
Simonova, M. V. (2020). Micromachism in the modern Spanish language and culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, *1* (17), 89–101. https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.106 (In Russian)
Simonova, M. V. (2021). The post-truth phenomenon in coverage of the gender-based violence is-sue in Spain's pandemic media space (on the material of ABC). *Media Linguistics, 1* (8), 35–44. https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.103 (In Russian)
Simonova, E. V., Simonova M. V. (2020). Gender-Based Violence in Spain (Cultural and Ideological Approach). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 165–176. https://doi.org/10.31857/S086904990012330-5 (In Russian)
Tolstokorova, A. V. (2005). Gender-sensitive language reform as an element of global social policy: Experience of the International Women's Movement. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, *1* (3), 87–110. (In Russian)
van Soest, D., Bryant, S. (1995). *Violence reconceptualized for social work: The urban dilemma*, Social Work, *4* (40), 549–557.
Velando Casanova, M. (2005). La RAE y la violencia de género: reflexiones en torno al debate lingüístico sobre el título de una ley. *Cultura, lenguaje y representación*, *2*, 107–124.
Zurbano-Berenguer, B. (2015). *Discurso periodístico y violencias contra las mujeres. Aproximaciones a la construcción y valoración de los mensajes informativos en la prensa de referencia en España (2000–2012)*. Sevilla: Universidad de Sevilla.

Received: August 25, 2023
Accepted: November 28, 2023

Author's information:

Mariya V. Simonova — PhD in Philology, Senior Lecturer; simonova2808@gmail.com

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

UDC 81'13

Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization

O. A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University,
83, ul. Lermontova, Irkutsk, 664074, Russian Federation

For citation: Boginskaya O. A. (2024). Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization. *Media Linguistics*, *11* (1), 17–29. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.102

A considerable amount of research has established that media discourse is an interactive event whose success and efficiency depend on speaker-listener relationship. Yet the nature of this interaction has been explored in a great number of studies, few works deal with how TED speakers address the needs of their listeners and manage the interaction with them. TED is considered to be one of the new ways of spreading scientific information online. Due to being an emerging genre, TED Talks have barely been analyzed in terms of popularization tools used to facilitate listeners' comprehension of materials presented by TED speakers. Drawing on a corpus of 80 transcripts of TED Talks derived from the *ted.com* website, this study explores how TED speakers elaborate their ideas to address listeners' needs. The aim of this research is to explore the types of code glosses, their lexical realizations, pragmatic functions and frequencies of occurrence. In order to explore the types and frequency of code glosses employed in TED lectures, the present study applied the quantitative method. With the aim of identifying the pragmatic functions the code glosses serve in TED Talks, the study applied the interpretative method. The analysis of the corpus revealed that code glosses are a crucial element of expert-lay interactions serving the popularization function. Two types of code glossing were employed by TED speakers with the predominance of exemplifiers intended to facilitate listeners' comprehension and make speaker's ideas accessible through illustration or scenario-based elaboration. All code glosses found in the corpus serve the popularization purpose which indicates that TED speakers made attempts to recontextualize scientific content and make specialized concepts comprehensible for a lay listener.

Keywords: code glosses, TED Talks, popularization discourse, scientific knowledge, expert-lay interaction.

© St. Petersburg State University, 2024

Problem statement

In the 20th century, the need to make science closer to laypeople contributed to the emergence of popular science discourse. This need has been developing with the advent of the Internet that brings new communicative dynamics which affects science discourse. The number of popular science texts presented on the Internet is growing and new genres have appeared.

TED (Technology, Entertainment and Design) is considered to be one of the new ways of spreading scientific information online. It is a nonprofit organization that aims to spread ideas in the form of short talks and share education lessons through the TED-EDs (the education-specific part of the TED platform). As stated on the website, TED's mission is to spread ideas that spark imagination, embrace possibility, and catalyze impact. The organization welcomes speakers from different disciplines and cultures who seek a deeper understanding of the world and connection with others. The emergence and popularity of this type of discourse result from the growing interest in scientific information satisfied by digital resources that popularize science. These are specialized network portals and copyright blogs on various platforms which have become the point of interaction with scientific information [Rysakova 2022].

With this abundance of popular science information, the questions arise whether popular science communication is effective and to what extent a lay audience understands specialized knowledge. As far as this knowledge is addressed to non-experts, different popularization strategies are required to make it understandable.

It is well known that the understanding of specialized texts can be arduous for non-experts. On the contrary, popularization discourse uses more informal language, including conversational style. Producers of popular science texts act as mediators between the scientific content and popularized information which should become accessible to laypeople through the right choice of lexical items and syntactic structures that they consider transparent and user-friendly. It is important for producers of popular science texts to avoid using words that may be incomprehensible for non-experts or employ popularization strategies.

Despite the fact that the issues of popularization and scientific knowledge dissemination have attracted many discourse analysts [Anesa 2016; Boldyrev, Efimenko 2022; Boginskaya 2020; Boginskaya, 2022; Calsamiglia, van Dijk 2004; Ciapuscio 2003; Gotti 2011; Mamonova 2023; Rysakova 2022], the ways how specialized knowledge is re-contextualized in TED Talks have not been analyzed, and code glosses used in this genre have barely been studied in terms of knowledge popularization. The present study seeks to fill this research gap contributing to linguistic literature on knowledge popularization through the use of metadiscourse.

The study aims to analyze code glosses as metadiscourse resources of popularization exploited by TED speakers to make scientific knowledge understandable for a lay audience and help them decode the speaker's message. In achieving this purpose, the study intends to answer the following questions:

1. What types of code glossing are employed in TED Talks with the aim of depicting specific concepts?
2. What is the frequency of occurrence of these types of code glossing in the corpus?
3. What linguistic items signal the types of code glossing that appear in the corpus?

Hence, this article has two focal points: it contributes to supporting the view of popularization in media and examines code glosses as metadiscourse resources employed to explain scientific knowledge in TED Talks as a popularizing genre in the media space. The rationale for this study lies in the need to contribute to our understanding of the popularization processes through which scientific information is presented by on the TED platform.

This article is structured as follows: Prior studies on popularization of science, TED Talks as a genre of media discourse and metadiscourse patterns are reviewed in the following section. Then, the corpus, including the corpus selection criteria, and the methods employed to analyze the corpus are described. The 'Analysis' section considers code glosses found in the corpus through some exemplifications. Conclusion are made and further research avenues are outlined in the final section.

Theoretical background

Popularization of science

Research on scientific knowledge popularization has been conducted by a large number of scholars who described linguistic features of expert-lay interactions [Anesa 2016; Calsamiglia 2003; Calsamiglia, van Dijk 2004; Ciapuscio 2003; Gülich 2003; Hilgartner 1990; Myers 2003; Rysakova 2022].

In literature, the concept of popularization is often associated with the communication of scientific knowledge through the modification or distortion. Hilgartner, for example, claimed that popularization can be considered both as a positive and negative process: it is appropriate simplification of science for non-experts but it distorts science [Hilgartner 1990]. In a different light, Calsamiglia defined the concept of popularization as vulgarization, debasement, translation, transposition, or reformulation [Calsamiglia 2003]. Ciapuscio described knowledge popularization as the process of recontextualization or putting something in a different context [Ciapuscio 2003], while Sarangi defined it as a transfer and transformation of discourse into texts divorced from the social interaction that created them [Sarangi 1998].

A different interpretation of the concept of popularization was provided by Gotti, who defined popularization as "a kind of redrafting that does not alter the disciplinary content — object of the transaction — as much as its language which needs to be remodeled to suit a new target audience" [Gotti 2014: 19]. Gotti claimed that popularized information is transferred linguistically in a way similar to periphrasis or to intralingual translation.

In contrast to Gotti, Anesa argued that "the notion of popularization goes beyond that of a form of intra-linguistic translation where specialized language is transposed into a simplified one" [Anesa 2016: 73]. The researcher described popularization "as a form of rediscoursification, intended as the creation of a new type of discourse, where specialized language is exploited differently according to a new set of participants, setting, objectives and rules, thus producing new culturally and historically located meanings" [Anesa 2016: 73].

One of the most comprehensive definitions of popularization taken as the theoretical basis in the present study has been provided by Calsamiglia and van Dijk who referred popularization to "the transformation of specialized knowledge into 'everyday' or 'lay'

knowledge" and claimed that popularization is formulated in such a way that laypeople are able to construct lay versions of scientific knowledge and integrate these with everyday knowledge [Calsamiglia, van Dijk 2004: 370].

TED Talks as a popularizing genre

TED Talks create a new popularizing genre started by a conference in Technology and design in 1984 in California. It rapidly became a platform sharing individual experience to a wide audience with an estimated one billion viewers. TED Talks are delivered by experts in different fields who deal with a variety of topics, ranging from the "hard" sciences to the humanities and covering areas such as architecture, health, history, and culture.

The participation in TED conferences is regulated by strict rules: each speaker has no more than 18 minutes and must carefully prepare the lecture. Conference participants submit applications and send their lecture plans to the organizers six months before the conference. The lecture is usually monologic, but in rare cases it can take the form of an interview. Sometimes the monologue is supplemented by answers to facilitator's questions. The lecture is delivered without written support, sometimes accompanied by slides. TED lecturers may speak in pairs, taking turns in pronouncing their text. The TED's decision to launch the website in 2006 marked a new era in the history of this genre. Hundreds of videos of selected TED Talks are now available on the website contributing to the formation of a secondary audience for video recordings of conferences.

In their presentations, TED speakers recontextualize scientific knowledge and employ various metadiscourse resources to interact with a lay audience in achieving both the informational and promotional purposes. They explain abstract concepts and specialized terms to disseminate scientific knowledge. The popularization function realized by TED Talks implies therefore the provision of a possibility to transmit scientific knowledge to laypeople, and to disseminate knowledge on crucial scientific phenomena. As Hyland put it, "the languages of the academy have quietly begun to insert themselves into every cranny of our lives in the West, colonizing the discourses of technocracy, bureaucracy, entertainment and advertising. Almost unnoticed, academic discourses have reshaped our entire world view, becoming the dominant mode for interpreting reality and our own existence" [Hyland 1998: 2].

Despite the growing popularity of this genre, linguistic studies of TED lectures are not numerous. TED Talks are commonly explored within studies of popular science discourse focusing on their linguistic and culture-bound features, rhetorical strategies and moves, or translation strategies. Caliendo describes this genre as hybrid and claims that TED Talks lie at the intersection of a number of genres such as university lectures, newspaper articles, conference presentations and TV science programmes [Caliendo 2014]. Among the studies that reveal linguistic features of TED Talks is Caliendo and Compagnone's research which compares the use of pronouns in academic lectures and TED Talks. The researchers found that unlike academic lecturers, TED speakers use 'we'-pronoun to refer to themselves excluding the audience and presenting themselves as experts [Caliendo, Compagnone 2014]. In his another study, Compagnone explored how academic discourse is reconceptualized as a professional practice via the web-mediated genre of TED Talks. The researcher focused on the way in which academics represent themselves discursively in the setting of the university classroom and that of TED [Compagnone 2015].

A recent study of TED Talks was conducted by Almaged who has investigated the linguistic mechanism of disseminating knowledge about terrorism [Almaged 2021]. Miranda and Moritz's study, conducted in the same year, has focused on the rhetorical structure of the genre of TED Talks. The analysis has revealed a constant pattern of moves and steps: every talk under consideration contained five moves such as topic introduction, speaker presentation, topic development, concluding messages, and acknowledgments/gratitude [Miranda, Moritz 2021].

In the Russian academic context, Nechaeva explored TED Talks as a special type of public lecture which features a number of linguistic resources used to attract attention and create a certain attitude to the issue under consideration. The researcher emphasized that figurative language makes TED Talks more emotional and enhances the impact on a lay audience turning a lecture into a friendly confidential conversation [Nechaeva 2016]. Viktorova analyzed TED Talks as a media genre, identified its place in the speech genre hierarchy, and specified its chronotopos and linguistic features. The generic features of TED Talks were analyzed within the pragmatic framework constituted by discourse markers and including discourse structure, addressor-addressee's interaction, authorial self-presentation. The study showed that the TED Talks is an independent genre realized both in real and online communication. TED Talks are marked by structural and logical transparency and preciseness, strong orientation to the addressee's needs, persuasiveness and dialogueness. In addition, TED lectures feature the compaction of several genres, which refers to the complication and enrichment of the generic characteristics of the text: a popular science lecture turns into media discourse [Viktorova 2019].

Metadiscourse as a crucial feature of popularizing discourse

The term "metadiscourse" was created by Harris in 1959 to indicate the ways of representing speaker's attempts to guide a receiver's perception of a text. Since then, the concept of metadiscourse has been further developed in a number of studies. Vande Kopple, for instance, defined metadiscourse as a range of rhetorical features such as hedges, connectives and commentaries used to influence the reader's perception of the text [Vande Kopple 1985]. In the same vein, Hyland described metadiscourse as expressions assisting writers/speakers to express a viewpoint and engage with readers taking into account their understandings and values [Hyland 2005]. The researcher has developed a model of metadiscourse including two categories — interactive metadiscourse and interactional metadiscourse. While interactive markers serve to organize information in coherent and convincing ways and allow speakers and writers to organize the propositional content in such a way that an audience finds it comprehensible, interactional devices help build a relationship with the reader by expressing doubt or certainty or various other attitudes towards the proposition [Hyland 2005]. It should be mentioned that though Hyland's model is usually used in the analysis of academic texts, attempts to apply the model to the study of other types of discourse are also recurrent [Chaemsaithong 2014; Fu 2012; Zou, Hyland 2020].

Code glosses chosen for the present study were referred to interactive metadiscourse resources which, along with endophoric markers, evidentials, frame markers and transition markers, play a crucial role in allowing speakers/writers to make their texts coherent, understandable, and user-friendly. They are intended to assist the audience

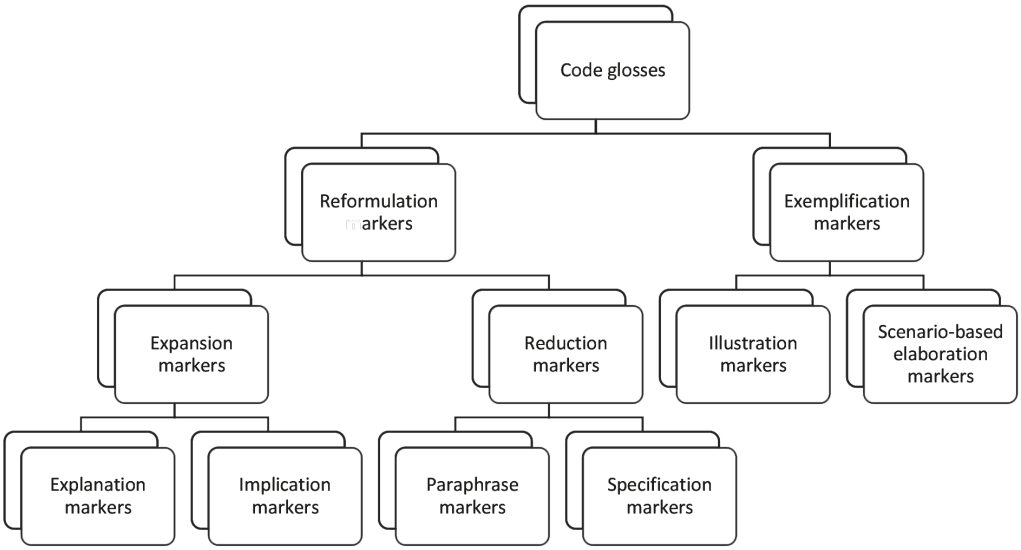


Figure. Taxonomy of code glosses in Hyland's model

with elaboration, specificity, clarification and examples facilitating listeners' comprehension of the propositional material by connecting sentences to the reader's experience and knowledge-base. Hyland distinguished between two types of code glossing: reformulation and exemplification, which were further subdivided into subtypes (Figure[1]).

Reformulation is a discourse function by means of which the second part rewords the first one using different words to reinforce the message [Hyland 2007]. It involves two procedures — expansion and reduction. Expansion can be realized through explanation or implication which "restate an idea in such a way as to widen the sense in which the writer intends it to be understood" [Hyland 2007: 274]. While explanation increases the accessibility of a concept by expanding the reader's understanding of material, implication allows speakers to "draw a conclusion or sum up the main import of the prior segment" [Hyland 2007: 275]. In contrast to expansion, reduction narrows the meaning of what has been said and the range of interpretations through paraphrase or specification. While paraphrase restates an idea in different words to provide a summary, specification details "features which are salient to the primary thesis in order to constrain how the reader might interpret it" [Hyland 2007: 276]. Exemplification is the second type of code glossing which makes speaker's ideas accessible through illustration or scenario-based elaboration.

Examples of lexical items used for code glossing are presented below:

— explanation markers: *referred to*, *that is*, *known as*, *called*, *defined as*;

— implication markers: *this/which means*;

— paraphrase markers: *that is*, *in other words*, *put it another way*, *put it differently*, *that is to say*;

[1] It should be noted that in Hyland's model, the types of exemplification have not been clearly labelled [Hyland 2007].

— specification markers: *especially*, *more specifically*, *in particular to*, *particularly*, *in particular*, *specifically*, *more accurately speaking*, *to be exact*, *to be precise*, *namely*;

— exemplification markers: *such as*, *for example*, *for instance*, *an example of*, *like*.

Methodology

In order to explore the types and frequency of code glosses employed in TED lectures, the present study applied the quantitative method. With the aim of going beyond a mere list of code glosses that serve the popularization function, the study applied the interpretative method.

The following are the steps of the analysis as it appears in the article:

1. Identification of the types of code glossing based on the search items presented in Section "Metadiscourse as a crucial feature of popularizing discourse".
2. Identification of the frequency of each type of code glossing.
3. Identification of the frequency of lexical items used as code glosses.
4. Description of the pragmatic functions code glosses serve in the examples taken from the corpus.

For the purpose of the present study intended to reveal the types and frequency of code glosses employed in TED Talks to facilitate comprehension of scientific knowledge by a lay audience, a linguistic corpus was designed following the principles of Corpus Linguistics. The corpus built includes 80 TED Talks whose transcriptions were derived from the *ted.com* website. The website provides an opportunity to get acquainted with popular science lectures on a variety of issues ranging from technology to social problems. The website represents therefore an interesting locus to explore popular science discourse. On the one hand, its content brings it closer to scientific articles and academic lectures. On the other hand, it is free from literary canons and not constrained by the rigor of science and academia.

To compile the corpus for the present study, the TED Talks were selected based on the following criteria:

1) thematic variety that ranges from technology to human rights;
2) recency: all TED Talks date back to the period between 2020 and 2023 as the aim is to focus on synchronically comparable texts.

The size of the corpus is 151,667 words. The average length of 80 presentations is 1896 words.

Analysis

Taking the types of code glossing presented in Figure as the starting point, the present study focuses on the popularization tools that frequently appear in the corpus of TED Talks.

The quantitative analysis revealed the frequency of occurrences of the code glosses used by TED speakers to popularize scientific knowledge:

— implication markers: 24 occurrences;
— explanation markers: 17 occurrences;
— paraphrase markers: 29 occurrences;
— specification markers: 42 occurrences;

— scenario-based elaboration markers: 67 occurrences;
— illustration markers: 130 occurrences.

As can be seen, illustration markers, scenario-based elaboration and specification markers are the most common code gloss signals in the corpus of TED Talks.

Reformulators

Reformulation occurs when the TED speaker reformulates an utterance by expressing specialized concepts in a different way. Reformulation markers comprised about 36 % of the code gloss signals in the corpus. As the quantitative analysis revealed, reduction signals (paraphrase markers and specification markers) that narrow the meaning of what has been said and the range of interpretations were the most frequently used type of reformulation (63,4 %). Here is an extract from the TED lecture which features the paraphrase as a type of reduction.

(1) ***In other words****, if I want to study how the dragonfly does coordinate transformations, the neural circuit that I need to understand, the neural circuit that I need to study, can have at most four layers of neurons.*

(2) *Debate is a way to organize conversations about how the world is, could, should be.* ***Or to put it another way****, I would love to offer you my experience-backed, evidence-tested guide to talking to your cousin about politics at your next family dinner; reorganizing the way in which your team debates new proposals; thinking about how we change our public conversation.*

The paraphrase markers are employed here to restate ideas in different words to make them comprehensible for a lay listener. Paraphrasing is purposeful, indicating that the TED speaker is making an effort to facilitate listeners' comprehension and achieve a particular pragmatic effect. On the one hand, the reference expression and the treating expression are in a relationship of semantic equivalence; on the other hand, they are in a relationship of difference, since the treating expression contains new words and belongs to a different register. As Ciapuscio put it, when a speaker applies this procedure, he/she refers to a previous expression by means of a new one that somehow changes it. The procedure should be considered as an equivalence operation so that the two units are different ways of expressing a single meaning [Ciapuscio 2003].

Below are two examples of the specification, one more type of code glossing used to narrow the meaning.

(3) *We would extract and sequence DNA, which allowed us to understand which microorganisms, and* ***particularly*** *fungi, live in each of these forests.*

(4) ***Specifically,*** *we could remove components of the translational machinery, specific tRNAs, that normally read the codons that we've removed from the genome.*

In (3), the equivalence between the original statement and the reformulated one is signaled by the specification marker *particularly* that details what microorganism lives in specific forests in order to constrain how the listener might interpret the statement. In (4), the specifier details which components of the translational machinery can be removed from the cell. Here is an example illustrating the use of the specification marker *namely*, which was less frequent in the corpus:

(5) *You can be present-hedonistic,* ***namely*** *you focus on the joys of life, or present-fatalist — it doesn't matter, your life is controlled.*

Among the expansion markers, implication resources were employed more frequently. Here are two examples illustrating this type:

(6) *And **this means** that most amino acids are encoded by more than one triplet codon.*
(7) *Schizophrenia is considered a syndrome, **which means** it may encompass a number of related disorders that have similar symptoms but varying causes.*

It should be noted that despite its rather frequent appearance (24 occurrences) in the corpus, implication was realized only through the use of two linguistic items — *this means* and *which means*.

As for the explanation markers, they were surprisingly the least frequent in the corpus and appeared only 17 times. The most common code glosses functioning as explanation markers were *known as* and *called.* Here are two examples from the corpus:

(8) *Now, proteins are amazing, but they're just one example from a vast class of molecules **known as** polymers, which includes plastics, materials and drugs.*
(9) *So these circular structures in this root network are **called** root nodules.*

The code gloss *defined* that frequently appears in scientific discourse was rarely employed in my corpus (two occurrences). Below is an example of the use of this marker.

(10) *And triplet codons that encode the same amino acid are **defined** as synonymous codons.*

The analysis also revealed the most frequent linguistic resources used in the TED Talks to verbalize reformulation: *in particular* (24 % of the total number), *known as* (18 % of the total number), *this means* (13 % of the total number), *specifically* (11 % of the total number), *that is* and *in other words* (each accounts for 9 % of the total number), *namely* (7 % of the total number), and *called* (6 % of the total number). The preponderance of two markers — *in particular* and *known as* — over the other ones implies that TED talkers used a limited set of reformulation items.

Exemplifiers

Exemplification includes the resources used by TED speakers to elaborate abstract concepts in terms of everyday experience. Exemplification as a metadiscourse function realized by code glosses is based on analogical processes that allow experts to link abstract concepts to specific objects or events. The corpus-driven analysis revealed that TED speakers frequently used this metadiscourse resource in an attempt to make scientific information comprehensible. Taking a look from the relative frequency of exemplifiers in the corpus, they were the most common code glosses.

The analysis identified two types of exemplification in the corpus: scenario-based elaboration and illustration. Regarding the difference between these two techniques, the former involves drawing up events, creating possible but imaginary situations, while in case of illustration meaning is clarified by a second unit which illustrates the first by providing an example. Both techniques, therefore, elaborate specialized concepts with the aim of making them less abstract. Such exemplifications are often easier to remember than general knowledge and hence are quite useful as popularization devices in expert-lay interactions [Calsamiglia, van Dijk 2004]. The following example illustrates the case where the TED speaker feels necessary to ensure that the specialized concept is understood by the lay audience and provides a highly comprehensible example.

(11) *Using synthetic biology, Lisa Nip hopes to harness special powers from microbes on Earth —* ***such as*** *the ability to withstand radiation — to make humans more fit for exploring space.*

Here the concept *special powers from microbe,* is explained by offering an example which helps the listeners immediately understand the meaning of the proposition, thus succeeding in improving its comprehensibility. The code gloss *such as* serves the exemplification purpose. Consider one more example.

(12) *The brain not only categorizes that information as a particular odor, it may also begin to associate feelings, like pleasure or disgust and other moods and emotions with that odor for future reference.* ***For example****, you sniff bacon, you eat it, your taste buds get salt, and then your body gets a whack of fat, which is an energy source.*

The scenario provided to elaborate the meaning of the proposition is a powerful appeal to understandings the speaker believes are recoverable from the exemplification. The speaker elaborates the meaning by creating an imaginary situation using the code gloss *for example*.

In the following statement, the TED speaker explains the meaning of the chemistry concept *polymers* providing an example of the types of polymer known to the lay audience and used in everyday life. By selecting the exemplification strategy, the speaker tries to avoid comprehension difficulties on the part of the listener and formulates the specialized concept in a simplified manner that is closer to the lay audience therefore facilitating the understanding.

(13) *Now, proteins are amazing, but they're just* ***one example*** *from a vast class of molecules known as polymers, which includes plastics, materials and drugs.*

There were also some occurrences of the preposition *like* as a code gloss to offer an instance of a general category:

(14) *On the slightly uneven pink, on the beautiful gold. It would have glittered in an interior, a little* ***like*** *a little firework.*

Regarding the linguistic realization of exemplification, the analysis revealed the frequent appearance of two exemplifiers — *for example* (44 % of the total number) and *such as* (32 % of the total number). Other exemplification markers were used far less frequently: *for instance* — 12 % and *one/an example of* — 9 %, and *like* — 3 % of the total number.

Conclusion

The purpose of this study was to examine the process of dissemination of scientific knowledge by TED speakers and observe what code glosses as interactive metadiscourse resources serving a popularization function are predominant in the corpus. The analysis identified six types of code glossing which are employed:

1) to reword or restate the message by:

   — expanding the listener's understanding of the content through the use of expansion markers;

   — or narrowing the meaning of what has been said through the use of reduction markers;

2) to facilitate listeners' comprehension and to make speaker's ideas accessible through the use of illustration or scenario-based elaboration markers.

The higher frequency of exemplification markers in the corpus seems to be not surprising since classical rhetoric has always considered examples useful for public speaking allowing speakers make their ideas accessible and recoverable from personal experience. Appeals to instances of a general category or a similar case are very helpful in addressing a non-expert audience, making statements both comprehensible and retainable. Although the quantitative analysis did not reveal a high frequency of reformulation markers in the corpus, the findings still allow us to speak about TED speakers' attempts to take listeners' needs, existing knowledge and experience into consideration through the re-elaboration of the propositional content. The study therefore contributes to our understanding of the discursive structure of TED Talks as a type of popularization discourse and the role of code glossing in clarifying scientific knowledge.

The results can be used by TED speakers and other presenters. In order to convince the audience and stir up an interest in the topic, they should present the material in a comprehensible way. Interactive metadiscourse markers, including code glosses, can be helpful in this way. In addition, TED speakers should take into consideration the following things when they are preparing their lectures:

1) think about your audience: when seeking to engage the listeners with interesting ideas, they should make sure they are addressing the appropriate audience;

2) do not assume everyone possesses the same knowledge base: assuming that "everyone knows" something, you may marginalize people who may lack this knowledge;

3) make sure that the listener recovers your intended meaning.

It should be admitted that the findings presented here are limited due to a small corpus and should be understood as trends in TED Talks that can be confirmed or disproved by a large-scale corpus-driven analysis. It is plausible that a larger corpus or a corpus built with different TED Talks will feature a significantly larger number of code glosses. I also suggest that further studies be undertaken to explore this area of research, either by extending the methodology or examining other aspects of expert-lay interactions in the media space, including but not limited to the types of syntactic complexity that interferes with comprehension or the types of trope that improve it. Preferences for particular kinds of linguistic markers signalling popularization also represent an interesting empirical site to study the transformation of scientific knowledge into popular science. The research could be extended further by carrying out studies in other special domains, where incomprehensible specialized texts create a demand for expert-to-lay translation on the materials written in languages other than English.

References

Almaged, S. (2021). Disseminating knowledge: A discourse analysis of terrorism in TED talks. *Heliyon*, *2* (7), e06312.

Anesa, P. (2016). The deconstruction and reconstruction of legal information in expert-lay online interaction. *ESP Today*, *1* (4), 69–86.

Boginskaya, O. (2020). The simplification of jury instructions: Legal-lay interactions. *ESP Today, 2* (8), 297–318.

Boginskaya, O. (2022). Popularizing in legal discourse: What efforts do Russian judges make to facilitate juror's comprehension of law-related contents? *Discourse Studies, 5* (24), 527–544.

Boldyrev, N. N., Efimenko, T. N. (2022). Secondary interpretation of scientific knowledge in mass media discourse. *Media Linguistics*, *4* (9), 355–368. (In Russian)
Caliendo, G. (2014). The Popularization of Science in Web-Based Genres. In *The Language of Popularization: Theoretical and Descriptive Models* (pp. 101–132). Bern: Peter Lang.
Caliendo, G., Compagnone, A. (2014). Expressing epistemic stance in university lectures and TED talks: A contrastive corpus-based analysis. *Lingue e Linguaggi*, *11*, 105–122.
Calsamiglia, H. (2003). Popularization discourse. *Discourse Studies*, *5*, 139–146.
Calsamiglia, H., van Dijk, T. (2004). Popularization discourse and knowledge about the genome. *Discourse & Society, 4* (15), 369–389.
Chaemsaithong, K. (2014). Interactive patterns of the opening statement in criminal trials: A historical perspective. *Discourse Studies*, *3* (16), 347–364.
Ciapuscio, G. (2003). Formulation and reformulation procedures in verbal interactions between experts and semi-laypersons. *Discourse Studies*, *2* (5), 207–233.
Compagnone, A. (2015). The Reconceptualization of Academic Discourse as a Professional Practice in the Digital Age: A Critical Genre Analysis of TED Talks. *Hermes, 54*, 49–69.
Fu, X. (2012). The use of interactional metadiscourse in job postings. *Discourse Studies*, *4* (14), 399–417.
Gotti, M. (2011). *Investigating Specialized Discourse*. Bern: Peter Lang.
Gotti, M. (2014). Reformulation and recontextualization in popularization discourse. *Iberica, 27,* 15–34.
Gülich, E. (2003). Conversational techniques used in transferring knowledge between medical experts and non-experts. *Discourse Studies*, *5,* 235–263.
Hilgartner, S. (1990). The dominant view of popularization: conceptual problems, political uses, *Social Studies of Science*, *20*, 519–539.
Hyland, K. (1998). *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam: Benjamins.
Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. New York: Continuum.
Hyland, K. (2007). Applying a gloss: exemplifying and reformulating in academic discourse. *Applied Linguistics*, *2* (28), 266–285.
Mamonova, N. V. (2023). The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru). *Media Linguistics*, *3* (10), 376–393.
Miranda, J. A., Moritz, M. E. W. (2021). Ted talks: a genre analysis. *Revista*, *6* (16), 1552-1573.
Myers, G. (2003). Discourse studies of scientific popularization: Questioning the boundaries, *Discourse Studies*, *5,* 265–279.
Nechaeva, N. V. (2016). Public talk: language and style. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, 180*, 17–22. (In Russian)
Rysakova, P. I. (2022). Strategies for scientific popularization in the digital media environment. *Media Linguistics, 4* (9), 309–329. (In Russian)
Sarangi, S. (1998). Rethinking recontextualization in Professional discourse studies: An epilogue. *Text, 18* (2), 301–318.
Vande Kopple, W. (1985). Some exploratory discourse on metadiscourse. *College Composition and Communication*, *1* (36), 82–93.
Viktorova, E. (2019). Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use). *Zhanry rechi, 4* (24), 254–266. (In Russian)
Zou, H., Hyland, K. (2020). "Think about how fascinating this is": Engagement in academic blogs across disciplines. *Journal of English for Academic Purposes*, *43*, 100809.

Received: August 15, 2023
Accepted: December 18, 2023

Author's information:

Olga A. Boginskaya — Dr. Sci. in Philology, Professor; olgaa_boginskaya@mail.ru

Репрезентация научного знания в выступлениях на платформе TED: корпусный анализ кодовых глосс как метадискурсивных ресурсов популяризации

О. А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Для цитирования: Boginskaya O. A. (2024). Facilitating listeners' understanding of scientific knowledge in TED Talks: A corpus-based analysis of code glosses as metadiscourse resources of popularization. *Медиалингвистика*, *11* (1), 17–29. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.102

Огромное количество исследований показало, что медиадискурс является интерактивным событием, успех и эффективность которого зависят от степени взаимодействия говорящего и слушателя. Несмотря на то что специфика медиадискурса и его различных жанров изучается целым рядом исследователей, выступления на платформе TED крайне редко оказываются в фокусе внимания. Малоизученными остаются и стратегии популяризации научного знания, используемые в TED-лекциях, адресованных широкой аудитории. Теоретическая лакунарность, прослеживаемая в области прагмалингвистического анализа жанра TED-лекции, предопределяет необходимость исследования стратегий популяризации научной информации, адресатом которой является носитель обыденного сознания. В качестве материала исследования послужили 80 скриптов выступлений, размещенных на сайте ted.com. Целью исследования является анализ кодовых глосс как ресурсов популяризации научного знания, их разновидностей, прагматических функций и частотности. Анализ показал, что кодовые глоссы, представленные маркерами переформулирования и экземплификации, являются важнейшим элементом асимметричной интеракции. Спикеры использовали обе разновидности кодовых глосс, при этом было выявлено преобладание экземплификаторов, реализующих цель репрезентации научного знания в контексте повседневного опыта. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что TED-спикеры стремились реконтекстуализировать научное знание и снизить концептуальную сложность научной информации, делая ее доступной для непрофессиональной аудитории.

Ключевые слова: кодовые глоссы, TED-лекции, научно-популярный дискурс, научное знание, асимметричное взаимодействие.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 18 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Богинская Ольга Александровна — д-р филол. наук, проф.; olgaa_boginskaya@mail.ru

UDC 81-114.2 Медиалингвистика. 2024. Том 11, № 1

Multimodal deixis in media discourse: Film vs TV interview narratives*

M. I. Kiose, A. V. Leonteva, O. V. Agafonova

Moscow State Linguistic University,
38, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russian Federation
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V. (2024). Multimodal deixis in media discourse: Film vs TV interview narratives. *Media Linguistics*, *11* (1), 30–52.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.103

The article explores two media discourse formats, film and TV interview as manifesting the specific distribution of two communicative modalities — speech and gesture — in the multimodal deixis of discourse space construal in narratives. To identify the attribution of speech and gesture to two media formats, the study contrasts the plot contents and viewer engagement as two major coordinates of discourse space in media. We hypothesize that since these two formats display differences in their plot content and viewer engagement characteristics, their distribution might affect the way the actors employ speech and gesture to present the discourse space. The research data are 20 film and TV interview narratives with 10 highly rated Russian actors (5 men and 5 women). The study exploits the method of multimodal analysis to determine the contingency patterns of discursive schemata presenting discourse space in speech and of discursive schemata presenting object of reference, move and frame of reference in deictic gesture. The results show that multimodal deixis contributes to intensifying both types of these characteristics. While multimodal deixis in film manifests the preference for metonymic pointing, placement indication and speech event construal; in TV interview, we observe the significant prevalence of metaphoric pointing, path indication and narrative event construal. Additionally, TV interviews display the speech schemata specifying information and accentuating the place of referent within the speech or narrative event. Overall, the study shows that there are two basic types of discourse characteristics which produce higher distinctions in multimodal deixis between film and TV interview formats; these are different narrative regimes and different combination of staged performance and spontaneity.

Keywords: film, TV interview, speech, gesture, discourse space.

Problem statement

In this study, we regard media as a community formed by a set of institutions, cultural practices, industries and ways in which people interact with the society [Masterman 1997; Couldry 2002] which appear in multimodal discourse formats with film and television being the most popular. Contrastive studies across multimodal media discourse formats commonly explore the differences in their semantic, pragmatic, cognitive, semiotic, func-

* This research was supported by the Ministry for Education in Russia, project no. 075-03-2020-013/3 “Multimodal analysis of communicative behavior in different types of spoken discourse” and was carried out at the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies at Moscow State Linguistic University.

© St. Petersburg State University, 2024

tional and social structure. These studies allow to model the discourse as a social event and to identify the contrastive discursive role of speech, image, sound as semiotic modalities [Dobrosklonskaya 2016; Djonov, Zhao 2013; Machin 2013]. Meanwhile, the input of communicative modalities like speech and spontaneous gesture into film and television formats of media discourse is often neglected, although their semiotic nature in cinematic discourse has been extensively discussed in literary criticism (see, for instance: [Eisenstein 1964–1968; Smith 2010; Bugaeva 2016]). Still, multimodal behavior may manifest specificity in different discourse formats and may even serve as a predictor of a media discourse format due to its staged performance character. In this study, we address two media discourse formats, film and TV interview, in the discourse genre of a narrative common for both formats, to contrast the multimodal behavior of a narrator as potentially dependent on the discourse format.

To proceed, the study develops the method which will allow to contrast the narrator's multimodal behavior in two media formats. The difficulty lies in the fact that whereas there is increasing research in multimodal behavior in single media discourse genres [Iriskhanova 2019; Lavender 2021], the discursive strategies and discursive functions (with their discursive markers) which serve to explore the contingent gesture behavior in one discourse format may not appear in a different discourse format; therefore, they cannot be contrasted. Additionally, gestures are invariably multifunctional [Cienki, Mittelberg 2013; Iriskhanova, Cienki 2018] and consequently different gesture types can appear as contingent on the same discursive strategies and functions.

This accounts for the need to search for new methods of contrasting multimodal communicative behavior of discourse participants in film and television narratives. In the study, we address the multimodal behavior in media discourse formats as stimulated by the discourse categories which shape any discourse type, with the categories of TIME and SPACE being most influential [Kubryakova, Aleksandrova 1997] often integrally addressed as DISCOURSE SPACE [Plotnikova 2011] and explored in film [Pronin 2018]. Notably, DISCOURSE SPACE construal in film and television narratives manifests significant differences since each of the two "specific mediums create particular storytelling parameters, constraining some options while enabling others <…> regarding plot structures and viewer engagement" [Mittell 2007: 156]. In the multimodal narrative, these discourse categories are commonly represented via multimodal deixis, expressed in deictic gestures synchronized (used together) with speech markers relating to either time or space or both. Although multimodal deixis research has gained popularity in discourse studies [Kita, Özyürek 2003; Pfeiffer 2010; Le Guen 2011; Mesh et al. 2021; Iriskhanova et al. 2022], it is still uncommon in contrastive analysis.

This paper proposes a multimodal method of revealing the discursive schemata of two media discourse formats, film and television featuring one discourse genre of narratives. Central to this paper is how the narrators' preference for DISCOURSE SPACE construal in a specific discourse format affects the choice of speech and gesture discursive schemata, or the patterns of discourse components construal. Our study is performed with highly ranked actors (five males and five females) who produce the narratives in two media formats, film and television interview. In these narratives, multiple examples of gesture use are documented, with deictic gestures being one of the four functional gesture types [Cienki, Mittelberg 2013] contingent on DISCOURSE SPACE construal in speech [Le Guen 2011]. Presumably, DISCOURSE SPACE construal manifested via multimodal

deixis in both speech and spontaneous gesture will serve to identify the differences in the multimodal behavior of actors performing narratives in two media discourse formats, film and television. We begin the paper by reviewing the theoretical and empirical background to research on two media formats as hypothetically manifesting different discursive schemata of DISCOURSE SPACE construal via multimodal deixis; and then introduce the method, design, and results of the contrastive study of the narrators' multimodal behavior in DISCOURSE SPACE construal in film and TV narratives.

Theoretical framework

Since the study contrasts multimodal deixis in speech and spontaneous gesture in the narratives in two media formats, film and TV interview, we address three research areas. First, we explore the media discourse formats of film and TV interview to reveal the specifics of DISCOURSE SPACE construal in narratives via their "plot structures and viewer engagement" [Mittell 2007: 156]. Next, we consider the multimodal deictic specificity of DISCOURSE SPACE construal in gestures and speech. Finally, we explore the coordination patterns of deictic gestures and speech suggesting that there may be a research algorithm for representing multimodal deixis via discursive schemata in the contrastive perspective.

DISCOURSE SPACE in film and television narratives

TIME and SPACE are generally considered as two major categories of discourse construal. While their relations in discourse may be complex with the category of SPACE representing physical, communicative, genre relations, and TIME representing objective and subjective conceptualizations, following E. Kubryakova and O. Aleksandrova we consider discourse as "a spatial representation of time filled with articulation of speech production or being filled with its creation" [Kubryakova, Aleksandrova 1997: 23]; therefore, the discourse category of TIME is conceptualized as integrated into a more complex category of SPACE, or rather DISCOURSE SPACE. Developing the idea of DISCOURSE SPACE, S. Plotnikova defines it as "a logically organized medium incorporating discourses and discourse participants or the people producing discourses. Logical organization of a medium presupposes its abstract extension which is the continuum involving time as one of its coordinates" [Plotnikova 2011: 154]. The idea of discourse as a DISCOURSE SPACE agrees with A. Kibrik's notion of discourse as "both a process developing in time and a structured object" [Kibrik 2009: 4]. DISCOURSE SPACE construal in film and television narratives manifests significant differences due to the fact that these media discourse formats represent a) different "plot structures" and b) different perspective or "viewer engagement" structures [Mittell 2007: 156].

Films as specific discourse formats have only recently become a focal point in discourse studies; however, they have been extendedly explored in narratology, aesthetic semiotics and literary criticism. These approaches commonly appeal to two semiotic components of films which are the actor's performance and the film director's performance. In narratology, films appear as manifesting various narrative stages, categories and signs [Chare, Watkins 2017], whereas aesthetic semiotics mostly addresses the poetics of cinema as a system of signs and means of aesthetically significant information [Deleuze 1986; Deleuze 1989;

Auerbach 2007]. In critical studies, the major focus is the discourse categories like time, space, perspective, emotivity, identity, etc. [Smith 2010; Bugaeva 2016]. In recent studies of film discourse the main focus is shifted towards the discursive strategies and discourse categories in single cinematic subdiscourses [Zykova 2021] or in discourse types (narrative, descriptive, expository, and argumentative [Longacre 1996]). Since we address DISCOURSE SPACE construal in film narratives, we specify its plot structure and viewer engagement structure which appear in this media discourse format. Considering the film narrative plot structure explored in both semiotic and discourse studies, we can specify its major characteristics: 1) varying significance of actor's performance (often termed as "gesture") and the film director's performance (termed as "image") in contributing to the narrative plot [Noys 2014; Harbord 2015; Agamben 2019]; 2) enhanced embodiment role appearing in accentuated gesturing and mimics [Kristeva 2014]; 3) the effects of cultural and aesthetic experience and insight (in both actor's and film director's performance) [Eisenstein 1964–1968, vol. 3] termed as "stadium" and "punctum" in R. Barthes study [Barthes 1981]; 4) sensory experience foregrounding [Mulvey 1988]; 5) presenting fictive events with an emphasis on emotionality, imagery, pragmaticity and logics [Ivanov 1976; Bugaeva 2016].

In terms of the viewer engagement structure characteristics, the studies name the following ones: 1) multimodal alignment of speech and exaggerated gesturing of the type "look into the camera" [Ciccognani 2018]; 2) viewer engagement gesture use which stimulates discourse dynamicity [Iriskhanova 2018]; 3) the use of shot freezeframe and shot repetition to appeal to the viewer's attention [Mulvey 2006].

TV interviews [Ilie 1999] may be categorized as live interviews, which are usually face-to-face interaction between people; phone interviews, the events where the interlocutors do not see each other; recorded interviews which can be both face-to-face or done via phone, but they are not real time interviews and are conducted beforehand. TV interviews are a part of journalistic interviews which are based on the information acquisition (in comparison to social studies where they are viewed as means of polling). A TV interview is a type of TV discourse which occurs in the situation of interpersonal communication, conditioned by mass communication and institutional status of the interviewee [Yashina 2007]. Since we address DISCOURSE SPACE construal in narratives which constitute a part of face-to-face TV interviews, we specify the plot structure and viewer engagement structure which appear in this media discourse format. Considering the interview plot structure explored in discursive studies, we can specify its characteristics: 1) distinct roles of interview participants [Milroy 1987; Wolfson 1976]; 2) hybrid discourse types which appear in the plot implementation (expository, rhetorical, and echo) [Ilie 1999]; 3) two distinct communication regimes which are sharing and obtaining information [Scherbatyh 2016]; 4) a combination of staged character and spontaneity [Yashina 2007].

Concerning the viewer engagement structure characteristics, the studies name the following ones: 1) high dynamicity in answering and resisting interviewee's questions [Clayman, Heritage 2002]; 2) a significant power disbalance in favor of the interviewers, as they can choose topics and formulate questions, whereas the interviewees have to follow those questions and are obliged to answer them [Milroy 1987]; 3) a variety of cooperative strategies applied during the interaction which are commonly studied following Grice's cooperative principles [Molenaar, Smit 1996]; 4) multimodal alignment traced in both verbal and nonverbal behavior and explored via contextualization cues which allow to interpret the interactional moves and semantic content [Gumperz 1982].

Overall, DISCOURSE SPACE construal in two media formats manifests several common characteristics; still, there are differences in both plot structure and viewer engagement structure which appear in speech and gesture use. To explore them, we address the ways multimodal deixis representing DISCOURSE SPACE can be expressed in speech and gesture.

Multimodal deixis in gesture and speech

In the recent studies gestures have been regarded not solely as random motions but as a fully functioning level of communication in discourse. They can be regarded as signs that people give to their interlocutors and themselves while producing speech [Bavelas et al. 2008; Chu, Kita 2011; Cienki 2017]. DISCOURSE SPACE construal is commonly explored via deictic semantics [Levinson 2003; Majid et al. 2004; Shusterman, Li 2016] which has developed the research methods applicable to both gesture and speech; therefore, they allow to study multimodal deixis in both media discourse formats. Following Levinson (2003), four major deictic coordinates which can stimulate the coordination of speech and gesture, are identified; they are 1) closer to the speaker, 2) farther from the speaker, 3) pointing to the discourse space of communication, 4) pointing to the discourse space not present in the discourse space of communication. Additionally, there are studies addressing the problem of speech deixis [Paducheva 2008; Borisova, Obchinnikova 2011; Apresjan 2014] which identify the discursive markers of deictic meanings and which may be consequently exploited to study the speech and gesture alignment via the semantics of discursive markers contingent on gesture types. There are also studies which address the problem of deixis in gestures, most commonly in deictic gestures as contingent on discursive schemata or the patterns of discourse components construal [Clark 2003; Enfield et al. 2007; Le Guen 2011; Cooperrider 2017].

These three approaches allow to address different research questions with the foci on deictic coordinates variation across languages, discourses and cultures in the first approach, on gesture variation as dependent on discursive markers in the second approach, and speech and gesture alignment as maintained by discursive schemata. Since in this study we explore DISCOURSE SPACE construal in two media discourse formats which perform a) different "plot structures" and b) different perspective or "viewer engagement" structures via discursive schemata, we adopt the third approach and will explore the speech and gesture alignment in deictic gestures as coordinated (synchronized) with discursive schemata in the contrastive analysis of film and TV narratives plot structures and viewer engagement structures.

The discourse narratives in film and TV interview narratives, therefore, manifest two types of discursive schemata, with their first type revealing the plot contents, and the other revealing the viewer engagement perspective. Since the plot contents may be explored via the schemata representing the discourse types, in this study we address the discursive schemata of argumentation and description which can be contrasted in both film and TV interview narratives. Regarding argumentative discourse, the studies account for its potential in expressing opinions and beliefs [Amossy 2009], subjectivity and intersubjectivity [von Stutterheim, Klein 1989], as well as argumentation schemata Example, Cause to Effect and Effect to Cause, Practical Reasoning, Inconsistency [Cabrio et al. 2013]. The studies of descriptive discourse commonly address discourse themes [Merlo, Mansur

2004], discourse components and descriptive event types [Longacre 1996]. These studies allow to identify the discursive schemata which could be contrasted as contingent on deictic gestures in film and TV interview narratives.

Addressing viewer engagement structures, we appeal to the discursive schemata manifesting the rhetorical structure of discourse. Following the seminal paper of Mann and Thompson (1988) revealing these schemata and the study of Kibrik and Podlesskaya (2009) who integrate them into multimodal (speech and gesture as well as in other modalities) research, we consider these discursive schemata as modulating both film and TV interview narratives. These include Emphasizing opinion or assessment, Self-correcting, Specification, Generalization, Initializing communication, Chain of arguments and other schemata.

Coordination patterns of deictic gestures and deictic discursive schemata in speech

Deictic gestures which are examined in the current paper can fall under the Pierce's notion of indexes, dynamic signs which form a connection between the speaker (origo) and the target of the vector created by such gestures [Clark 2003]. These gestures are a part of a deictic field that is formed around the interlocutors, thus hereby we will call such gestures deictic. Deictic gestures vary in forms, palm orientation, movement and the position that hands have in space. These properties of deictic gestures might depend on culture [Enfield 2001; Kita 2009] and information that is being conveyed [Enfield et al. 2007]. Deictic gestures can be divided into two categories according to the precision, type of the referent, form and movement of the hand. The first type, pointing gestures are regarded as the standard representative of deictic gestures. They are vectors, created in space by some body part, a line, that connects the speaker and the referent [Clark 2003; Kita 2003]. Their various forms are also context dependent. Index figure pointing is used in situations when some clarification is needed while hand and thumb pointing occur when little precision is needed [Wilkins 2003]. Another factor which might influence the form is the distance between the gesturer and the referent: further located objects are addressed with the whole hand whereas closer objects might require precision in order to be distinguished from the surroundings and the speaker might use an index finger. The same choice of a pointing gesture may be true for describing situations and events, depending on their proximity [Cochet, Vauclair 2014]. There are several typologies of pointing gestures, depending on the referent: they can be abstract and concrete [McNeil 1992] or entity- / place- / action-referring [Cooperrider 2017]. In addition, pointing gestures might perform three functions. The first is imperative pointing which expresses a request for an object or an action. The second is declarative expressive pointing which is used to share interest in an object/event with the interlocutor, and the last declarative informative pointing which is used to provide information for the other party [Camaioni 1997; Tomasello et al. 2007; Cochet, Vauclair 2014]. However, pointing is not the only type of deictic gestures. Another type, touching or also termed placing (see: [Clark 2003]), is also a deictic gesture which can have various forms and occur in various contexts determining its meaning. Whereas the pointing gesture creates a vector in space, the touching gesture locates an object/notion in space [Clark 2003].

Still, pointing and touching gestures relate to the functional gesture use and do not directly relate to their discursive meanings. This explains the need to identify the dis-

cursive meanings of deictic gestures explicit via speech as manifested by their functional types. In the study performed by Le Guen (2011), three discursive schemata of deictic gesture meaning are presented. The first schema is Object reference type which can be direct, metonymic, and metaphoric. Direct pointing to actual places is manifested when the arm is oriented according to the accurate angle with respect to the target (i. e., the actual place occupied by the entity in the world) and when the target is available to speakers even in case it is not visible. Metonymic pointing is found when a speaker points, for instance, to an empty chair someone has just left to speak about this person. In Metaphorical pointing (or abstract pointing by McNeill (1992)), the target is metaphorically related to a person or place. The second discursive schema is Move type which comprises Path indication and Placement indication. In Path indication the speaker's extended arm indicates the direction of the target with a focus on manner or direction of move. In Placement indication the target is the focal attention point which will be accentuated in speech. The third schema is Frame of reference type [Levinson 2003] which can refer to either Speech event or Narrated event. Narrated event is observed when the objects or participants are performing some actions which do not correspond to the speech event, for instance if the speaker is talking about a target located in a distant place or when the speaker describes the event which follows the event in speech but cannot occur in the existing setting [Fludernik 1996].

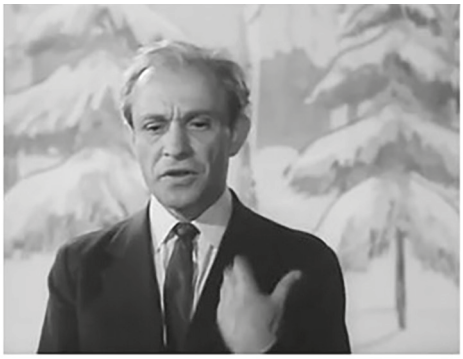
Presumably, while exploring the coordination of discursive schemata in speech and the discursive schemata manifested in deictic gestures, we will identify the specific patterns of multimodal deixis in film and TV interview narratives and contrast these patterns to reveal the specifics of two media formats.

Methods and procedure

In this section, we present the research data and the method used to explore the multimodal deixis, which is the multimodal analysis of discursive schemata coordination patterns in speech and deictic gesture occurring in film and TV interview narratives.

The research data are 10 film narratives of 10 highly ranked actors of 1960–1980s (5 actresses and 5 actors). These are A. Freindlikh ("Stalker", 1979), L. Akhedzhakova ("Garage", 1979), L. Gurchenko ("Love and Doves", 1984), N. Mordyukova ("Relatives", 1981), V. Alentova ("Time for thought", 1982), S. Bondarchuk ("Man's fate", 1959), R. Bykov ("The Doorbell Rings, Open the Door", 1961), V. Tikhonov ("Let Us Live Till Monday", 1968), Yu. Nikulin (from "They Fought for the Country", 1975), A. Batalov ("Moscow Does not Believe in Tears", 1980); and 10 TV interview narratives presented by the same actors and actresses where the interviews with V. Bykov, Yu. Nikulin, and V. Tikhonov were taken in the studio, the interview with S. Bondarchuk was taken in his study, and the interview with A. Batalov was taken on the river embankment. As we have shown, to explore multimodal deixis, we will identify the co-speech synchronization of two deictic gesture types, pointing and touching. In Fig. 1, there are two examples manifesting the use of these gestures in film and TV interview.

In Fig. 1 *a*, R. Bykov performing in "The doorbell rings, open the door" is using a touching deictic gesture which is synchronized in speech with /*я ошибаюсь*/ ("I am mistaken"); the referent of deixis is the speaker himself. In Figure 1b, the same actor performing in the TV interview is using a pointing gesture synchronized in speech with /*это*



a

и может быть Я ОШИБАЮСЬ / and maybe I AM MISTAKEN

b

ЭТО БЫЛА ПЕРВАЯ БАРМЕНША БАРА гостиниицы «Москва» / THAT WAS THE BEST BARWOMAN OF THE BAR in the hotel "Moscow"

Fig. 1. Deictic gestures in media narratives

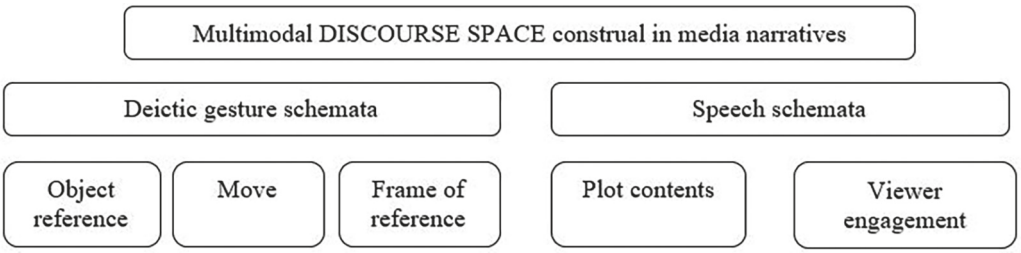


Fig. 2. Discursive schemata of multimodal DISCOURSE SPACE construal in media narratives

была первая барменша бара/ ("that was the best barwoman of the bar"); the referent of deixis is a woman who is not a participant of the speech event.

In Fig. 2, we present the methodological framework developed for the study basing on the works exploring a) DISCOURSE SPACE construal in film and television interview narratives, b) multimodal deixis in gesture and speech, and c) coordination patterns of deictic gestures and deictic discursive schemata in speech presented in the previous section.

Hence, in the study we explore three types of deictic gesture schemata — Object reference, Move, and Frame of reference, as contingent on the speech schemata — Plot contents, and Viewer engagement, in two media formats, film and TY interview.

In Table 1, we present the taxonomy of discursive schemata employed for studying speech behavior in film and IT interview narratives. Since the TV interviews employ two discourse types, argumentation and description, we give the discursive schemata for each of them separately.

To identify which discursive schema/schemata the actor is using in speech, we address the discursive markers appearing in every clause in speech.

In Table 2, we present the taxonomy of discursive schemata employed for studying deictic gesture behavior in film and IT interview narratives.

Table 1. **Discursive schemata of plot contents and viewer engagement in speech**

Argumentation	Description
Discursive schemata revealing plot contents	*Discursive schemata revealing plot contents*
Opinion	Achievement
(Emotional) assessment	Process
Stating reasons, consequences, conditions	State
Contrast	Accentuated subject
Accusation	Accentuated object
Agreement/disagreement	Accentuated action or state
Appeal to action	Accentuated characteristics
Promise	Accentuated time
Threat	Accentuated place
Comparison	—
Appeal to power	—
Discursive schemata revealing viewer engagement	*Discursive schemata revealing viewer engagement*
Emphasizing opinion or assessment	Emphasizing discourse component
Self-correcting	Self-correcting
Specification	Specification
Generalization	Generalization
Intersubjectivity	Chain of events
Appeal to attention	New event
Rhetorical communication	Appeal to attention
Initializing communication	Self-quote
Chain of arguments	Quoting others
Self-quote	Figurativity
Quoting others	—
Figurativity	—

Table 2. **Discursive schemata of Object reference, Move and Frame of reference in deictic gesture**

Object reference	Move	Frame of reference
Discursive schemata	*Discursive schemata*	*Discursive schemata*
Direct pointing	Path indication	Speech event
Metonymic pointing	Placement indication	Narrated event
Metaphoric pointing	—	—

To identify which discursive scheme/schemata the actor is using in gesture, we address the two deictic gesture types, pointing and touching, manifesting Object reference, Move and Frame of reference [Le Guen 2011]; the schemata were defined as modulated by the contents of speech.

Data analysis

In this section, we present the analysis algorithm of speech and gesture schemata identification in the recorded data and also describe the research steps to explore multimodal deixis in film and TV interview.

To identify which discursive schema/schemata the actor is using in speech, we address the discursive markers appearing in every clause in speech.

For instance, in Argumentation plot contents Opinion schema appears in /*это чуть ли не единственный случай в мировой истории*/ ("this might be the only case in world history"), (Emotional) assessment appears in /*люблю свою работу*/ ("I love my job"), Accusation is found in /*у вас сердца никакого нету*/ ("you have no heart"). Argumentation viewer engagement Emphasizing opinion or assessment schema appears in /*конечно, я ему очень благодарен за это, безусловно*/ ("of course I am very grateful to him for it no doubt"), Self-correcting schema is found in /*если я не ошибаюсь*/ ("if I am not mistaken").

In Description plot contents Achievement schema is identified in /*а наши взяли этого Ганса и перекинули его через эту дорогу*/ ("and our (troops) caught this Hans and threw him across this road"), Process schema appears in /*это мы ведь играли не их*/ ("we were not playing them"), Accentuated subject is found in /*так что не все хотят быть руководителями*/ ("not everyone wants to be a director"), Accentuated time appears in /*год их не видел*/ ("it has been a year since I last saw them").

Description viewer engagement Generalization schema can be shown with /*ну вот так это было*/ ("this is the way it happened"), Chain of events schema — with /*хохотали лежали и плакали*/ ("[we] were all on the floor in stitches"), Appeal to attention schema — with /*знаешь / он попятился попятился*/ ("you know he moved back back").

To give an example of deictic gesture use, in Fig. 3 *a*, *b*, we show the actors employing these gestures in the construal of DISCOURSE SPACE in film and TV interview narratives.

In Fig. 3 *a* (film narrative), actor V. Tikhonov is using a pointing gesture directing it onto the students. He is talking about the letters which he wants his students to address in /*а потом были только письма / сотни писем / читайте их / они опубликованы*/ ("And then there were only letters, hundreds of letters, read them, they are published"). Importantly, that while pointing at the students, the actor is speaking about the action he wants his students to perform since the main phase of the gesture is synchronized with *читайте* ("read"); therefore, this gesture is clearly a Metonymic pointing. Meanwhile, the gesture does not indicate any path of action (the way the action should be performed) but indicates the addressees whom the actor wishes to perform this action; consequently, this is Placement indication. Since the actor is talking about the action which might start since the moment of the present event, involves the present event participants into its performance, this is a Speech event.

In Fig. 3 *b*, actress V. Alentova in a TV interview is using a touching gesture while specifying the reason of the event and stresses it by saying *и это было то* (and it was something that). Hence, this is a Direct pointing. Still, the gesture does not indicate any

a

ЧИТАЙТЕ их / READ them

b

и это было ТО / and it was SOMETHING THAT

Fig. 3. Deictic gesture use in film and TV interview narratives

path of action; therefore, this is Placement indication. The event the actress is pointing at is clearly not the event which might take place in the studio; consequently, this is a Narrated event.

The research procedure involved several steps.

At Step 1, we annotated the research corpus of film and TV interview narratives adopting the inventory of discursive schemata of argumentation and description in speech and discursive schemata embodied in the deictic gestures (we also annotated other functional gesture types as was shown in [Kiose et al. 2022]). Annotation was made in ELAN in several tiers allowing to identify the synchronization patterns of speech and gesture discursive schemata.

At Step 2, we identified the distribution of discursive schemata in speech and gesture in two subcorpora, film narratives and TV interview narratives, and also in the individual actor's narrative. This allowed 1) to identify the significant differences in the use of discursive schemata in speech and gesture in film and TV narratives, 2) to contrast the use of co-speech deictic gesture as modulated by discursive schemata in argumentation and description in film and TV narratives, 3) to find the significant distinctions in pointing and touching gesture use with argumentation and description in film and TV narratives. A series of one-way ANOVA tests in Jamovi statistical software was run for the purpose.

At Step 3, we explore the distribution of discursive schemata in speech and gesture in film narratives and TV interview narratives as modulated by the Plot contents and Viewer engagement structure characteristics earlier disclosed as typical of film narratives and TV interview narratives.

Results and discussion

Step 1. To demonstrate the annotation procedure, we will illustrate a fragment from V. Alentova film narrative (Fig. 4). To identify the gesture types and the discursive schemata in speech, we employed a coded system with deictic gestures coded as 301 (pointing) and 302 (touching).

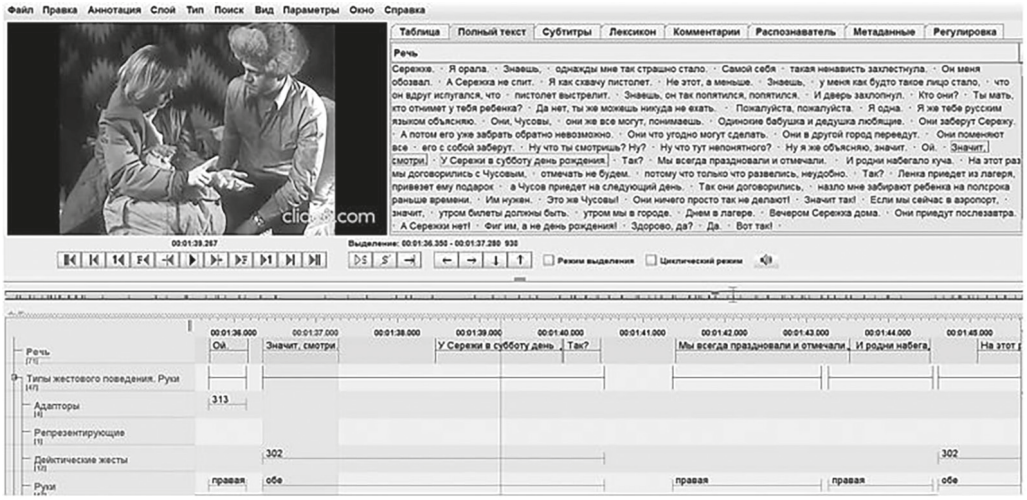


Fig. 4. ELAN Annotation sample

We may observe that at the moment of producing either of two clauses /*значит смотри*/ (well, look) and /*у Сережи в субботу день рождения*/ ("Serezha has birthday on Saturday") Alentova employs a Touching deictic gesture <302> produced by both hands. While uttering these clauses, Alentova enumerates the micro events which are to happen in the near future. Still, to introduce this enumeration, she uses her left hand as if manifesting the event which she wants the interlocutor to observe; therefore, this deictic gesture is clearly a Metaphorical pointing. At the same time with the forefinger of her right hand Alentova is indicating the direction towards this palm-event which she wants the interlocutor to follow; this is then a Path indication schema. Since she is introducing this event-to-follow while pronouncing the clause appealing to the interlocutor's attention in /*значит смотри*/ ("well, look"), we consider it a manifestation of Speech event. Still, in producing the second clause /*у Сережи в субботу день рождения*/ ("Serezha has birthday on Saturday") Alentova touches her left-hand finger with the forefinger of her right hand to start enumerating the microevents-to-follow. This deictic gesture is clearly a Metaphoric emblematic pointing where a finger represents a microevent. Still, in this case this is a Placement indication since the metaphoric microevent is held on her open palm. This microevent does not involve the participants and setting represented in speech; therefore, it can be referred to as Narrated event.

Alentova employs several argumentation and description schemata in speech. In /*значит смотри*/ ("well, look") she uses Appeal to action as a Plot contents schema and Appeal to attention as a Viewer engagement schema. In /*у Сережи в субботу день рождения*/ ("Serezha has birthday on Saturday") we find Stating reasons, consequences, conditions as a Plot contents schema and Specification as a Viewer engagement schema manifesting argumentation. Additionally, this clause manifests description discursive schemata of State and Accentuated subject as Plot contents schemata.

The same procedure was applied to annotate all the clauses in the actors' speech with gestures. The total number of the clauses which co-occur with deictic gestures in film

Table 3. **Discursive schemata of Object reference, Move and Frame of reference in media discourse**

Discursive schemata	Film narrative	TV interview narrative
Object reference		
Direct pointing	23	18
Metonymic pointing	16	4
Metaphoric pointing	18	37
Move		
Path indication	4	22
Placement indication	51	36
Frame of reference		
Speech event	24	8
Narrated event	32	51

narratives was 54; the total number of the clauses appearing with deictic gestures in TV interview narratives was 59.

Step 2. In Table 3, we present the total number of discursive schemata found in gesture of film and TV narratives.

We may observe that gesture discursive schemata in film and TV narratives manifest differences which appear in all types of schemata. Still the Paired samples T-test shows these differences are statistically insignificant with Student's $t\ (6) = -0.18$ at $p = 0.863$. Additionally, we presume that 1) the differences (although not significant) can occur due to various speech discursive schemata applied in the clauses, 2) there may be distinctions in the individual speech and gesture multimodal deixis. Therefore, we further addressed individual participants gesture behavior to determine the gesture and speech contingencies.

First, we contrasted the use of discursive schemata in speech and gesture in film and TV narratives. Two One-Way ANOVA (Welch's) tests were performed for this purpose with a) speech schemata used with deictic gesture as determined by film or TV interview, b) gesture schemata as determined by film or TV interview.

There were 42 speech schemata tested as potentially contingent on either film or TV interview; still, only 6 schemata displayed significant differences in their use with a media format. In argumentation these include the discursive schemata revealing Plot contents, which are Stating reasons, consequences, conditions with $F = 4.59$ at $p = 0.034$, Contrast with $F = 4.43$ at $p = 0.039$; also, they include one discursive schema revealing Viewer engagement, which is Quoting others with $F = 4.67$ at $p = 0.034$. In description these include the discursive schema revealing Plot contents, which is Accentuated place with $F = 17.16$ at $p < 0.001$; also, they include two discursive schemata revealing Viewer engagement, which are Specification with $F = 17.21$ at $p < 0.001$, and Chain of events with $F = 9.53$ at $p = 0.003$.

The results show that the most significant differences are observed in description schemata, and mostly relate to specifying information and stressing the place; in both cases the schemata with deictic gestures are found more frequently in TV interviews.

There were 7 gesture schemata tested as potentially contingent on either film or TV interview. Noticeably, 6 out of them manifested significant distinctions with an only exception of Direct pointing. In Table 4, we present the One-Way ANOVA (Welch's) test results for all gesture schemata.

Table 4. **Differences in Object reference, Move and Frame of reference**

Discursive schemata	**Film vs TV interview, *F*; *p***
Object reference	
Direct pointing	1.77; 0.187
Metonymic pointing	10.39; 0.002
Metaphoric pointing	10.49; 0.002
Move	
Path indication	16.76; < .001
Placement indication	21.95; < .001
Frame of reference	
Speech event	14.28; < .001
Narrated event	11.24; 0.001

As the results show, the strongest differences are found in the use of Move and Frame of reference schemata. The diagrams in Figs 4–6 allow to determine how these differences are distributed in film vs. TV interview.

Fig. 5 shows the distribution in gesture Object reference.

In Object reference, the differences were found in Metonymic and Metaphoric pointing; however, the diagrams show that while the number of Metaphoric and Metonymic pointing in film is almost the same, it is not the same in TV interviews. Whereas Metonymic pointing is infrequent in interviews, it is the Metaphoric pointing which is commonly found.

In Move schemata, the tendency in the Path and Placement indication distribution is similar; still, Placement indication occurs significantly more often in films.

In Fig. 7, we present the distribution in gesture Frame of reference.

We determine that in film, Speech events synchronized with deictic gestures appear more frequently; presumably, this happens due to higher involvement of actors into the situation of the film shot, while in the TV interview it is the narrated event which the actors accentuate by deictic gesturing.

Next, we explored the use of co-speech deictic gesture as modulated by discursive schemata in argumentation and description in both film and TV narratives. To do it, we performed two One-Way ANOVA (Welch's) tests with speech schemata as modulated by a) pointing gestures and b) touching gestures. It is to be mentioned that only one speech schema was used with deictic gestures which manifested significant distinctions in its use with pointing and touching gestures, that was Accentuated characteristics, with $F = 4.72$ at $p = 0.045$ for pointing gestures, and $F = 4.79$ at $p = 0.034$ for touching gestures. Accentuated characteristics schema appears significantly more frequently with pointing gestures than with touching gestures, with 21 and 2 cases in films, and 15 and 7 cases in TV interview, correspondingly.

Step 3. The obtained results describing multimodal deixis in film and interview helped specify the earlier described characteristics of these two media formats. Below, we will consider them separately.

Multimodal deixis in film manifested the preference for Metonymic pointing, Placement indication and Speech event construal. Importantly, we did not observe enhanced embodiment role appearing in gesturing in films [Kristeva 2014] in terms of deictic gestures, as opposed to TV interviews. This might be explained by the fact that the interview

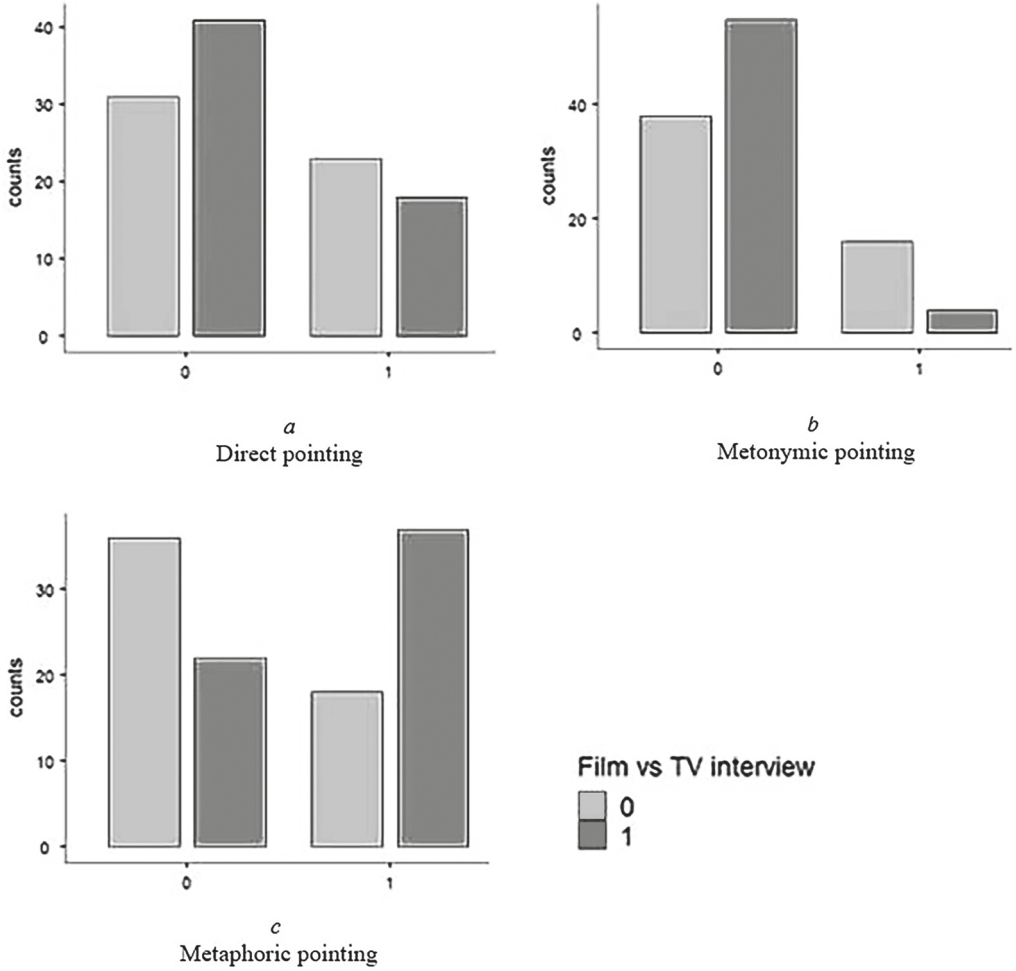


Fig. 5. Object reference

participants were also actors; however, there is a more potent argument that these differences will appear in other gesture types, for instance, in pragmatic or representational gestures [Cienki, Mittelberg 2013]. Another finding was that Metaphoric deictic gestures which were expected to appear more often in films did not manifest this tendency. Importantly, there were cases (see Fig. 7) of entrenched or emblematic multimodal metonymies and metaphors expressed in speech and gesture behavior of actors performing in film.

In Fig. 8 *a*, Yu. Nikulin uses a pointing gesture to show the direction to God who is commonly deemed to be somewhere up; hence, we observe a metonymic shift from subject onto the direction towards this subject. In Fig. 8 *b*, L. Akhedzhakova points at each of the event participants while touching with a forefinger of her left hand one of the fingers of her right hand, which is an emblematic gesture of enumeration; still, this is not a case of sole enumeration but also focusing attention on each particular participant. Therefore, there is a metaphoric shift from the finger she is touching to a participant.

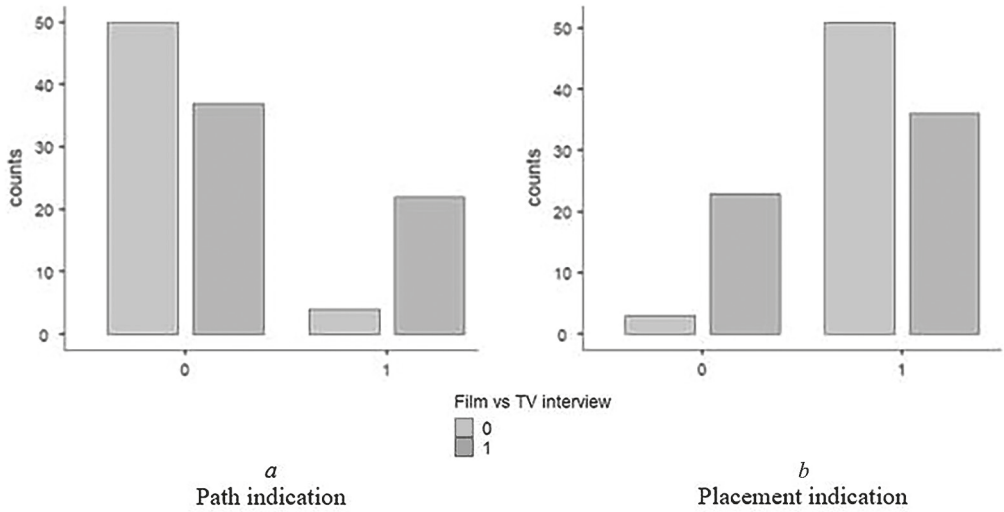


Fig. 6. Move

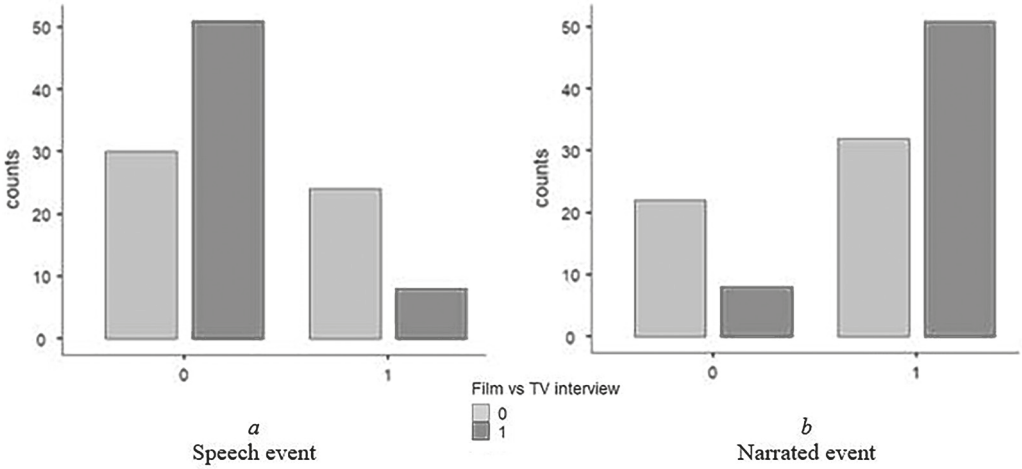


Fig. 7. Frame of reference

Presumably, the prevalence of Metonymic pointing is interconnected with another frequently appearing gesture schema which is Speech event construal. Since this is the fictive event with an emphasis on emotionality, imagery, pragmaticity and logics [Ivanov 1976] which the actor is performing in the film shot, the components of the shot are located in close proximity with the speaker and there is no need to point at them by forming an iconic view of them. Additionally, other gesture types (for instance, representational) might produce the exaggerated gesturing of "look into the camera" type [Ciccognani 2018].

Multimodal deixis in TV interview displayed the significant prevalence of Metaphoric pointing, Path indication and Narrative event construal. In terms of speech

a
Не дай БОГ ребята услышат / GOD forbid the guys to hear

b
Обсудить КАЖДОГО ПАЙЩИКА в отдельности / to discuss EVERY SHAREHOLDER individually

Fig. 8. Emblematic multimodal metonymy and metaphor with deictic gesture in film

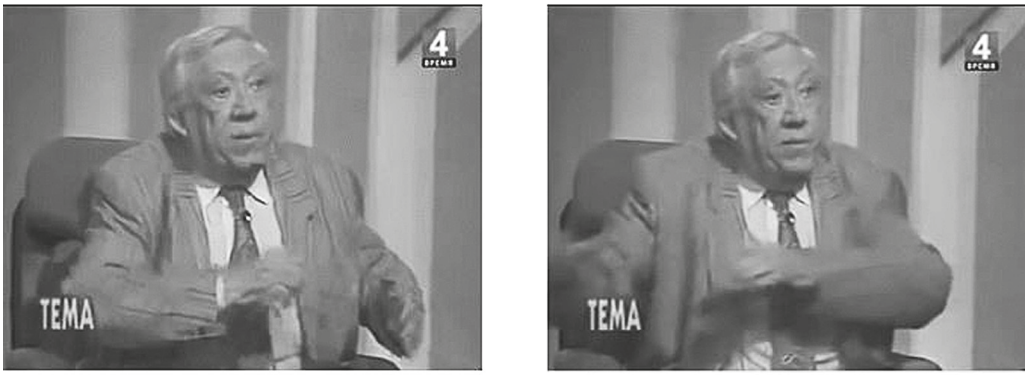
возьми эту / take that one

возьми ее / take her

Fig. 9. Metaphoric deictic gesture in TV interview

schemata specifics, we determined the significant prevalence of Specifying information and Accentuating the place. Since in the interview, the speaker focuses in the Narrated event, we expected higher dynamicity in answering the interviewee's questions [Clayman, Heritage 2002], which was found in both speech and in the use of Metaphoric deictic gesturing.

Fig. 9 shows an example of Metaphoric gesturing which clearly complies with the Narrated event.



...и наши вправо / ...and our (troops) to the right

Fig. 10. Narrated event in TV interview

In Fig. 9 the actor points at a person who is not nearby. The gesture is used as if playing out a situation when the individual that they are describing was in the same room with the actor to intensify the argumentation. These findings show that multimodal deixis is mediated by the iconicity in gesturing of the communicators (Metaphoric pointing), which proves that it reflects two communication regimes of sharing and obtaining information [Scherbatyh 2016].

The prevalence of Path indication in deictic gesturing evidences in favour of the speakers' high involvement into a narrative event construal; presumably this happens since the speakers are professional actors and produce a combination of staged character and spontaneity [Yashina 2007] with exaggerated staged effects. Importantly, that acting out a narrated event might have influenced the speech schemata choice. To bring closer the components of the plot implementation [Ilie 1999], the speakers focalize in speech the details of the event, accentuate the place of the event. This involvement is manifested in Fig. 10.

In Fig. 10, we observe the example of a touching gesture, where the actor abstractly "touches" the sides which the troops moved to. This quite frequent identification of the sides (right-left, west-east) is implemented by a pointing gesture, for instance pointing to the right while showing the orientation in space. The co-speech gesture chosen by the actor intensifies the Placement and Path indication of the movement of the object in the Narrated event.

Overall, multimodal deixis contributes to intensifying specific characteristics of plot contents and viewer engagement in two media formats, film and TV interview. Most notably, these are the characteristics related to their different narrative regimes and different combination of staged performance and spontaneity.

Conclusions

In this study, we addressed the problem of multimodal information construal in contrasting two most common media formats, film and TV interviews, in short narratives produced by the same actors. We presumed that since these two formats display differ-

ences in their plot content and viewer engagement characteristics, the latter might affect the way the actors employ speech and gesture to present the discourse space. With the research data of 20 film and TV interview fragments with 10 highly rated Russian actors (5 men and 5 women) we developed a three-stage procedure to explore the possible contingency of discursive schemata presenting discourse space in speech and of discursive schemata presenting object of reference, move and frame of reference in gesture.

The results manifest that multimodal deixis contributes to intensifying both types of these characteristics. Importantly, the results contributed to specifying several of them. For instance, we did not observe enhanced embodiment role appearing in gesturing in films in terms of deictic gestures, as opposed to TV interviews. We also identified higher dynamicity in responsive narratives in TV interviews, which was found in both speech and in the use of metaphoric deictic gesturing. Statistical results show that while multimodal deixis in film manifests the significant preference for metonymic pointing, placement indication and speech event construal; in TV interview we observe the prevalence of metaphoric pointing, path indication and narrative event construal. Additionally, TV interviews display the speech schemata which specify information and accentuate the place. Overall, the study shows that there are two basic types of discourse characteristics which produce higher differences between film and TV interview formats. These are different narrative regimes and different combination of staged performance and spontaneity.

References

Agamben, G. (2019). Notes on Gesture. In C. Kul-Want (Ed.), *Philosophers on Film from Bergson to Badiou: A Critical Reader* (pp. 208–217). New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press.

Amossy, R. (2009). Argumentation in discourse: A socio-discursive approach to arguments. *Informal Logic*, *3* (29), 252–267.

Apresjan, V. Yu. (2014). There, here and now. On temporal meanings of spatial deictic words. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1 (27), 9–41. (In Russian)

Auerbach, J. (2007). *Body shots: Early cinema's incarnations*. Berkeley: University of California Press.

Barthes, R. (1981). *Camera lucida: Reflections on photography*. New York: Hill & Wang.

Bavelas, J., Gerwing, J., Sutton, C., Prevost, D. (2008). Gesturing on the telephone: Independent effects of dialogue and visibility. *Journal of Memory and Language*, 2 (58), 495–520.

Borisova, E. G., Ovchinnikova, T. E. (2011). Parameter of nearness in the metaphorical space. In A E. Kibrik (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 25–29 maia 2011 g.), 10 (17)* (pp. 153–158). Moscow: RGGU Publ. (In Russian)

Bugaeva, L. D. (2016). The language of emotions in film. *Media Linguistics*, *2* (12), 61–70. (In Russian)

Cabrio, E., Tonelli, S., Villata, S. (2013). From discourse analysis to argumentation schemes and back: Relations and differences. In J. Leite, T. Cao Son, P. Torroni, L. Torre, S. Woltran (Eds), *Computational Logic in Multi-Agent Systems: 14th International Workshop, CLIMA XIV, Corunna, Spain, September 16–18, 2013, Proceedings* (pp. 1–17). Berlin; Heidelberg: Springer.

Camaioni, L. (1997). The emergence of intentional communication in ontogeny, phylogeny and pathology. *European Psychologist*, 2 (3), 216–225.

Chare, N., Watkins, L. (Eds) (2017). *Gesture and film: Signalling new critical perspectives*. Abingdon; New York: Routledge.

Chu, M., Kita, S. (2011). The nature of gestures' beneficial role in spatial problem solving. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1 (140), 102.

Ciccognani, M. (2018). *Metacinematic gestures: An investigation of the productionist aspect of self-reflexive films*. Dr. Sci. thesis. Leicester.

Cienki, A. (2017). *Ten lectures on spoken language and gesture from the perspective of cognitive linguistics: Issues of dynamicity and multimodality*. Leiden; Boston: Brill.

Cienki, A., Mittelberg, I. (2013). Creativity in the forms and functions of spontaneous gestures with speech. In T. Veale, K. Feyaerts, C. Forceville, *Creativity and the Agile Mind: A Multi-Disciplinary Study of a Multi-Faceted Phenomenon* (pp. 231–252). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
Clark, H. H. (2003). Pointing and placing. In S. Kita (Ed.), *Pointing: Where language, culture, and cognition meet* (pp. 243–268). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
Clayman, S., Heritage, J. (2002). *The news interview: Journalists and public figures on the air*. Cambridge: Cambridge University Press.
Cochet, H., Vauclair, J. (2014). Deictic gestures and symbolic gestures produced by adults in an experimental context: Hand shapes and hand preferences. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*, *3* (19), 278–301.
Cooperrider, K. (2017). Foreground gesture, background gesture. *Gesture*, *2* (16), 176–202.
Couldry, N. (2002). *Media rituals: A critical approach*. London: Routledge.
Deleuze, G. (1986). *Cinema 1: The Movement Image*. London: Athlone Press.
Deleuze, G. (1989). *Cinema 2: The Time-Image*. Minneapolis: University of Minnesota.
Djonov, E., Zhao, S. (Eds.). (2013). *Critical Multimodal Studies of Popular Discourse*. New York: Routledge.
Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Methods of analyzing video-verbal texts. *Media Linguistics*, *2* (12), 13–25. (In Russian)
Eisenstein, S. M. (1964–1968). *Selected works*. In 6 vols. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
Enfield, N. J. (2001). 'Lip-pointing': A discussion of form and function with reference to data from Laos. *Gesture*, *1* (2), 185–211.
Enfield, N. J., Kita, S., De Ruiter, J. P. (2007). Primary and secondary pragmatic functions of pointing gestures. *Journal of Pragmatics*, *10* (39), 1722–1741.
Fludernik, M. (1996). *Towards a 'Natural' Narratology*. London: Routledge.
Gumperz, J. (1982). *Discourse Strategies* (Studies in Interactional Sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press.
Harbord, J. P. (2015). Agamben's cinema: Psychology versus an ethical form of life. *Necsus. European Journal of Media Studies*, *4*, 13–30.
Ilie, C. (1999). Question-response argumentation in talk shows. *Journal of Pragmatics*, *31*, 975–999.
Iriskhanova, O. K. (2018). On the issue of narration dynamics evaluation. In V. V. Feschenko (Ed.), *Obrazy iazyka i zigzagi diskursa: sbornik nauchnykh statei k 70-letiiu V. Z. Dem'iankova* (pp. 192–215). Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia Publ. (In Russian)
Iriskhanova, O. K. (2019). Cognitive poetics of gestures. *Cognitive Studies of Language*, *36*, 72–86.
Iriskhanova, O. K., Cienki, A. (2018). The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contributions and challenges. *Issues in Cognitive Linguistics*, *4*, 25–36.
Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I., Leonteva A. V., Agafonova, O. V. (2022). Multimodal spatial deixis in speech and gestures: frames of reference in explanatory discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, *4*, 17–31.
Ivanov, V. V. (1976). *Outline on the history of semiotics in the USSR*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
Kibrik, A. A. (2009). Mode, genre and other parameters of discourse classification. *Voprosy iazykoznaniia*, *2*, 3–21. (In Russian)
Kibrik, A. A., Podlesskaja, V. I. (2009). *Night Dream Stories: A Corpus Study of spoken Russian discourse*. Moscow: IaSK Publ. (In Russian)
Kiose, M., Leonteva, A., Agafonova, O. (2022). Aesthetic multimodality of speech and gesture: Towards its functional framework. *Languages and Modalities*, *2*, 1–17.
Kita, S. (2003). Pointing: A foundational building block of human communication. In S. Kita (Ed.), *Pointing: Where language, culture, and cognition meet* (pp. 1–8). Mahwah: Erlbaum.
Kita, S. (2009). Cross-cultural variation of speech-accompanying gesture: A review. *Language and cognitive processes*, *2* (24), 145–167.
Kita, S., Özyürek, A. (2003). What does cross-linguistic variation in semantic coordination of speech and gesture reveal?: Evidence for an interface representation of spatial thinking and speaking. *Journal of Memory and Language*, *1* (48), 16–32.
Kristeva, J. (2014). *La révolution du langage poétique. L'avant-garde à la fin du XIXe siècle: Lautréamont et Mallarmé*. Paris: Média Diffusion.
Kubryakova, E. S., Aleksandrova, O. V. (1997). Types of space in text and discourse. In E. S. Kubryakova, O. V. Aleksandrova (Eds), *Kategorizatsiia mira: prostranstvo i vremia: materialy nauchnoi konferentsii* (pp. 15–25). Moscow: Dialog-MGU Publ. (In Russian)
Lavender, A. (2021). Multimodal Acting and Performing. In L. Elleström (Ed.), *Beyond Media Borders. Vol. 1: Intermedial Relations among Multimodal Media* (pp. 113–140). Cham: Palgrave Macmillan.

Le Guen, O. (2011). Modes of pointing to existing spaces and the use of frames of reference. *Gesture*, *3* (11), 271–307.
Levinson, S. C. (2003). *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press, Language.
Longacre, R. E. (1996). *The grammar of discourse*. New York: Springer.
Machin, D. (2013). What is multimodal critical discourse studies? *Critical Discourse Studies, 4* (10), 347–355.
Majid, A., Bowerman, M., Kita, S., Haun, D. B., Levinson, S. C. (2004). Can language restructure cognition? The case for space. *Trends in Cognitive Sciences*, *3* (8), 108–114.
Mann, W. C., Thompson, S. A. (1988). Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. *Text-interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, *3* (8), 243–281.
Masterman, L. (1997). A Rationale for Media Education. In R. Kubey (Ed.), *Media Literacy around the World* (pp. 15–68). New York: Routlege.
McNeill, D. (1992). *Hand and mind: What gestures reveal about thought.* Chicago: University of Chicago Press.
Merlo, S., Mansur, L. L. (2004). Descriptive discourse: topic familiarity and disfluencies. *Journal of Communication Disorders*, *6* (37), 489–503.
Mesh, K., Cruz, E., van de Weijer, J., Burenhult, N., Gullberg, M. (2021). Effects of Scale on Multimodal Deixis: Evidence from Quiahije Chatino. *Frontiers in Psychology*, 11, 584231.
Milroy, L. (1987). *Observing and Analyzing Natural Language: A Critical Account of Sociolinguistic Method*. Oxford: Basil Blackwell.
Mittell, J. (2007). Film and television narrative. In D. Herman (Ed.), *The Cambridge Companion to Narrative* (pp. 156–171). Cambridge: Cambridge University Press.
Molenaar, N., Smit, J. H. (1996). Asking and answering yes/no questions in survey interviews: a conversational approach. *Quality and Quantity*, *30*, 115–136.
Mulvey, L. (1988). Visual pleasure and narrative cinema. In C. Penley (Ed.), *Feminism and Film Theory* (pp. 57–68). New York: Routledge.
Mulvey, L. (2006). *Death 24x a Second: Stillness and the Moving Image*. London: Reaktion Books Ltd.
Noys, B. (2014). Film-of-life: Agamben's profanation of the image. In H. Gustafsson, A. Grønstad (Eds), *Cinema and Agamben: Ethics, biopolitics and the moving image* (pp. 89–102). Bloomsbury: Bloomsbury Academic.
Paducheva, E. V. (2008). Register of interpretation as disambiguating context. In A. E. Kibrik (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 4–8 iiunia 2008 g.)*, *7* (14) (pp. 412–419). Moscow: RGGU Publ. (In Russian)
Pfeiffer, T. (2010). *Understanding multimodal deixis with gaze and gesture in conversational interfaces*. Dr. Sci. thesis. Bielefeld.
Plotnikova, S. N. (2011). Discourse space: towards the problem with the definition of the phenomenon. *Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit, 2* (6), 152–158. (In Russian)
Pronin, A. (2018). Space as a narrative document: Addressing the question of persuasive power of biographic cinematic narrative. In L. D. Bugaeva (Ed.), *Prostranstvo i personazh* (pp. 198–204). St. Petersburg: Petropolis Publ. (In Russian)
Scherbatyh, E. Ju. (2016). *The framework of evaluation semantics in contemporary English interviews*. PhD thesis. Yaroslavl. (In Russian)
Smith, M. (2010). Engaging Characters: Further Refectio. In J. Eder, F. Jannidis, R. Schneider (Eds), *Characters in Fictional Worlds: Understanding Imaginary Beings in Literature, Film, and Other Media* (pp. 232–258). Berlin: De Gruyter.
Shusterman, A., Li, P. (2016). A Framework for Work on Frames of Reference. In D. Barner, A. S. Baron (Eds), *Core Knowledge and Conceptual Change* (pp. 191–206). Oxford: Oxford University Press.
Tomasello, M., Carpenter, M., Liszkowski, U. (2007). A new look at infant pointing. *Child Development*, *78*, 705–722.
Von Stutterheim, C., Klein, W. (1989). Referential movement in descriptive and narrative discourse. *North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations*, *54*, 39–76.
Wilkins, D. (2003). Why pointing with the index finger is not a universal (in sociocultural and semiotic terms). In S. Kita (Ed.), *Pointing: Where language, culture, and cognition meet* (pp. 171–215). Mahwah: Erlbaum.
Wolfson, N. (1976). Speech events and natural speech: Some implications for sociolinguistic methodology. *Language in Society*, *2* (5), 189–209.

Yashina, N. V. (2007). *Communicative and intonational specifics of TV-interview discourse (case study of the American variant of the English language)*. PhD thesis. Ivanovo. (In Russian)
Zykova, I. V (2021). Linguistic creativity in cinematic discourse. In I. V. Zykova (Ed.), *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti* (pp. 100–189). Moscow: R. Valent Publ. (In Russian)

Received: September 14, 2023
Accepted: December 13, 2023

Authors' information:

Maria I. Kiose — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor, Leading Researcher; maria_kiose@mail.ru
Anna V. Leonteva — PhD in Philology, Research Assistant; lentevanja27@gmail.com
Olga V. Agafonova — Junior Researcher; olga.agafonova92@gmail.com

Полимодальный дейксис в медиадискурсе: нарративы кино и телеинтервью*

М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова

Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1

Для цитирования: Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V. (2024). Multimodal deixis in media discourse: Film vs TV interview narratives. *Медиалингвистика, 11* (1), 30–52. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.103

В статье анализу подвергаются два жанра медиадискурса — кино и телеинтервью, — демонстрирующие специфический характер распределения коммуникативных модальностей речи и жеста в полимодальном дейксисе при конструировании дискурсивного пространства в нарративе. Для установления особенностей этого распределения в работе изучается «содержание сюжета» и «перспектива наблюдателя» как две основные координаты конструирования дискурсивного пространства в медиа. Гипотеза исследования заключается в том, что наличие различий в «содержании сюжета» и «перспективе наблюдателя» в рассматриваемых жанрах будет определять распределение речи и жеста в конструировании дискурсивного пространства актерами. Материалом анализа являются 20 фрагментов кино и телеинтервью с участием рейтинговых российских актеров (5 мужчин и 5 женщин). Основной метод исследования — полимодальный анализ, который применяется для установления паттернов сопряженности (совместной встречаемости) дискурсивных схем, использующихся для конструирования дискурсивного пространства в речи, и дискурсивных схем, служащих для конструирования объекта референции, движения и референциального фрейма в дейктических жестах. Результаты показали, что полимодальный дейксис демонстрирует специфические характеристики в кино и телеинтервью. Так, в кино превалирует метонимическое указание, указание на место при конструировании события речи; в то время как в телеинтервью чаще наблюдается метафорическое указание, указание на

* Исследование выполнено в рамках государственного задания «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (проект № 075-03-2020-013) в Центре социокогнитивных исследований дискурса в Московском государственном лингвистическом университете.

путь при конструировании события нарратива. Установлено, что в телеинтервью дискурсивные схемы в речи чаще представляют детализированную информацию, а также информацию, уточняющую расположение объекта референции в событии речи или в событии нарратива. В целом исследование позволило обнаружить два основных типа дискурсивных характеристик, определяющих различия в полимодальном дейксисе кино и телеинтервью; к ним отнесены разные нарративные формы и различное сочетание постановочного и спонтанного в поведении актеров.

Ключевые слова: кино, телеинтервью, речь, жест, дискурсивное пространство.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 13 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Киосе Мария Ивановна — д-р филол. наук, доц., вед. науч. сотр.; maria_kiose@mail.ru
Леонтьева Анна Васильевна — канд. филол. наук, науч. сотр.; lentevanja27@gmail.com
Агафонова Ольга Владимировна — мл. науч. сотр.; olga.agafonova92@gmail.com

ТЕОРИЯ МЕДИА

УДК 81'42

Поликодовый текст в диджитал-коммуникациях вуза: контент, графика, иллюстрации

С. С. Шляхова, А. Ю. Колесник

Пермский политехнический университет,
Российская Федерация, 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29

Для цитирования: Шляхова С. С., Колесник А. Ю. (2024). Поликодовый текст в диджитал-коммуникациях вуза: контент, графика, иллюстрации. *Медиалингвистика*, *11* (1), 53–75. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.104

В статье рассматриваются закономерности структурирования поликодового текста, функционирующего в новостных лентах сайтов технических университетов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвистического описания всевозможных форматов и жанров диджитал-коммуникации. Новизна исследования заключается в комплексном анализе научной новостной ленты технических университетов. Цель исследования — анализ вербального (вербальная медиатопика, тематика) и невербального (графика, иллюстрации, визуальная медиатопика) компонентов поликодового текста. Методы исследования — контент-анализ, графический и семиотический анализ. Многоаспектная характеристика разных компонентов поликодового текста научного содержания позволяет выявить тематические доминанты вузовского контента, а также систему паравербальных приемов его оформления. Дискурсный анализ позволяет установить межсемиотические отношения, которые отражают распределение смысла на уровне вербального и визуального кода. В вербальной медиатопике доминирует образ технического университета как научно-исследовательской структуры в актуальных областях науки и производства, где ученый (личность) находится на периферии, но обеспечивает научно-исследовательский процесс. В визуальной медиатопике отмечается некоторая «дискриминация»: доминирует образ ученого-мужчины (личности), который в структуре научного процесса является более значимой составляющей, чем сам процесс и научное сообщество. Визуальные компоненты текста (графика и иллюстрации) отличаются узким репертуаром приемов; доминирует фотография. Анализ вербальной и визуальной медиатопики в оппозиции «ученый — наука» показал логическую инверсию — замену вербального визуальным. Эти данные хорошо согласуются с установленной доминантой функцией иллюстраций — функцией дополнения. Полученные наблюдения и выводы могут быть использованы науч-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ными журналистами, специалистами пресс-служб университетов для корректировки стратегии цифровых коммуникаций. Перспективными представляются исследования характеристик поликодового текста, которые коррелируют с востребованностью текста у целевых аудиторий.

Ключевые слова: научная коммуникация, поликодовый текст, медиатопика, научная иллюстрация, цифровые коммуникации.

Постановка проблемы

Постановка проблемы в настоящей статье связана с мадиатекстом как поликодовой структурой в цифровой научной коммуникации. Диджитал-коммуникации вуза относятся к научным коммуникациям. На сегодня понятие *научная коммуникация* не имеет однозначного определения и дефинируется от самого узкого (коммуникация между учеными) [Чернозуб 2013; Черникова 2017; и др.] до самого широкого (коммуникация между наукой и широкой общественностью: от академической науки до Twitter storms) [Calsamiglia, van Dijk 2004; Davies, Horst 2016; Starling, Tanswell 2018; Неустроева 2018; Медведева, Азарова 2021; и др.] объема понятия.

Целесообразным является выделение *внутренней* (коммуникация между учеными) и *внешней* (коммуникация ученых с обществом, направленная на популяризацию науки для неспециалистов) *научной коммуникации* [Покотыло 2019; Чернявская 2017; и др.], к которым в англоязычном дискурсе приближаются термины *science communication* и *scientific communication* соответственно.

Один из эффективных инструментов научной коммуникации вуза — сайт, который является платформой для научной коммуникации, инструментом популяризации научных достижений, в котором выделяется особая роль новостных разделов [Медведева, Азарова 2021]. Новостной раздел университетского сайта состоит из медиатекста, который носит интегрированный характер (текст и визуализация любых типов: графика, инфографика, видео) [Шилина 2017: 17].

Университетские сайты также рассматриваются в ряду других научно-популярных ресурсов наравне с сайтами электронных версий традиционных СМИ (печатных и телепередач), сайтами популяризаторов науки [Макарова 2013].

Цель исследования — анализ медиатопики поликодового текста в цифровых научных коммуникациях вуза. Для достижения цели проводился анализ вербального (вербальная медиатопика, тематика) и невербального (графика, иллюстрации, визуальная медиатопика) компонентов поликодового текста.

История вопроса

Некоторые лингвисты говорят о лингвистическом (вербальном), экстралингвистическом (невербальном) и смешанном видах текста в современной лингвистике [Омельяненко, Ремчукова 2018]. В смешанном тексте отмечаются тенденции к визуализации информации, увеличению эффективности воздействия текста на читательскую аудиторию с помощью двойного кодирования, компактности представления материала, наблюдаемые в средствах массовой коммуникации [Христофорова 2021].

В научном дискурсе существует множество терминов для обозначения смешанных текстов: *креолизованный*, *поликодовый*, *контаминированный*, *изовербаль-*

ный, *полисемический*, *лингвовизуальный*, *видеовербальный*, *визуальный* и др. [Омельяненко, Ремчукова 2018].

Наибольшее распространение получили термины *поликодовый* (два и более кода в кодировании информации) и *мультимодальный* текст (две и более модальности в восприятии и декодировании текста). Среди специфических черт поликодового текста выделяют *симультативную многоканальность трансляции сообщения*, *сложность рецепции сообщения*, *коммуникативную комбинаторность* [Кожемякин 2019]. В семантическом пространстве такого текста происходит конструирование комплексных смыслов, извлечение которых рассматривается как творческий процесс [Гусева 2019]. Обзор исследований поликодового текста в контексте мультимодальности в российской и зарубежной лингвистике представлен в [Омельяненко, Ремчукова 2018].

Мультимодальный подход не предполагает, что важность языка преуменьшается: «любое использование языка неизбежно является мультимодальным». Язык все еще важный канал коммуникации, но его роль в анализе дискурса меняется [Kress, van Leeuwen 2001].

Соотношение вербальных и невербальных компонентов поликодового текста также имеет весомую историю исследований, однако дискуссии в научном дискурсе продолжаются.

Одни исследователи отмечают приоритет вербального ряда над невербальным: неязыковые объекты становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они дублируются или ретранслируются языком; приоритет находится у вербального канала (39 %) в сравнении с визуальным (33 %) и просодическим (28 %) [Кибрик 2010]; интерпретация визуальных объектов мотивирована вербальным комментарием: он тематизирует и контекстуализирует визуальную рецепцию и интерпретацию исходного сообщения [Белоедова и др. 2020]; особая значимость вербального компонента проявляется, например, в региональных телевизионных новостях, когда два канала с противоположной редакционной политикой интерпретируют одно событие, т. е. используют одинаковый или похожий видеоряд: в таком случае вербальный компонент будет являться основным смыслообразующим элементом [Колесникова 2018] и пр.

Другие, наоборот, отмечают приоритет невербального над вербальным: около 70 % всей информации доносится до адресата при помощи невербальной или паралингвистической информации [Предтеченская 2000]; информация, содержащаяся в текстовом сообщении, усваивается на 7 %, голосовые характеристики способствуют усвоению на 38 %, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие — до 55 % [Ворошилова 2007]; влияние вербальной составляющей на понимание поликодового текста рассматривается как модулирующее, а определяющая роль в его понимании признается за изобразительным рядом [Сонин 2006] и пр.

Целесообразным представляется учет различных факторов при определении значимости вербального и невербального компонентов поликодового текста в контексте его мультимодальности: один компонент выступает в роли «декоративного обрамления» другого или оба компонента действуют на равных позициях, и при удалении одного из них происходит потеря общего смысла [Чернявская 2009]; вербальная информация воздействует на сознание читателя рациональным путем, а использование невербальных средств переводит восприятие на уровень подсознания; невербальный компонент усиливает восприятие вербального текста и создает определенный эмоци-

ональный настрой [Вольская 2016], передает отношение к вербальной информации, чувства [Куницына 2020]; лучшим способом для иллюстрации какой-либо процедуры может быть изображение, а вот в юридическом документе, наоборот, язык является наиболее важным способом передачи информации [Kress 1997].

В любом случае вопросы вербальной и невербальной структуры поликодового текста, в том числе в контексте мультимодальности, имеют целый веер научных интерпретаций. Менее исследованными являются роль иллюстраций и их взаимодействие с вербальной составляющей в научном тексте. Визуализация научного знания на сегодня — весьма актуальная и малоизученная проблема.

Теория иллюстрации как таковой (не только научной) находится на теоретической периферии: «Одновременно с разнообразием и множественностью текстов можно констатировать разобщенность исследований… что отражается на всем корпусе российского сегмента illustration studies как системного теоретического осмысления иллюстрации… Работы, посвященные анализу современной книжной иллюстрации и веб-графики, появляются, но на общем фоне научных исследований их пока очень мало» [Уманская 2021].

Как показывает практика научной иллюстрации, важнейшими функциями визуализации научного знания являются аттрактивная (привлечение внимания), экспрессивная (воздействие на чувства и эмоции) и эстетическая функции, что связано с такими трендами в коммуникации, как Science Art и медиатизация науки. Научная иллюстрация исследуется как Science Art в контексте популяризации научного знания [Ross 2017; Гайсина и др. 2019; Лисовский 2020; и др.].

Медиатизация науки обладает своей спецификой: все большее сближение науки и политики, когда политики легитимируют принимаемые решения на основании научной экспертизы [Рысакова 2022]; медиатизация как репутационный и имиджевый капитал науки и конвертация медийной известности в академическое признание [Väliverronen 2021]; случайное [Kümpel 2019; Kligler-Vilenchik et al. 2020; Mueller-Herbst et al. 2020] и развлекающее [Martin, Dwyer 2019] потребление научного контента в соцсетях и др.

Отдельные работы посвящены восприятию [Скалка 2021; и др.], семиотике [Шестакова 2019; Таюпова, Полякова 2022; и др.], полисубъектности (проект реализует творческо-технический коллектив — журналист, фотограф, инфограф, веб-дизайнер, SMM-менеджер, статистик, аналитик, программист, специалисты data science, продюсер) [Шилина 2017; и др.] научной визуализации.

Активно исследуются научные визуализации в контексте мультимедийности и IT-технологий [Горбунов-Посадов и др. 2015; Шилина 2017; Perkel 2020; Закутиева 2022; Chen et al. 2022; и др.].

Профессионализация scientific illustration эволюционировала от профессиональных и обучающих целей до маркетинга и бизнеса, что не влияет на развитие научной визуализации как таковой. В целом можно говорить о слабом развитии scientific illustration в российской теории и практике и активизации этого направления в последнее время.

Существующая сегодня мировая «высокая мода» science art научной иллюстрации остается недоступной для «массовой марки» сайта образовательной организации. В центре нашего исследования — анализ повседневной визуальной практики в научной коммуникации университетов.

Описание методики исследования

Эмпирическим материалом выступили 500 новостных материалов (по 100 для каждого университета), опубликованных вузами в период с января 2022 г. по январь 2023 г. в новостной ленте сайтов, на которых указывается количество просмотров публикаций. Тексты отбирались методом сплошной выборки с официальных сайтов университетов из рейтинга лучших вузов России (по версии RAEX-100): Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ); Национальный исследовательский университет ИТМО; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ).

Выбор в качестве материала исследования данных с сайтов технических университетов обусловлен в том числе и тем, что техническая информация значительно сложнее для восприятия, чем гуманитарная, что осложняет структурирование информации в коммуникациях для неподготовленной аудитории.

Анализ материала проводился в контексте дискурсивного подхода к анализу медиатекста [Попова 2018; и др.]. Методами исследования явились элементы дискурсивного анализа: вербальная медиатопика, тематика (контент-анализ); медийные технологии: визуальные средства — шрифт, графика, иллюстрации, визуальная медиатопика (графический и семиотический анализ), а также количественный анализ.

Методика исследования включает следующие этапы анализа поликодового текста в научной коммуникации вузов.

1. Контент. Количественный анализ: 1) среднее количество новостных материалов на научно-популярные темы на сайтах вузов в месяц; 2) доля научно-популярного контента в общей коммуникационной политике университета в месяц; 3) доля «бытовой» науки (количество публикаций об исследованиях и разработках на темы, близкие обществу, или материалы разъясняющего характера об окружающей действительности). Качественный анализ: 1) основные информационные поводы научно-популярного контента; 2) основные научные области информационных поводов (тематика) научно-популярного контента вузов; 3) вербальная медиатопика.

2. Графика: 1) разделение на абзацы; 2) наличие подзаголовков; 3) наличие маркировочного списка; 4) наличие визуальных элементов внутри текста; 5) наличие начертаний (курсивное/жирное выделение).

3. Иллюстрации: 1) среднее количество иллюстраций в публикации; 2) виды иллюстраций; 3) отношение иллюстраций к информационному поводу; 4) контент иллюстраций; 5) функции иллюстрации; 6) визуальная медиатопика.

Анализ материала и результаты исследования

Контент

Медиатопика — единая тематическая доминанта, объединяющая ряд медиатекстов. «Медиатопика является существенным параметром типологического описания медиатекстов, которая позволяет выделить его тематическую доминанту. Медиатопика (устойчивые тематические структуры) естественным образом орга-

низует медиаконтент, который упорядочивает динамичную картину мира с помощью устойчивой системы медиатопиков» (регулярно воспроизводимых тем) [Добросклонская 2008: 43].

Таким образом, организация медиатопиков в научных коммуникациях позволит не только установить повестку дня в медиатексте, но и дает возможность моделировать научное сознание и научную конъюнктуру в студенческой среде.

Количественный анализ

Среднее количество новостных материалов на научно-популярные темы в месяц. По данному критерию лидирует региональный вуз (ПНИПУ): в среднем ежедневно публикуются новости, посвященные популяризации науки (33,71 публикаций в месяц). Университеты Москвы и Санкт-Петербурга предлагают меньше научно-популярного контента: МИФИ (19,61), СПбПУ (15,08), ЛЭТИ (15,38 публикаций в месяц). Несмотря на то что ИТМО — пионер научной коммуникации в России, данный вуз публикует наименьшее количество научно-популярных текстов на своем сайте (11,24 материала в месяц).

Доля научно-популярного контента в общей коммуникационной политике университета в месяц. Наибольшее количество новостей в месяц публикуют ПНИПУ (86) и СПбПУ (81). В среднем они ежедневно выпускают по 2,8 и 2,7 информационных материала на своих сайтах. МИФИ (46) и ЛЭТИ (45) в месяц создают в два раза меньше контента. ИТМО публикует одну, реже две новости в день (32 новости в месяц).

Доля научно-популярного контента в общей коммуникационной политике приблизительно одинакова. Наиболее активно научная коммуникация выстроена у МИФИ. На сайте МИФИ популяризации науки посвящены более 40 % публикаций. Немного меньше доля научно-популярного контента у ПНИПУ — 38,91 %. У ИТМО и ЛЭТИ процент публикаций 34,84 и 33,56 % соответственно; в новостной ленте СПбПУ — 18,59 %.

Доля «бытовой» науки в научной коммуникации университетов. К этой группе относятся публикации об исследованиях и разработках на темы, которые касаются каждого человека (биотехнологии, медицинские технологии, вакцины и пр.), или материалы разъясняющего характера об окружающей действительности.

Наибольшее количество соответствующих новостных сообщений опубликовано в новостной ленте ИТМО (34 %). Вуз регулярно публикует (в среднем практически каждую неделю) информацию такого характера. В равных долях материалы о «бытовой» науке размещают СПбПУ (19 %) и МИФИ (17 %). Отстают в этом плане ПНИПУ (2 %) и ЛЭТИ (2 %).

Качественный анализ

Информационная повестка (вербальная медиатопика) научных коммуникаций вузов. Были выявлены следующие основные медиатопики научно-популярного контента вузов (в порядке убывания): 1) исследование/разработка — 46,8 %; 2) внутреннее мероприятие (события на площадке университета: конференция, круглый стол, семинар, выставка, форум, фестиваль и др.) — 12,4 %; 3) внешнее

мероприятие (событие на внешней площадке с участием университета) — 7 %; 4) объяснение (популярное объяснение от лица вуза или ученого каких-либо процессов, событий или явлений) — 7 %; 5) личность (рассказ о личности и деятельности конкретного ученого) — 6,6 %; 6) гранты/конкурсы/премии — 5,6 %; 7) проект (участие вуза в федеральных программах, кооперациях с предприятиями для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) — 4,4 %; 8) инфраструктура (развитие инфраструктурной базы — открытие лабораторий, центров, кафедр, закупка или создание нового лабораторного оборудования) — 3,4 %; 9) другие достижения (защита кандидатских и докторских диссертаций и др.) — 3,2 %; 10) лекции (проведение открытых онлайн- или офлайн-лекций или участие в них) — 1,6 %; 11) экспертное мнение (мнение ученых относительно каких-либо происходящих событий или процессов) — 1,6 %; 12) рейтинг (вхождение университета в рейтинги) — 0,8 %;

В ходе исследования контента были выявлены наиболее часто встречающиеся медиатопики. В большей степени вузы публикуют информацию об исследованиях и разработках (46,8 %). На втором месте по частоте — новостные материалы о внутренних мероприятиях: конференции, круглые столы, выставки, которые проходят на площадке университетов (12,4 %). Информация о внешних мероприятиях публикуется вузами реже (7 %). С такой же частотой университеты готовят материалы, разъясняющие природу какого-либо процесса, явления, события (7 %), посвященные деятельности и достижениям конкретного ученого (6,6 %). Победам в конкурсах, грантах, премиях посвящено 5,6 % всех публикаций. Реже в новостной ленте университета публикуются материалы с такими информационными поводами, как участие вузов в проектах (федеральных программах, кооперациях с предприятиями, университетами) (4,4 %), инфраструктурные проекты (открытии лаборатории, исследовательских центров и др.) (3,4 %), другие достижения (защиты диссертаций, благодарственные письма) (3,2 %), открытые лекции (1,6 %), мнение ученых о каком-либо процессе или событии (1,2 %), присутствие в рейтингах (0,8 %).

Наиболее разнообразный контент представлен в новостной ленте сайта МИФИ (12 тем), причем университет чаще остальных публикует информацию про внутренние мероприятия вуза (18 %), проекты (9 %), победы в грантах/конкурсах/премиях (9 %) и является единственным вузом, который размещает материалы с мнением ученых относительно каких-либо процессов и событий (6 %).

Наименьшее количество информационных поводов в научной коммуникации использует ПНИПУ (6 тем). В новостной ленте университета в большем количестве, чем у других вузов, размещены материалы об исследованиях и разработках (66 %). Кроме того, только в ленте регионального вуза были замечены публикации про защиты кандидатских и докторских диссертаций ученых (12 %).

СПбПУ реже остальных публикует научно-популярные материалы про свои исследования и разработки ученых (26 %), но чаще других рассказывает о внешних мероприятиях, в которых участвует университет (14 %), и о деятельности своих ученых (19 %). В ИТМО активнее, чем в других исследуемых вузах, размещаются публикации с объяснениями ученых каких-либо происходящих в мире процесссов, явлений или событий (17 %).

Публикации на научно-популярные темы по гуманитарным наукам размещаются крайне редко (4,2 %). Это вполне объясняется тем, что исследуемые вузы преимущественно технические, и гуманитарные науки, хотя и представлены в структуре университетов в виде соответствующих факультетов и центров, составляют небольшую долю в общей научной деятельности вузов.

Основные научные области информационных поводов (тематика) научно-популярного контента вузов. В ходе исследования контента были выявлены наиболее часто встречающиеся научные области, представленные в публикациях.

В большинстве публикаций университеты освещают сразу несколько научных тем, то есть посвящают материал не одному конкретному исследованию, а их комплексу (20 %). Например, когда речь идет о междисциплинарном научном проекте или проводимой конференции на площадке вуза.

На тему физики приходится 19,8 % информационных материалов, что ожидаемо, так как лаборатории, центры, институты, направленные на выполнение научно-исследовательских работ в области физики, есть в каждом из рассматриваемых университетов.

Третья по частоте тема публикаций — цифровые технологии, искусственный интеллект, виртуальная реальность (13,4 %). Время информационных технологий, от которых зависит все наше существование, а также санкции, требующие обеспечение информационной безопасности страны, актуализируют исследования, связанные с новыми технологическими решениями в IT-сфере.

Теме медицины и биоинженерии посвящено 10,8 % публикаций вузов — применению инженерных решений в медицине, например протезированию, искусственному выращиванию органов и др. Частоту публикаций можно объяснить стремлением человечества к долголетию, бессмертию, молодости, поэтому заказ на такие исследования, скорее всего, исходит как от государства, так и от ведущих медицинских и фармакологических институтов.

Остальные темы освещаются гораздо реже: энергетика — 6 %, экология — 4,5 %, материаловедение — 4 %, химия — 3 %, машиностроение — 2 %. В категорию «другое» отнесены темы, которые встречаются единично и в рамках одного университета.

Информационная повестка МИФИ. Наиболее частотными темами в научной коммуникации вуза в новостной ленте сайта являются физика (27 %) и ядерная энегетика (23 %). Это можно объяснить спецификой научной деятельности университета, поскольку энергетика и физика — две приоритетные области, которые отражаются в структуре университета и его названии: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Московский инженерно-физический институт).

Следующая по частоте тема — медицина, биоинженерия (9 %). Для вуза это направление также является профильным, поскольку в его структуре находится инженерно-физический институт биомедицины. Отдельными направлениями от физики было решено выделить астрофизику и космическую технику, которые в совокупности составляют 7 % публикаций. Эта область актуальна для университета, поскольку вуз является опорным вузом ракетно-космической отрасли, в частности изготавливает ракетные двигатели, что является крайне важным направлением для государственной политики страны. Остальные направления освещаются в мень-

шей степени. Неоправданным кажется незначительное количество публикаций по цифровым технологиям, искусственному интеллекту и виртуальной реальности (2 %), электроника (2 %), полное отсутствие публикаций по кибербезопасности, учитывая, что в университете развиваются Институт интеллектуальных кибернетических систем и Институт бизнес-информатики.

Информационная повестка ИТМО. В университете существует мегафакультет наук о жизни, на освещение деятельности которого приходится 29 % публикаций: медицина и биоинженерия (16 %), нейробиология, психология (5 %), химия (5 %), биология (2 %), экология (1 %). Также университет активно популяризирует деятельность физико-технического мегафакультета (25 %), в рамках которого функционируют профильные институты и лаборатории. Основные научно-популярные публикации приходятся на тему физики (21 %), далее — робототехника (2 %), астрофизика (1 %), 3D-печать (1 %). 21 % отведен информационным материалам, которые посвящены не конкретному исследованию или разработке, а комплексу научных достижений или мероприятий. Также в структуре университета достаточно много подразделений — мегафакультеты, лаборатории, институты, занимающиеся исследованиями в области цифровых технологий, искусственного интеллекта. В повестке научной коммуникации этому направлению посвящены 17 % публикаций: цифровые технологии, искусственный интеллект — 14 %, виртуальная реальность — 3 %. Совсем не освещаются гуманитарные науки, несмотря на то, что в университете развивается факультет технологического менеджмента и инноваций.

Информационная повестка СПбПУ. Самой популярной темой для научной коммуникации в университете являются цифровые технологии, искусственный интеллект (17 %). Согласно структуре университета и информации, размещенной на сайте, IT-технологии стали ведущими в научной деятельности вуза. Публикации о биомедицинских системах и биотехнологиях составляют 14 %: медицина, биоинженерия (12 %), химия (2 %). СПбПУ уделяет наибольшее внимание популяризации гуманитарных наук: 12 % в общей научно-популярной коммуникационной повестке университета. Деятельности института электроники и телекоммуникаций посвящено 7 % публикаций: космотехника (3 %), электроника (3 %), космические телесистемы (1 %). Остальные темы (материаловедение, Арктика, безопасность жизнедеятельности, экология, робототехника, нефтяные технологии), как и соответствующие подразделения вуза, освещаются незначительно.

Информационная повестка ЛЭТИ. Наиболее активно университет освещает деятельность в области цифровых технологий, искусственного интеллекта (16 %).

Физическим процессам и явлениям в новостной ленте сайта посвящено 10 % публикаций. В данном случае мы выделили направление рентгенографии, поскольку достаточно много новостных сообщений посвящены этой теме (8 %). Это объясняется тем, что в университете создано структурное подразделение, которое занимается разработкой соответствующего оборудования и проведения на нем испытаний. Публикации, посвященные медицине и биоинженерии, составляют 9 %, энергетике — 6 %, машиностроению — 5 %. Незначительное количество публикаций посвящено двигателестроению (1 %), робототехнике и кибербезопасности (по 2 %). Неожиданно мало материалов посвящено профильному для вуза направлению — электронике (3 %), которую мы намеренно не включили в раздел физики.

Информационная повестка ПНИПУ. В материале ПНИПУ нет научной области, которая бы с явным преимуществом освещалась на сайте университета. Так, 11 % публикаций посвящено материаловедению, созданию новых материалов, механике материалов, поскольку в ПНИПУ функционируют соответствующие научные центры и лаборатории. Нефтяные технологии, разработки в области добычи нефти и газа освещают 10 % новостных сообщений. ПНИПУ — единственный вуз из представленных, который активно освещает данную сферу. Это во многом объясняется многолетним плодотворным развитием данной отрасли с момента становления вуза как горного института. Об исследованиях и разработках в области информационных технологий, искусственного интеллекта в новостной ленте вуза размещено 10 % материалов. Теме медицины и биоинжиниринга посвящено 8 % публикаций, несмотря на то что, в отличие от исследуемых вузов, в рассматриваемом университете нет крупных подразделений, отвечающих за развитие данных направлений. В отдельную категорию была выделена тема дорожного покрытия, которой посвящено 6 % информационных материалов. Столько же материалов посвящены физике, 5 % — машиностроению, экологии, технологии 3D-печати, а также авиадвигателестроению. Университет, как и МИФИ, является опорным вузом ракетно-космической отрасли.

Таким образом, научные области, которые освещаются в новостной повестке вузов, варьируются в зависимости от специфики вузов.

Вербальная медиатопика информационной повестки университетских сайтов. Устойчивая система медиатопиков формирует следующую смысловую парадигму, конструирующую образ университета в общественном сознании: технический университет — это структура, на основе которой регулярно проводятся различные комплексные (20 %) и специализированные исследования и разработки (46,8 %) в области физики (19,8 %), цифровых технологий, искусственного интеллекта и виртуальной реальности (13,4 %), медицины и биоинженерии (10,8 %), энергетики (6 %), экологии (4,5 %), материаловедения (4 %), химии (3 %) и машиностроения (2 %); при этом развитие инфраструктурной базы (открытие лабораторий, центров, кафедр, закупка или создание нового лабораторного оборудования) происходит не так часто (3,4 %). Иногда университет получает гранты и премии, а также выигрывает конкурсы (5,6 %).

Университет достаточно регулярно проводит мероприятия на своей площадке: конференции, круглые столы, семинары, выставки, форумы, фестивали и др. (12,4 %); реже участвует в мероприятиях на внешних площадках (7 %), а также в проектах и коллаборациях (в федеральных программах, с предприятиями для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) (4,4 %). Мировые и российские рейтинги университету либо недоступны, либо неинтересны (0,8 %).

В университете работают отдельные ученые (6,6 %), которые иногда защищают кандидатские и докторские диссертации (3,2 %), в два раза реже читают лекции (1,6 %), но довольно часто выступают в роли экспертов, поясняя сложные научные процессы и их последствия для жизни общества для неподготовленной аудитории (8,6 %).

Таким образом, вербальная медиатопика формирует образ технического университета как научно-исследовательской структуры, проводящей исследования в актуальных областях современной науки и производства. В этой структуре ученый (личность) находится на периферии, но обеспечивает научно-исследовательский процесс.

Графика

Немаловажным паралингвистическим средством эффективной коммуникации является шрифтовое оформление текста, которое подразделяется на *топографемику* (пространственное расположение конфигураций графем на плоскости или в пространстве: регистровые выделения слов и букв, пространственное расположение текста, использование перевернутых букв, построение фигур из вербального текста), *супраграфемику* (изменение гарнитуры шрифта: по характеру начертания (прямой, наклонный курсивный); по насыщенности (светлый, полужирный, жирный); цветовое выделение шрифта и тона; нестандартная орфография, членение слова дефисами) [Чигаев 2010; Баранов, Паршин 2018] и *синграфемику* (варьирование пунктуационного оформления) [Баранов, Паршин 2018].

Шрифты могут выполнять как денотативную, так и коннотативную функцию. Выделяются следующие функции шрифта: аттрактивная, содержательная, экспрессивная, характерологическая (функция стилизации), символическая, сатирическая, эстетическая, функция мимикрии [Анисимова 2003]. Шрифтовое варьирование можно рассматривать как возможность 1) психологического воздействия на читателя; 2) построения условного «второго» текста, представляющего вторую точку зрения; 3) создания иллюзию диалога [Христофорова 2021], что, на наш взгляд, более характерно для эстетически ориентированных или манипулятивных, но не для нехудожественных текстов. Нехудожественный информационный новостной текст не допускает существования «второй» реальности. В информативном тексте шрифт должен выполнять функции упрощения восприятия, читабельности и запоминаемости текста.

Графика основного текста публикации. В целом в публикациях вузов наблюдются разделение текста на абзацы (100 %); начертания: жирное/курсивное выделение шрифтом (93,4 %); выделение цветом (74,8 %); визуальные элементы внутри текста: фотографии, изображения, схемы и др. (48,4 %); подзаголовки (18,4 %); маркированный список (8 %); разделительные линии (36 %). Выделение вербальной составляющей публикации цветом используется в большинстве материалов ЛЭТИ (97 %) и ИТМО (95 %). Только данные вузы используют линии для структурирования вербальной составляющей текста. Наименее активно невербальные средства в текстах используют ПНИПУ и МИФИ.

Графика ИТМО. Университет чаще других использует подзаголовки (77 %), маркированный список (19 %), а также разделяет текст визуальными элементами (91 %). Широко используются разделение на абзацы (100 %), шрифтовые начертания (96 %), выделение цветом (95 %), разделительные линии (86 %). В целом ИТМО максимально разнообразно и активно использует невербальные элементы оформления текста.

Графика МИФИ. Университет активно использует разделение на абзацы (100 %), шрифтовые начертания (81 %), выделение цветом (44 %), разделение текста визуальными элементами (19 %). Редко — подзаголовки (9 %), маркированный список (8 %); разделительные линии не используются. В целом МИФИ не отличается активностью использования и разнообразием невербальных элементов оформления текста.

Графика СПбПУ. Университет активно использует разделение на абзацы (100 %), шрифтовые начертания (90 %), выделение цветом (62 %), разделение текста

визуальными элементами (69 %). Редко — подзаголовки (3 %), маркированный список (2 %); разделительные линии не используются. В целом СПбПУ по активности использования и разнообразию невербальных элементов структурирования текста занимает третью позицию после ИТМО и ЛЭТИ.

Графика ЛЭТИ. Университет активно использует разделение на абзацы (100 %), шрифтовые начертания (100 %), выделение цветом (97 %), разделительные линии (94 %), разделение текста визуальными элементами (63 %). Редко — маркированный список (2 %); подзаголовки не используются. В целом ЛЭТИ по активности использования графики занимает вторую позицию после ИТМО.

Графика ПНИПУ. Университет активно использует разделение на абзацы (100 %), шрифтовые начертания (100 %), выделение цветом (76 %), разделительные линии (94 %). Редко — маркированный список (9 %), подзаголовки (3 %); разделение текста визуальными элементами не встречается. В целом ПНИПУ не отличается активностью использования и разнообразием невербальных элементов структурирования текста.

Графика заголовочной части. Графика в заголовке на странице новостей / главной странице: МИФИ — жирное и цветное выделение, шрифт крупнее шрифта лида, заглавное написание (Capital Letters) / шрифт крупнее шрифта лида; ИТМО — шрифт крупнее шрифта лида / жирное выделение; СПбПУ — шрифт крупнее шрифта лида и жирное выделение / жирное выделение; ЛЭТИ — шрифт крупнее шрифта лида, шрифт с засечками / подчеркивание, цветное выделение, шрифт крупнее шрифта лида; ПНИПУ — жирное и цветное выделение, шрифт крупнее шрифта лида, заглавное написание (Capital Letters) / жирное и цветное выделение, шрифт крупнее шрифта лида, заглавное написание (Capital Letters).

МИФИ и СПбПУ уделяют больше внимания заголовкам непосредственно на странице новости, тогда как ЛЭТИ использует больше невербальных графических средств в заголовках в новостной ленте сайта.

Только ПНИПУ использует одни и те же средства выделения в заголовках, тогда как у остальных вузов они заметно отличаются в заголовках на главной странице (в новостной ленте сайта) и на страницах научно-популярных новостных публикаций, в том числе и по количеству.

Все университеты, кроме СПбПУ, придерживаются в своих публикациях единого вида оформления лида, причем чаще всего вузы используют жирное выделение текста в этой части текста. ЛЭТИ — единственный вуз, который использует шрифт с засечками в заголовке и лиде, а также больший размер шрифта в лиде по сравнению с телом новости.

Большинство текстов СПбПУ не содержат в лиде никакого оформления, но при переходе на другой сайт с медиаматериалами вуза наблюдется 18 % материалов с жирным и курсивным выделением текста в лиде, 17 % из которых только с жирным.

Таким образом, университеты используют простейшие приемы супраграфемики (изменение гарнитуры шрифта по характеру начертания, по насыщенности, цветовое выделение шрифта). Топографемика и синграфемика в организации поликодового текста на сайтах вуза не используется.

Подобная графическая бедность едва ли может психологически воздействовать на читателя или создать иллюзию диалога, что, впрочем, требует дополнительного исследования. Здесь целесообразнее говорить о читабельности — легкости и удобстве восприятия текста в процессе чтения.

Иллюстрации

Востребованность поликодовых текстов в научно-популярном дискурсе объясняется сложностью восприятия широкой аудиторией вербального научно-популярного контента. Научная иллюстрация облегчает понимание вербальной научной информации.

Е. Е. Анисимова выделяет следующие функции изображения в поликодовом тексте: 1) аттрактивную (изображение должно привлекать внимание адресата); 2) информативную (изображение должно передавать определенную информацию); 3) экспрессивную (изображение должно воздействовать на эмоции и чувства реципиента); 4) эстетическую (изображение должно реализовывать художественный замысел автора); 5) символическую (выражение абстрактных понятий и идей); 6) иллюстративную (воспроизведение вербальной информации в виде наглядных, чувственно воспринимаемых образов); 7) аргументирующую (наглядное подтверждение вербальной информации) [Анисимова 2003].

На первый взгляд для научной иллюстрации доминирующими должны являться информативная, символическая, иллюстративная и аргументирующая функции, однако практика научной иллюстрации актуализирует аттрактивную, экспрессивную и эстетическую функции.

Основная задача научного иллюстратора — подготовить точные изображения научных предметов. Традиционные и цифровые научные иллюстрации обеспечивают визуальное объяснение и помогают зрителю прояснить сложную вербальную информацию. Научная иллюстрация оценивается за ее эстетические качества и за точность [Christiansen 2018].

Технические иллюстраторы специализируются на создании изображений, которые доносят сложную техническую информацию до нетехнической аудитории интуитивно понятным и увлекательным способом.

Функции научного иллюстратора разнообразны: отрисовка редких, хрупких или микроскопических объектов; наглядные рассказы о жизненных циклах; последовательное отображение ряда научных процедур; составление графиков научных данных и карт, отражающих распределение видов; планирование макетов страниц для иллюстраций; разработка дизайна обложек для научных публикаций; разработка трехмерных моделей и изображений для выставок и презентаций; создание изображений и фото для веб-сайтов и интерактивных медиа и пр. [Christiansen 2018].

Таким образом, функции научной иллюстрации заключаются не только в информировании читателя. С ее помощью можно вызвать интерес, привлечь внимание (неосознанно), структурировать информацию в сознании благодаря наглядному воспроизведению, способствовать лучшему пониманию, побудить сделать определенное действие, сформировать определенное мнение, воздействовать на эмоции человека [Христофорова 2021]. Невербальный компонент влияет на создание впечатления и порождает оценочный компонент: по тому, насколько информативен научно-популярный текст с невербальной составляющей, насколько он привлекателен и красочен, читатель формирует свое первое впечатление о предмете повествования [Волкова 2018].

Изображения и фотографии, репрезентативные графики и карты, аудио- и видеозаписи привлекают внимание и могут способствовать выполнению цели научно-популярного дискурса.

Количество иллюстраций. Среднее количество иллюстраций в публикации представлено в материалах ИТМО (4,79) и ЛЭТИ (4,85). В среднем по три иллюстрации — в публикациях СПбПУ (3,33). Меньше всего в новостях МИФИ (1,8) и ПНИПУ (1,05).

Виды иллюстраций. Далее был проведен анализ частоты использования различных видов иллюстраций: фотография; галерея фотографий (наличие более одной фотографии); изображение (картинка); видео; схема; график; комикс; постер; карикатура; карта.

В целом наиболее частотны иллюстрации в виде фотографии (39,6 %) и галереи фотографий (42,8 %). Реже используются изображение (15 %), схема (6,6 %), постер (5 %) и видео (4,6 %). График и комикс встречаются редко, не используются вовсе карикатура и карта.

Наиболее разнообразен в видах иллюстраций ИТМО: галерея фотографий (70 %), изображение (31 %), схема (20 %), видео (14 %), комиксы (9 %), график и постер (по 2 %). Комикс использует только ИТМО. Галерея фотографий также лидирует по частоте у СПбПУ (60 %) и ЛЭТИ (59 %). ПНИПУ (76 %) и МИФИ (51 %) чаще остальных используют одну фотографию. Постер (афиша) чаще всего встречается в новостях МИФИ (13 %) и ЛЭТИ (7 %); у ИТМО — 2 %; у ПНИПУ и СПбПУ — по 1 %. Схему используют ИТМО (20 %), ПНИПУ (10 %), ЛЭТИ (2 %), МИФИ (1 %). Видео присутствует в материалах ИТМО (14 %), СПбПУ (8 %) и МИФИ (1 %); график только у ПНИПУ (3 %) и ИТМО (2 %). Менее разнообразны иллюстрации в публикациях ПНИПУ (76 % — одна фотография).

Отношение иллюстраций к информационному поводу. Этот показатель анализировался по наличию, во-первых, прямой связи (иллюстрация передает информацию о конкретном информационном поводе публикации). Например, если публикация посвящена проведению конференции на площадке вуза, то в данной иллюстрации может быть изображены этапы конференции, обсуждение участниками доклада и т. п. Во-вторых, ассоциативной связи (иллюстрация не имеет прямого отношения к данному информационному поводу). Например, если в публикации речь идет об ученых-победителях научно-технического конкурса Росатома, а на иллюстрации изображен логотип Росатома. В-третьих, отсутствию связи (иллюстрация никак не связана с информационным поводом). Например, если в публикации идет речь о запуске нового стартапа, а в качестве иллюстрации помещено изображение доллара.

У всех вузов подавляющий процент иллюстраций напрямую относится к сообщаемому в тексте: ЛЭТИ (96 %), СПбПУ (94 %), ИТМО (92 %), МИФИ (86 %), ПНИПУ (76 %). Ассоциативная связь — ЛЭТИ (4 %), СПбПУ (6 %), ИТМО (8 %), МИФИ (14 %), ПНИПУ (20 %). Однако в 4 % публикаций ПНИПУ и в 2 % публикаций ИТМО изображения никак не связаны с темой новостного сообщения.

Функции иллюстрации. В нашем материале иллюстрации выполняют преимущественно две функции: дополнения (передача информации, отсутствующей в вербальной части) — в среднем 96,6 % — и дублирования (повтор информации вербальной части публикации).

В большей степени иллюстрации, используемые вузами, дополняют текстовую часть новости, то есть дают новую информацию, неотраженную в вербальных средствах коммуникации: ЛЭТИ (100 %), ПНИПУ (100 %), ИТМО (99 %), СПбПУ (97 %), МИФИ (87 %). Функция дополнения не означает, что иллюстрации подобра-

ны эффективно, поскольку они могут сообщать читателю информацию, которая напрямую не относится к информационному поводу.

Однако если в иллюстративном материале отражается ключевая мысль, сообщаемая в тексте (функция дублирования), то двойное повторение может способствовать восприятию и запоминанию информации. Иллюстрации МИФИ (13 %) чаще остальных выполняют функцию дублирования; у СПбПУ — 3 %, у ИТМО — 1 % иллюстраций дублируют вербальную часть сообщения.

Контент иллюстраций (визуальная медиатопика) в основном тексте. В целом в подавляющем большинстве материалов представлены участники, фигурирующие в публикациях (69 %). Науке (научным процессам, разработкам, изобретениям, приборам и пр.) отведено вдвое меньше внимания (35 %). Это можно объяснить тем, что фотографии научных разработок и исследований создать или получить, как правило, труднее, однако такие материалы способствуют лучшему пониманию научного текста. 21 % публикаций раскрывает для читателей и научный процесс, и участников. В 17 % материалов не представлен ни один из рассматриваемых вариантов.

Наибольшее количество материалов, демонстрирующих и научный процесс, и участников события, содержится у ИТМО (49 %); в этой же позиции ЛЭТИ — 25 %, СПбПУ — 19 %, МИФИ — 9 %, ПНИПУ — 2 %.

С другой стороны, у ИТМО достаточно большое количество публикаций (16 %), которые не демонстрируют ни то ни другое. Наибольший процент таких публикаций содержится также у МИФИ (28 %) и ПНИПУ (24 %); у ЛЭТИ — 8 %, у СПбПУ — 7 %. Это может быть связано с особенностями информационного повода либо с недостаточной проработкой иллюстративного материала. Кроме того, иллюстрации, которые, например, демонстрируют разработку или процесс исследования, часто не подписываются и остаются непонятными для неподготовленного читателя.

Контент иллюстраций (визуальная медиатопика) на главной странице сайта. Анализ визуального контента, который сопровождает новостные сообщения вузов на главной странице, показал, что 59,4 % иллюстраций содержат изображения людей (портретные фотографии); 40,6 % — технические устройства, приборы, схемы и прочее без людей.

На главной странице сайта ЛЭТИ 82 % новостных сообщений включают изображения людей. Далее в порядке убывания: СПбПУ — 70 %, ПНИПУ — 57 %, МИФИ и ИТМО — 44 %. В большинстве публикаций ЛЭТИ (36 %) присутствует фотография с одним ученым. Такая же ситуация у ПНИПУ (31 %). У МИФИ практически в равной степени присутствуют ученый (18 %) и группа ученых (17 %). Изображение ученых по частоте на втором месте у ЛЭТИ.

Фотография женщины-ученого используется вузами редко (обычно 1 %). Достаточно редко все университеты выбирают фото со студентами (2–5 %). Изображение других людей (не студентов и не ученых) чаще выбирают СПбПУ (31 %) и ИТМО (20 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии МИФИ: группа ученых (17 %), ученый (18 %), женщина-ученый (0 %), студент (1 %), студентка (1 %), группа студентов (1 %), другие люди (6 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии ИТМО: группа ученых (8 %), ученый (13 %), женщина-ученый (1 %), студент (0 %), студентка (0 %), группа студентов (2 %), другие люди (20 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии СПбПУ: группа ученых (11 %), ученый (22 %), женщина-ученый (1 %), студент (4 %), студентка (0 %), группа студентов (1 %), другие люди (31 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии ЛЭТИ: группа ученых (20 %), ученый (36 %), женщина-ученый (10 %), студент (2 %), студентка (0 %), группа студентов (3 %), другие люди (11 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии ПНИПУ: группа ученых (6 %), ученый (31 %), женщина-ученый (8 %), студент (0 %), студентка (1 %), группа студентов (3 %), другие люди (8 %).

Визуальная медиатопика портретной фотографии. Портретная фотография (участники, фигурирующие в публикациях) в среднем по всем публикациям составляет 69 %. Наука (научные процесс, разработки, изобретения, приборы и пр.) представлена почти в два раза реже — 35 %.

Гендерная медиатопика: мужчины (25,4 %) vs женщины (4,4 %). Маскулинность ученого технического университета встречается в портретной фотографии в 6 раз чаще, чем феминность.

Функциональная медиатопика (роль в университете): ученые (40,4 %) vs студенты (3,6 %). В портретной фотографии роль университетского ученого в 11 раз больше, чем студента.

Социально-ценностная медиатопика: индивидуум (29,8 %) vs коллектив (14,4 %). В портретной фотографии значимость индивидуума в научном процессе в 2 раза выше, чем научного сообщества.

Таким образом, визуальная медиатопика формирует образ личности — представителя технического университета — как мужчины-ученого, который в структуре научного процесса является более значимой составляющей, чем сам процесс и научное сообщество. В этой структуре студент и женщина-ученый находятся на периферии научно-исследовательского процесса.

Визуальная медиатопика информационной повестки университетских сайтов. Устойчивая система медиатопиков формирует следующую смысловую парадигму, конструирующую образ университета в общественном сознании: в научно-исследовательском процессе главную роль играет человек (69 %), а не инструменты и результаты научных исследований (35 %). Это ученый-индивидуалист (29,8 %) мужского пола (25,4 %), который слабо зависит от научного сообщества (14,4 %). Студенты (3,6 %) и женщины (4,4 %) играют незначительную роль в научно-исследовательской деятельности университета.

Выводы

Анализ вербального (вербальная медиатопика, тематика) и невербального (графика, иллюстрации, визуальная медиатопика) компонентов поликодового текста позволяет увидеть межсемиотические отношения, которые отражают распределение смысла на уровне вербального и визуального кода. Сочетание вербального текста и иллюстрации как синтез кодировок в структуре поликодового текста организует, дополняет, уточняет общий смысл текста.

Исследование вербальной медиатопики и тематики показывает, что основное внимание в диджитал-коммуникациях технического вуза уделяется исследованиям

и разработкам (46,8 % всех публикаций), а также университетским научным мероприятиям (12,4 %). Реже публикуется информация об участии вуза в научных мероприятиях и коллаборациях с другими вузами и НПО (11,4 %), успехах вуза (конкурсы, гранты, премии, защиты диссертаций, благодарственные письма) (8,8 %), экспертном мнении профессуры (8,2 %), истории конкретного ученого (6,6 %), развитии инфраструктуры (открытии лаборатории, исследовательских центров и др.) (3,4 %), открытых лекциях (1,6 %), рейтингах вуза (0,8 %).

Крайне редко освещаются темы, связанные с гуманитарными науками (4,2 %). Вполне обоснованный для технического вуза «технарский снобизм» связан с далеко не праздным вопросом «Нужны ли гуманитарные науки технарям?», поскольку сегодня именно специалисты в сфере нано-, био- и IT-технологий решают не просто судьбу, но и саму возможность существования человечества.

Анализ вербальной и визуальной медиатопики поликодового текста в цифровых научных коммуникациях вуза в оппозиции «ученый — наука» показал логическую инверсию — переворачивание смысла, замена вербального визуальным: вербальная медиатопика — наука 66,8 %, ученый 18,4 %; визуальная медиатопика — наука 35 %, ученый 69 %.

Эти позиции подтверждают полученные нами данные по функциям иллюстраций в поликодовом тексте: в среднем 96,6 % выполняют функцию дополнения. В вербальной медиатопике доминирует образ технического университета как научно-исследовательской структуры в актуальных областях современной науки и производства, где ученый (личность) находится на периферии, но обеспечивает научно-исследовательский процесс. В визуальной медиатопике доминирует образ мужчины-ученого (личности), который в структуре научного процесса является более значимой составляющей, чем сам процесс и научное сообщество. Студент и женщина-ученый находятся на периферии научного процесса, что можно рассматривать как косвенную визуальную дискриминацию.

Сила фотографии велика: «Именно в остановке интерпретации и заключена достоверность Фото: я до изнеможения констатирую, что это было. Для любого, кто держит в руке фотографию, в этом состоит “фундаментальное верование”, “Urdoxa” (первичная доктрина. — *С. Ш., А. К.*), которое ничто не в силах поколебать» [Барт 1997: 37]. Обнаруженные «научный эйджизм» и «маскулинный снобизм» визуализации новостей университетских сайтов, с одной стороны, не соответствуют реальности (многие великие открытия совершались в молодом возрасте; сегодня женщины весьма активны в технических науках и университетах), с другой — подсознательно формируют у молодежи «фундаментальное верование» о том, что наука — «дело взрослых дядей».

Проанализированные визуальные компоненты поликодового текста (графика и иллюстрации) отличаются узким репертуаром приемов и однообразием иллюстраций.

«Фотография тиранически подавляет другие виды изображения» [Барт 1997: 37] и в среднем составляет 82,4 % иллюстраций. Фотографии на страницах сайта университетов амбивалентны: с одной стороны, «голоса банальности», с другой — «сертификат присутствия», так как «ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фото» [Барт 1997: 24, 28]. Очевидно, что «высокая» научная иллюстрация (science art) малодоступна ежедневным новостям университетов, однако современная инфографика дает богатый инструментарий для иллюстрации популярного научного текста.

Литература

Анисимова, Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов).* М.: Academia.

Баранов, А. Н., Паршин, П. Б. (2018). О метаязыке описания визуализаций текста. *Вестник Волгоградского государственного университета*, *3* (17), 6–15. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1

Барт, Р. (1997). *Camera lucida*. М.: Ad Marginem.

Белоедова, А. В., Кожемякин, Е. А., Тяжлов, Я. И. (2020). Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход. *Медиалингвистика*, *4* (7), 445–461. https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.406

Волкова, Е. А. (2018). Оценочный компонент невербальных средств коммуникации во французской прессе. *Academy*, *1* (28), 64–65.

Вольская, Н. Н. (2016). Оценка и ее функции в креолизованном тексте карикатуры. *Дискурс-Пи*, *14* (3–4), 120–126.

Ворошилова, М. Б. (2007). Креолизованный текст в политическом дискурсе. *Политическая лингвистика*, *3* (23), 73–78.

Гайсина, Л. А., Рендольф, Д. Д., Кристофер, Ш. (2019). Научная иллюстрация в биологии: искусство для образования и науки. *Высшее образование в России*, *10* (28), 118–127. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-118-127

Горбунов-Посадов, М. М., Ермаков, А. В., Полилова, Т. А. (2015). Мультимедийные иллюстрации в научной публикации. В *Научный сервис в сети Интернет: тр. XVII Всерос. науч. конф. ИПМ им. М. В. Келдыша* (*21–26 сентября 2015 г., Новороссийск, Россия)* (с. 96–97). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша РАН.

Гусева, А. П. (2019). Полифония и ее вербальные и невербальные проявления в поликодовом художественном тексте. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, *7* (823), 88–98.

Добросклонская, Т. Г. (2008). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ.* М.: Флинта; Наука.

Закутиева, О. В. (2022). Научная иллюстрация в контексте современных цифровых технологий. *Дизайн-образование XXI века: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (12 ноября 2021 г., Белгород, Россия)* (с. 24–26). Белгород: БГИИК.

Кибрик, А. А. (2010). Мультимодальная лингвистика. *Когнитивные исследования*, *4*, 135–152.

Кожемякин, Е. А. (2019). Мультимодальный медиадискурс: методологические вызовы. *Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. (24–27 апреля 2019 г., Пенза, Россия)* (с. 19–24). Пенза: ПГУ.

Колесникова, О. Д. (2018). Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий. *Мир науки, культуры, образования*, *2* (69), 545–547.

Куницына, О. М. (2020). Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, *9* (838), 69–82.

Лисовский, Д. К. (2020). Научная иллюстрация: от информационного сопровождения к культуре участия. *Дискурс*, *4* (6), 95–105. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-95-105

Макарова, Е. Е. (2013). Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, *2*, 98–104.

Медведева, Е. Е., Азарова, В. Н. (2021). Популяризация науки на сайтах российских вузов: модели и форматы. *Вопросы журналистики*, *10*, 107–127. https://doi.org/10.17223/26188422/10/5

Неустроева, С. Л. (2018). Научная коммуникация: глобальный тренд или новая академическая дисциплина? *Социальное пространство*, *5*, 12.

Омельяненко, В. А. Ремчукова, Е. Н. (2018). Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности. *Коммуникативные исследования*, *3* (17), 66–78. https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.66-78

Покотыло, М. В. (2019). Внутренние научные коммуникации в России: проблемы и перспективы развития. *Мир науки, культуры, образования, 1* (74), 397–399.

Попова, Т. И. (2018). Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства. *Медиалингвистика*, *3* (5), 258–272. https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.301

Предтеченская, Н. В. (2000). Так ли важны сегодня невербальные средства общения. *Филологические науки*, *3* (18), 67–71.

Рысакова, П. И. (2022). Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде. *Медиалингвистика*, *4* (9), 309–329. https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402

Скалка, Е. В. (2021). Цветные иллюстрации в научных текстах — их значение и влияние на восприятие. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, *4* (48), 103–113. https://doi.org/10.31249/chel/2021.04.07

Сонин, А. Г. (2006). *Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов*. Дис. … д-ра филол. наук. М.

Таюпова, О. И., Полякова, Е. В. (2022). Визуализация в медицинском рекламном дискурсе Германии. *Медиалингвистика*, *4* (9), 393–403. https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406

Уманская, Ж. В. (2021). Иллюстрация как объект исследования в российском научном пространстве. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, *9*, 49–66. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-49-66

Христофорова, Н. И. (2021). Невербальная составляющая научно-популярного текста. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, *4*, 178–182. https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.04.34

Черникова, В. Е. (2017). Научная коммуникация в социогуманитарной сфере: к постановке проблемы. *Общество: философия, история, культура*, *6*, 13–15. https://doi.org/10.24158/fik.2017.6.2

Чернозуб, С. П. (2013). Научная коммуникация в России в век информационно-коммуникационных технологий. *Общественные науки и современность*, *6*, 144–152.

Чернявская, В. Е. (2009). *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. М.: Либроком.

Чернявская, В. Е. (2017). *Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема.* М.: Ленанд.

Чигаев, Д. П. (2010). *Способы креолизации современного рекламного текста*. Дис. … канд. филол. наук. М.

Шестакова, Э. Г. (2019). Парадоксы современного медиатекста в контексте методологии семиотики. *Медиалингвистика*, *2* (6), 180–195. https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.203

Шилина, М. Г. (2017). Медиавизуалистика в парадигме big data и virtual reality. *Меди@льманах*, *1*, 12–24.

Calsamiglia, H., van Dijk, T. A. (2004). Popularization discourse and knowledge about the genome. *Discourse & society*, *4* (15), 369–389. https://doi.org/10.1177/0957926504043705

Chen, T., Liu, Y. X., Huang, L. (2022). ImageGP: An easy-to-use data visualization web server for scientific researchers. *IMeta*, *1* (1), e5. https://doi.org/10.1002/imt2.5

Christiansen, J. (2018). Visualizing science: Illustration and beyond. *50th anniversary conference of the Guild of Natural Science Illustrators (GNSI) (October 28, 2018). Scientific American*. Электронный ресурс https://blogs.scientificamerican.com/sa-visual/visualizing-science-illustration-and-beyond/.

Davies, S. R., Horst, M. (2016). *Science communication: Culture, identity and citizenship*. London: Palgrave Macmillan. Электронный ресурс https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-50366-4.

Kligler-Vilenchik, N., Hermida, A., Valenzuela, S., Villi, M. (2020). Studying incidental news: Antecedents, dynamics and implications. *Journalism*, *8* (21), 1025–1030. https://doi.org/10.1177/1464884920915372

Kress, G., van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. London: Arnold Publishers.

Kress, G. R. (1997). *Before Writing: Rethinking the Paths to Literacy*. New York: Routledge.

Kümpel, A. S. (2019). The issue takes it all? Incidental news exposure and news engagement on Facebook*. *Digital Journalism*, *2* (7), 165–186. https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1465831

Martin, F., Dwyer, T. (2019). *Sharing News Online. Commendary Cultures and Social Media News Ecologies*. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-17906-9

Mueller-Herbst, J. M., Xenos, M. A., Scheufele, D. A., Brossard, D. (2020). Saw it on Facebook*: The role of social media in facilitating science issue awareness. *Social Media + Society*, *6*. https://doi.org/10.1177/2056305120930412

Perkel, J. M. (2020). The software that powers scientific illustration. *Nature*, *7810* (582), 137–138. https://doi.org/10.1038/d41586-020-01404-7

Ross, D. G. (2017). The role of ethics, culture, and artistry in scientific illustration. *Technical Communication Quarterly*, *2* (26), 145–172. https://doi.org/10.1080/10572252.2017.1287376

Starling, B., Tanswell, J. (2018). Diversifying audiences and producers of public involvement in scientific research: The AudioLab. *Research Involvement and Engagement*, *4*, 39. https://doi.org/10.1186/s40900-018-0122-2

Väliverronen, E. (2021). Mediatisation of science and the rise of promotional culture. In *Routledge handbook of public communication of science and technology*, 129–146. https://doi.org/10.4324/9781003039242-8

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 18 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Шляхова Светлана Сергеевна — д-р филол. наук, доц.; shlyahova@mail.ru
Колесник Алина Юрьевна — kolesnik@pstu.ru

Polycode text in digital communications of the university: Content, graphics, illustrations

S. S. Shlyakhova, A. Yu. Kolesnik

Perm Polytechnic University,
29, Komsomol'sky pr., Perm, 614990, Russian Federation

For citation: Shlyakhova S. S., Kolesnik A. Yu. (2024). Polycode text in digital communications of the university: Content, graphics, illustrations. *Media Linguistics*, *11* (1), 53–75. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.104 (In Russian)

The article considers the structuring regularities of the polycode text functioning in the news feeds of the technical universities websites. The relevance of the research is due to the need for a linguistic description of various formats and genres of digital communication. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the scientific news feed of technical universities. The purpose of the study is to analyze the verbal (verbal media topics, themes) and non-verbal (graphics, illustrations, visual media topics) components of a polycode text. The research methods are content analysis, graphical and semiotic analysis. The multidimensional characterization of the various components of the text of scientific content makes it possible to identify the thematic dominants of university content, as well as a system of paraverbal techniques for its design. The discourse analysis makes it possible to establish inter-semiotic relations that reflect the distribution of meaning at the level of the verbal and visual code of the text. The image of the technical university as a research structure in the relevant fields of science and production dominates at the level of verbal codes. Herewith, the scientist (as a person) is on the periphery, but it provides the research process. Visual media topic is dominated by the image of a male scientist (as a person), which is a more significant component in the structure of the scientific process than the process itself and the scientific community. The visual components of the text (graphics and illustrations) are distinguished by a narrow repertoire of techniques. The analysis of verbal and visual media topics showed a logical inversion. The visual code complements and compensates for the verbal code, and vice versa. These data are consistent with the established dominant function of illustrations in the news text: the function of a supplement.

Keywords: science communication, polycode text, media topic, scientific illustration, digital communications.

References

Anisimova, E. E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts).* Moscow: Academia Publ. (In Russian)

* Meta признана экстремистской организацией на территории РФ.

Baranov, A. N., Parshin, P. B. (2018). Towards the metalanguage for describing text vizualizations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, *3* (17), 6–15. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1 (In Russian)

Bart, R. (1997). *Camera lucida*. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)

Beloedova, A. V., Kozhemyakin, E. A., Tyazhlov, Y. I. (2020). Impact of verbal comment on interpretation of visual message: Multimodal approach. *Media Linguistics*, *7* (4), 445–461. https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.406 (In Russian)

Calsamiglia, H., van Dijk, T. A. (2004). Popularization discourse and knowledge about the genome. *Discourse & Society*, *4* (15), 369–389. https://doi.org/10.1177/0957926504043705

Chen, T., Liu, Y. X., Huang, L. (2022). ImageGP: An easy-to-use data visualization web server for scientific researchers. *IMeta*, *1* (1), e5. https://doi.org/10.1002/imt2.5

Cherniavskaia, V. E. (2009). *Text linguistics: Polycode, intertextuality, interdiscursivity.* Moscow: Librokom Publ. (In Russian)

Cherniavskaia, V. E. (2017). *Scientific discourse: The promotion of results as a communicative and linguistic problem*. Moscow: Lenand Publ. (In Russian).

Chernikova, V. E. (2017). Scientific communication in the socio-humanistic sphere: To statement of a problem. *Obshchestvo: Filosofiia, istoriia, kul'tura*, *6*, 13–15. https://doi.org/10.24158/fik.2017.6.2 (In Russian)

Chernozub, S. P. (2013). Scientific Communication in Russia in the Age of Information and Communication Technologies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, *6*, 144–152. (In Russian)

Chigaev, D. P. (2010). *Methods of creolization* of a *modern advertising text*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)

Christiansen, J. (2018). Visualizing science: Illustration and beyond. *50th anniversary conference of the Guild of Natural Science Illustrators (GNSI) (October 28, 2018). Scientific American*. Retrieved from https://blogs.scientificamerican.com/sa-visual/visualizing-science-illustration-and-beyond/.

Davies, S. R., Horst, M. (2016). *Science communication: Culture, identity and citizenship*. London: Palgrave Macmillan. Retrieved from https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-50366-4.

Dobrosklonskaia, T. G. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media.* Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Gaisina, L. A., Rendol'f, D. D., Kristofer, Sh. (2019). Scientific Illustration in Biology: Art for Education and Science. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, *10* (28), 118–127. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-118-127 (In Russian)

Gorbunov-Posadov, M. M., Ermakov, A. V., Polilova, T. A. (2015). Multimedia illustrations in a scientific publication. In *Nauchnyi servis v seti Internet: trudy XVII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. IPM imeni M. V. Keldysha (21–26 sentiabria 2015 g., Novorossiisk, Rossiia)* (pp. 96–97). Moscow: Institut prikladnoi matematiki imeni M. V. Keldysha RAN Publ. (In Russian)

Guseva, A. P. (2019). Polyphony and its verbal and nonverbal manifestations in a polycode literary text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 7* (823), 88–98. (In Russian)

Khristoforova, N. I. (2021). Nonverbal component of popular science text. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Gumanitarnye nauki, 4*, 178–182. https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.04.34 (In Russian)

Kibrik, A. A. (2010). Multimodal linguistics. *Kognitivnye issledovaniia*, *4*, 135–152. (In Russian)

Kligler-Vilenchik, N., Hermida, A., Valenzuela, S., Villi, M. (2020). Studying incidental news: Antecedents, dynamics and implications. *Journalism*, *8* (21), 1025–1030. https://doi.org/10.1177/1464884920915372

Kolesnikova, O. D. (2018). Creolized or polycode texts of television news: to the relation of concepts. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, *2* (69), 545–547. (In Russian)

Kozhemiakin, E. A. (2019). Multimodal Media Discourse: Methodological Challenges. In *Sovremennye napravleniia v lingvistike i prepodavanii iazykov: problema metoda: sbornik nauchnykh statei po materialam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24–27 aprelia 2019 g., Penza, Rossiia)* (pp. 19–24). Penza: PGU Publ. (In Russian)

Kress, G., van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication*. London: Arnold Publishers.

Kress, Gunther R. (1997). *Before Writing: Rethinking the Paths to Literacy*. New York: Routledge.

Kümpel, A. S. (2019). The issue takes it all? Incidental news exposure and news engagement on Facebook*. *Digital Journalism*, *2* (7), 165–186. https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1465831

Kunitsyna, O. M. (2020). Features of construction and perception of multimodal texts in modern communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 9* (838), 69–82. (In Russian)

Lisovskii, D. K. (2020). Scientific Illustration: from Informational Support to a Culture of Participation. *Diskurs, 4* (6), 95–105. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-95-105 (In Russian)
Makarova, E. E. (2013). Popularization of science on the internet: content, forms, development trends. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Zhurnalistika*, *2*, 98–104. (In Russian)
Martin, F., Dwyer, T. (2019). *Sharing News Online. Commendary Cultures and Social Media News Ecologies*. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-17906-9
Medvedeva, E. E., Azarova, V. N. (2021). Popularization of Science on the Websites of Russian Universities: Models and Formats. *Voprosy zhurnalistiki, 10*, 107–127. https://doi.org/10.17223/26188422/10/5 (In Russian)
Mueller-Herbst, J. M., Xenos, M. A., Scheufele, D. A., Brossard, D. (2020). Saw it on Facebook*: The role of social media in facilitating science issue awareness. *Social Media + Society*, *6*. https://doi.org/10.1177/2056305120930412
Neustroeva, S. L. (2018). Scientifi c communication: a global trend or a new academic discipline? *Sotsial'noe prostranstvo*, *5*, 12. (In Russian)
Omel'ianenko, V. A., Remchukova, E. N. (2018). Polycode texts in the aspect of the multimodality theory. *Kommunikativnye issledovaniia*, *3* (17), 66–78. (In Russian)
Perkel, J. M. (2020). The software that powers scientific illustration. *Nature*, *7810* (582), 137–138. https://doi.org/10.1038/d41586-020-01404-7
Pokotylo, M. V. (2019). Internal scientific communications in Russia: Problems and development prospects. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, *1* (74), 397–399. (In Russian)
Popova, T. I. (2018). The actual trends of media Internet space researches. *Media Linguistics*, *3* (5), 258–272. https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.301 (In Russian)
Predtechenskaia, N. V. (2000). Are nonverbal means of communication so important today. *Filologicheskie nauki*, *3* (18), 67–71. (In Russian)
Ross, D. G. (2017). The role of ethics, culture, and artistry in scientific illustration. *Technical Communication Quarterly*, *2* (26), 145–172. https://doi.org/10.1080/10572252.2017.1287376
Rysakova P. I. (2022). Strategies for scientific popularization in the digital media environment. *Media Linguistics*, *4* (9), 309–329. https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402 (In Russian)
Shestakova, E. G. (2019). Paradoxes of modern mediatext in the context of semiotics methodology. *Media Linguistics*, *2* (6), 180–195. https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.203 (In Russian)
Shilina, M. G. (2017). Media Visualization in the paradigm big data and virtual reality. *Medi@l'manakh*, *1*, 12–24. (In Russian)
Skalka, E. V. (2021). Colored illustrations in scientific texts — their meaning and impact on perception. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, *4* (48), 103–113. https://doi.org/10.31249/chel/2021.04.07 (In Russian)
Sonin, A. G. (2006). *Modeling of mechanisms for understanding polycode texts*. Dr. Sci. thesis. Moscow. (In Russian)
Starling, B., Tanswell, J. (2018). Diversifying audiences and producers of public involvement in scientific research: the AudioLab. *Research Involvement and Engagement*, *4*, 39. https://doi.org/10.1186/s40900-018-0122-2
Tayupova, O. I., Polyakova, E. V. (2022). Visualization in medical advertising discourse in Germany. *Media Linguistics*, *4* (9), 393–403. https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406 (In Russian)
Umanskaia, Zh. V. (2021). Illustration as an object of research in the Russian scientific space. *Vestnik RGGU. Seriia: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, *9*, 49–66. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-49-66 (In Russian)
Väliverronen, E. (2021). Mediatisation of science and the rise of promotional culture. In *Routledge handbook of public communication of science and technology*, 129–146. https://doi.org/10.4324/9781003039242-8
Volkova, E. A. (2018). Evaluative component of nonverbal means of communication in the French press. *Academy*, *1* (28), 64–65. (In Russian)
Vol'skaia, N. N. (2016). Assessment and its function in a creolized text cartoons. *Diskurs-Pi, 14* (3–4), 120–126. (In Russian)
Voroshilova, M. B. (2007). Creolized text in political discourse. *Politicheskia lingvistika*, *3* (23), 73–78. (In Russian)

* Meta is recognized in Russian Federation as an extremist organization.

Zakutieva, O. V. (2022). Scientific illustration in the context of modern digital technologies. In *Dizain-obrazovanie XXI veka: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (12 noiabria 2021 g., Belgorod, Rossiia)* (pp. 24–26). Belgorod: BGIIK Publ. (In Russian)

Received: September 10, 2023
Accepted: December 18, 2023

Authors' information:

Svetlana S. Shlyakhova — Dr. Sci. in Philology, Professor; shlyahova@mail.ru
Alina Yu. Kolesnik — kolesnik@pstu.ru

МЕДИАСТИЛИСТИКА

УДК 81'42

Разновидности ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте*

Е. Ю. Лебединская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Лебединская Е. Ю. (2024). Разновидности ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте. *Медиалингвистика*, *11* (1), 76–102.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.105

В статье раскрывается возражающий потенциал иронии на примере научно-популярных сетевых медиатекстов. Эмпирической базой послужил гипертекст новости об опровержении серотониновой теории развития депрессии, которое предопределило значимый сдвиг в представлениях о заболевании. Целью статьи являются выявление и комплексный анализ вариантов реализации ироничного возражения в научно-популярном медиадискурсе. Ироничное возражение представляется сложноорганизованным коммуникативным действием, в основе которого лежит целеустановка, составляющая подцель в достижении основной коммуникативной цели гипермедиатекста. Предустановленная многозадачность исследования обусловила выбор подхода к анализу — праксиологического метода медиалингвистики, позволяющего исследовать медиадискурс с учетом парадигматических (систематизация языковых маркеров, участвующих в организации отдельного речевого действия) и синтагматических (типологизация речевых действий в референциально связанных медиатекстах) отношений. Как показал анализ материала, возражение — это речевое действие, демонстрирующее момент перехода научного знания от гипотетичности к состоянию эпистемологической определенности. Возражение способствует преодолению непродуктивных тенденций в системе научных взглядов. Лингвистически значимыми характеристиками ироничного возражения в научно-популярном медиадискурсе представляются обширный эвристический потенциал, демонстрация развития эпистемологической модальности, критическое переосмысление внеязыковых ситуаций, вовлечение адресата в процесс сомышления, дискуссионный характер, требование дополнительных интерпретативных усилий. Полученные в ходе исследования результаты — лингвистические модели

* Исследование выполнено при поддержке гранта «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации» (Соглашение с РНФ № 22-18-00184).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

репрезентации ироничного возражения — становятся показателем сдвига в парадигме научных воззрений о механизмах развития депрессивного расстройства и доминирующих векторов обсуждения в обществе связанной с выявленным гносеологическим кризисом проблематики. В данном исследовании паттерны речевой репрезентации ироничного возражения идентифицированы и типологизированы на основе повторяющихся и регулярно воспроизводимых языковых маркеров.

Ключевые слова: возражение, ирония, гипермедиатекст, научно-популярный медиадискурс.

Постановка проблемы

Современный гипермедиатекст представляет собой комплексное структурное образование, в котором активно развивается научная популяризация, направленная на сообщение о научных открытиях и их оценку. Продуктивным речевым действием в научно-популярном сегменте гипермедиатекста представляется возражение, воплощенное в ироничной модальности, что объясняется интерпретационной многослойностью и широким аксиологическим потенциалом непрямого возражения, обогащающего экспликацию результатов аналитической деятельности. В центре внимания нашего исследования — разновидности ироничного возражения, которые преобладают в сетевом медиатексте о научных открытиях. В процессе изучения таких текстов обнаруживаются повторяющиеся лингвистические модели репрезентации ироничного возражения, которые требуют типологизации. **Цель** статьи — выявить и охарактеризовать коммуникативно релевантные варианты репрезентации ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте и проанализировать лингвистические особенности каждой модели. Цель исследования предполагает выполнение следующих **задач**: 1) рассмотреть категориальные признаки иронии, которые способствуют реализации возражающей интенции; 2) описать когнитивные и прагматические механизмы формирования иронического модуса в научной популяризации; 3) провести стилистический анализ языковых средств выражения иронии в популяризирующих интеракциях; 4) типологизировать алгоритмы использования разноуровневых языковых единиц, квалифицируемых как маркеры иронии.

Эмпирической базой исследования являются более пятидесяти медиатекстов сетевых изданий (ТАСС, «РИА Новости», «Наука и жизнь», N+1 и др.), объединенные общностью задачи — опровержение состоятельности популярной в научном сообществе серотониновой теории депрессии. Набор исследуемых медиатекстов представляет собой гипермедиатекст одной темы [Дускаева, Иванова 2022]. Предустановленная многозадачность обусловливает необходимость междисциплинарного подхода — праксиологического метода медиалингвистики, позволяющего исследовать медиадискурс с учетом парадигматических (обнаружение и систематизация языковых маркеров) и синтагматических (выявление повторяемости маркеров в референциально связанных медиатекстах) отношений [Дускаева 2014].

В центре внимания исследования — разновидности ироничного возражения. Под ироничным возражением в современной лингвистике понимают полиинтенциональное речевое действие, обладающее широким диапазоном потенциально реализуемых коммуникативных сценариев: «несогласие с устаревшим мнением/воззрением, неодобрение и критика аспектов научной концепции, выражение не-

доверия к идеям, отрицание истинности воззрений, коррекция исследовательских идей» и многие другие [Дускаева, Иванова 2022: 98]. Ироничный модус трансформирует речевое действие в непрямое возражение, характеризуемое как противоречие «между тем, что адресант сказал, и тем, что он намеревался сказать» (например, «возражение под маской согласия/одобрения/похвалы») [Colston 2017: 234]. Идентификация, систематизация и квалификация средств репрезентации ироничного возражения способствуют обнаружению повторяющихся лингвистических моделей, которые отражают закономерности реализации речевого действия и соответствующие когнитивные операции, предопределяющие варианты выражения возражения. В научно-популярном сетевом медиатексте возражение — это концептуально значимое речевое действие, так как представляет собой проекцию динамики развития научного знания — его поэтапное движение от гносеологической неопределенности к эпистемологической ясности. Возражение в ироничной модальности функционально ориентировано на порождение множественных смыслов с широким потенциалом чередования «комических модусов»: насмешки, издевки, глумления и пр. [Duskaeva 2022]. Эти модусы не только стимулируют реакции, направленные на конкретизацию и подтверждение научного знания, но и отражают векторы осмысления проблематики в общественном сознании. Следовательно, возражение с последующим предложением альтернативного методологического подхода предстает экспликацией мотивированного и обоснованного сомнения в эвристическом потенциале научного знания. Так возражение является инструментом преодоления непродуктивных тенденции в исследовательских парадигмах.

Описание эмпирического материала

В июле 2022 г. в научном журнале Molecular Psychiatry было опубликовано исследование — зонтичный обзор ранее обнародованных метаанализов и экспериментов, ставящий под сомнение доказательный потенциал распространенной в научном сообществе серотониновой теории депрессии. О степени значимости научного открытия и произошедшем сдвиге в научной парадигме свидетельствует, например, включение научно-популярным сетевым изданием «Наука и жизнь» этого события в список главных научных результатов 2022 г., причем при ранжировании опровержение серотониновой гипотезы оказалось, по заключению редакционного коллектива, на первом месте, что является показателем научной ценности этого открытия[1].

Научное знание о депрессивном расстройстве поступательно проходило через этап аккумулирования сигналов о существовании познавательного противоречия (несоответствие популярности гипотезы слабости ее доказательной базы) к оформлению (в опубликованном исследовании) наблюдаемого расхождения как научной проблемы, что послужило стимулом для поиска новых путей решения задачи. По существу, опубликованное исследование стало в научном споре финальной репликой, аккумулировавшей возражающий потенциал всех предшествовавших оппонирующих речевых партий. Сформулированный в указанном медицинском исследовании отказ от господствующей научной парадигмы и предложение новых

[1] «А в действительности все не так, как на самом деле!» (2023). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://www.nkj.ru/news/47268/.

концепций знаменовали переход научного знания в состояние гносеологической неопределенности. В этой ситуации вызывает недоумение и замешательство как практикующих врачей, так и пациентов, следующее обстоятельство. Признавая убедительными аргументы, направленные на опровержение серотониновой теории, специалисты настаивают на продолжении терапии антидепрессантами из-за отсутствия более совершенного подхода к лечению заболевания. Таким образом, в психиатрии в настоящий момент налицо противоречивая эпистемическая ситуация, при которой уже стало понятно, что депрессия — это заболевание не только биохимической природы (с эндогенным источником — несоответствующей концентрацией серотонина) и требуется освоение альтернативных концепций, т. е. интерпретация расстройства психики как социально обусловленной (экзогенный источник — образ жизни и привычки). Важно, как замечают специалисты (например, Э. МакАдам и Т. Маркс), избегать культивации чувства вины (причиной болезни оказываются не «трудноуправляемые» химические процессы, а намеренно избираемые человеком образ жизни и социальное окружение) и не провоцировать нагнетание тревожности. Нарушение логики в ходе популяризации можно представить следующим образом: сомнение в доказательности серотониновой теории → сомнение в обоснованности терапии антидепрессантами → потеря веры в возможность излечения[2]. Функциональный смысл гносеологической неопределенности может быть понят двояко: с одной стороны, это состояние, которое затрудняет процесс познания (деструктивный аспект); с другой стороны, эпистемологическая неопределенность является закономерным этапом развития знания, способствующим его уточнению и расширению (конструктивный аспект) [Дорожкин, Доронин 2012]. Однако познающий субъект неизменно стремится к эпистемологической определенности, что стимулирует интенсивное обсуждение проблематики в публичном пространстве. И мы наблюдали, как из-за такой ситуации в науке появлялось все больше и больше новостных и комментарийных сообщений, в которых отражены направления научных поисков: обсуждались степень изученности проблемы, возможные пути решения, поиск новых способов лечения и т. д.

Значит, в описанных научных публикациях мы наблюдаем развитие знания — отказ от господствовавших в психиатрии представлений о причинах заболевания и переход к новым объяснительным концепциям. Примечательно, что в экспликации передаются и обнаруживаются языковые маркеры ироничного возражения, которые способствуют осуществлению такого перехода.

Определение важнейших понятий исследования в научной литературе

В круг фундаментальных научных проблем, поставленных перед исследователями лингвистикой, неизменно входят изучение механизмов достижения речевым действием коммуникативных целей и раскрытие моделей порождения контекстуально обусловленных модальных смыслов, которые корректируют векторы

[2] The Myth of the Chemical Imbalance: What Causes Depression? Lost Connections Summary Part 1. Therapy in a Nutshell (2023). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=Tr1sOJn8Z1Y&t=19s; Depression recovery. Dr. Tracey Marks (2023). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=3r1vz2ML-HI&t=188s.

интерпретативной активности адресата. Понятие речевого действия изначально является объектом психолингвистических исследований и рассматривается как единица психолингвистического анализа. В соответствии с данной научной парадигмой лингвистическая природа речевого действия онтологически связана с психологически обусловленными механизмами речепорождения и речевосприятия, а достижение высказыванием программируемого персуазивного эффекта непосредственно коррелирует с навыком моделирования смыслового поля реципиента. Прагмалингвистический вектор исследований развивает иной терминологический инструментарий — понятийное содержание термина речевого акта, посредством которого возможно соотнесение смысла высказывания с заключенной в речевой конструкции иллокутивной силой [Олешков 2006]. В предлагаемой интерпретации речевой акт предстает гетерогенным смысловым конструктом, структура которого находит объективацию в лингвопрагматической трехуровневой иерархии: локуция (языковое воплощение) иллокуция (манифестация намерения) → перлокуция (программируемое воздействие) [Остин 1999].

Основным категориальным признаком при дифференциации актов на прямые и косвенные варианты признается квантитативный показатель: отсутствие прямой корреляции между иллокутивной силой и речевой организацией возникает в результате осуществления в высказывании двух разнонаправленных иллокуций, актуализирующих буквальное значение и контекстуально выводимые прагмасмыслы (например, когда речевой акт, который грамматически оформлен как вопросительная конструкция, в действительности содержит иллокуцию просьбы/укора/насмешки) [Кобозева 1986]. Таким образом, речевой акт преимущественно одноинтенционален, а предлагаемый им диапазон интерпретаций значительно сужен. Границы интерпретационного потенциала косвенных речевых актов объясняются наличием двух иллокуций, одна из которых является формальной, а другая соответствует истинной целеустановке субъекта речи [Мидова 2016].

В плоскости функциональной прагматики, напротив, активно используется иной термин — речевое действие. В связи с этим и доминирует следующий методологический подход: определение цели признается ключевым методологическим этапом при реконструкции внутренней организации и назначения речевого действия («переход от действия к цели, которая им управляет») [Тичер и др. 2009: 236]. Таким образом, речевое действие представляется сложноорганизованным дискурсивным конструктом (а значит, эксплицируемым не в одном, а в нескольких предложениях), объективирующим многообразные варианты взаимодействия между коммуникантами и обслуживающим иерархию интенций субъекта речи, диктуемых авторским замыслом. Реализация последовательности речевых действий подчинена социально закрепленным паттернам, которые предполагают возможность построения композитивных моделей, группирующих регулярно воспроизводимые действия и облегчающих их идентификацию среди дискурсивных образований [Тичер и др. 2009]. Такая интерпретация речевого действия с сопутствующим специфическим алгоритмом реконструкции и изучения возражения является методологической основой нашего исследования.

Возражение как речевое действие представляется недостаточно изученным. Отсутствие единого подхода размывает границы понятия и допускает неточное терминоупотребление. Например, в научной литературе наблюдается методологи-

чески неверная идентификация возражения как речевого акта (одноинтенциального коммуникативного действия) [Кунаева 2009; Лужная 2022]. Нам представляется целесообразным рассматривать возражение (особенно в плоскости медиадискурсивных практик) как полиинтенциональное речевое действие, способное к реализации широкого спектра намерений автора в процессе развертывания возражающих коммуникативных практик. Мы считаем, что для определения лингвистической природы возражения значимо следующее замечание: в ситуации возражения говорящий не только отрицает предшествующие речевые действия, но и мотивированно обосновывает необходимость отрицания и подкрепляет субъективное отношение контрдоводами и контраргументами, которым свойственна апелляция как к логическим посылкам, так и эмотивным установкам. Возражение предполагает не только отказ от сообщения или комментария, но и предложение взамен альтернативной точки зрения с обоснованием ее убедительности и целесообразности, что предопределяет конструктивный потенциал речевого действия как инструмента ценностного структурирования картины мира и критического переосмысления действительности. В данном случае наблюдается многомерность манифестации смысловой позиции субъекта речи, которая сопряжена с изменениями в смысловом поле адресата (отрицание предшествующего знания → новое знание → обоснование необходимости нового знания).

В смысловой структуре возражения новое знание противопоставлено предшествующим представлениям; динамика эпистемологической модальности подчеркивает эвристический потенциал речевого действия как ключевого этапа продуктивного диалогического взаимодействия. Полемическое начало возражения обусловлено не только противопоставлением актуальной речевой партии предшествующим текстам, но и обоснованием необходимости корректировки эпистемологической модальности. Справедливость понимания возражения как обоснованного отрицания с конструктивным потенциалом подтверждают лексикографические определения номинации, отраженные в толковых словарях и актуализирующие семантические признаки ‘мотивированное несогласие’ и ‘довод против чего-либо’. Смысловая структура возражения представляется сложным и многоуровневым образованием, включающим следующие обязательные компоненты: отрицание предыдущих речевых партий → предложение альтернативного/нового знания → обоснование причины отрицания и обращения к альтернативной точке зрения. Предлагаемое определение очерчивает границы содержания понятия и идентифицирует его категориальные признаки: возражение — речевое действие, которое является не только вербализацией отрицательно-оценочного реагирования на транслируемые речевые партии, но и инструментом мотивированного обоснования и распространения нового знания с ориентацией на будущие интерпретации.

В медиаисследованиях возражение рассматривается как речевое действие, направленное на преодоление возможного непонимания или несогласия адресата [Дускаева 2012]. В медиадискурсе с органично присущими ему диалогичностью и оппозитивностью (см., например, об этом: [Ivanova 2017; Чанышева 2021]) возражение обретает статус смысловой доминанты. Отличительной чертой современного медиадискурса является преобладание комической тональности, которая способствует распространению комических модификаций возражения [Иванова 2021; Чанышева 2021]. Медиатексты с комическим переосмыслением новостной

повестки как неотъемлемый инструмент медиарепрезентации действительности подчиняются иерархии интенций субъекта речи и оказывают воздействие на мировоззренческие и идеологические ориентиры аудитории [Дускаева, Щеглова 2019; Ivanova, Vasileva 2021]. Наиболее востребованным в медиапространстве представляется возражение в отрицательно-оценочной ироничной модальности, раскрывающей критический потенциал речевого действия.

Методика анализа

Для анализа ироничного возражения важно понять, что, во-первых, ироничный модус конституируется в речевом действии возражения и, во-вторых, трансформирует возражение в действие с характерной интерпретационной осложненностью. Несмотря на то что ироничное возражение не предполагает экспликацию модальных смыслов отрицания, заключенные в высказывании скрытые сигналы комической интенции генерируют импликатуры и задают вектор речемыслительной активности адресата [Attardo et al. 2003; Burgers, van Mulken 2017]. Механизм декодирования ироничного смысла — интеллектуально осложненный и многоступенчатый когнитивный процесс, который включает следующие основные стадии: обнаружение нарушения категории качества принципа кооперации → отказ от буквального значения → выведение импликатур в поиске коммуникативного намерения субъекта речи → выработка интерпретации, которая коррелирует с ироничной интенцией говорящего [Giora 1995]. Проблема асимметрии ироничного знака обусловливает риск создания потенциально конфликтогенного речевого действия: ироничный модус высказывания способен варьировать (как повышать, так и снижать) степень категоричности критического переосмысления действительности [Garmendia 2010]. Метапрагматические рефлексивы как инструмент навигации интерпретативной деятельности реципиента маркируют переключение между bona fide и non-bona fide модусами и помогают определить расхождение между пропозицией и действительностью [Шилихина 2013].

Тональность иронии аккумулирует и преумножает персуазивный потенциал категорий диалогичности и оппозитивности, понимаемых как основание лингвистической идентичности возражения. Диалогическая природа ироничного высказывания отражена в трех семантических плоскостях: стимулирование посредством комического несоответствия → взаимодействие коммуникантов, определяемое типом межличностных отношений (как правило, превосходством говорящего), → реагирование с помощью механизмов психологической разрядки [Raskin 2017].

Категория оппозитивности онтологически присуща ироничной модальности и объективирована в семантически изоморфных понятиях, используемых в определениях лингвистического феномена: противоречие, возникающее между говоримым и подразумеваемым [Colston 2017]; конфликт буквального значения и скрытых импликатур [Уварова 2019]; неявная трансформация суждения в высказывание с противоположной оценкой [Partington 2007]; семантическая дистанция, которая маркирует отсутствие прямой корреляции между буквальным значением высказывания и коммуникативной ситуацией [Слепцова 2008]; отрицание, которое не содержит эксплицитных маркеров негации и запускает процесс создания импликатур [Giora 1995]; метатекстовый комментарий со скрытой пейоративной

оценочностью [Дускаева 2019]; оппозиция семантических сценариев как объективация разрыва между ожиданиями адресата и действительностью [Raskin 1985].

Ироничный характер комментирования информации располагает набором потенциально бесконечных ресурсов языкового воплощения, нарративного структурирования, целеустановок, коммуникативных ситуаций, логических механизмов и семантических сценариев, которые предопределяют лингвокреативный вектор речемыслительной деятельности субъекта [Attardo 2017]. Следствием реализации иллокутивного потенциала ироничного возражения под «масками» прочих речевых действий (главным образом положительно-оценочных — согласия, одобрения и похвалы) становятся осложнение интерпретации речевых конструкций и необходимость декодирования контекстуально обусловленных прагмасмыслов. Основные механизмы и лингвистические репрезентанты конфликтного начала в ироничных медиатекстах требуют междисциплинарный подход и формируют перспективный вектор исследований в современной медиалингвистике [Chernyshova 2021]. Объектом исследований преимущественно являлись лингвистические модели ироничного возражения в общественно-политическом сегменте медиадискурса: достигаемая смысловая многоплановость способствует обслуживанию типовых целеустановок носителя определенной политической позиции (например, ирония как распространенный способ дегероизации объекта речи в западных медиа [Харламова 2016]). Отбор и комбинация репрезентантов ироничного возражения в общественно-политических медиатекстах коррелируют с аксиологическими установками журналиста и получают объективацию в распространенных моделях вербализации категории «комической аномальности»: притворное недоверие, притворная похвала, ирония злой шутки, ирония разоблачения [Duskaeva 2021].

Признание востребованности ироничного возражения как речевого действия, направленного на организацию поливекторного диалогического взаимодействия в научно-популярном гипермедиатексте, основано на характеристиках, обретаемых им в исследуемом сегменте сетевого медиапространства. Ироничный модус речевого взаимодействия признается несвойственным природе новостных медиатекстов [Tsakona 2017] и научно-популярных моделей коммуникации [Scotto di Carlo 2014], что объясняет воздействующий потенциал таких медиатекстов нарушением предсказуемости алгоритма когнитивной обработки поступающей информации. Ироничное возражение раскрывает эвристический потенциал научно-популярной проблематики и отражает направление развития эпистемологической модальности — последовательное движение научного знания через возражение как ключевой этап перехода от гипотетичности к эпистемологической определенности. Посредством воплощенного в ироничной модальности возражения критически переосмысляются потоки поступающей и регулярно обновляемой научной информации, происходит вовлечение адресата в процесс сомышления; возражение субъекта речи становится стимулом для последующей пользовательской активности (комментирование медиасообщения, сопоставление с альтернативными источниками и т. д.).

Речевое действие являет собой смыслообразующий этап в организации научно-популярного диалога: дискуссионное начало ироничного возражения обусловлено его вкладом в формирование и корректирование траекторий обсуждения проблематики (приближение к истине возможно только в диалогическом

взаимодействии), интерпретационная вариативность способствует манифестации и координации смысловых позиций, что предопределено объективизированным характером изложения научной информации.

В научно-популярных медиатекстах ироничное возражение полифункционально и направлено на реализацию типовых целеустановок. Так, речевое действие, обладающее предельной оппозитивностью, способствует преодолению непродуктивных тенденций в научно-исследовательских парадигмах и ставит под сомнение широко распространенные и нередко ложные представления. Траектории интерпретаций, содержащие ироничное возражение, отражают доминирующие векторы осмысления и концептуализации научной проблематики в общественном сознании, эксплицируют важнейшие направления оценочного диагностирования действительности и структурирования картины мира в соответствии с результатами познавательной деятельности. Однако транслируемые в медиа смыслы ориентированы на создание «квазиреальной» картины мира, которая определяется дискретным и мозаичным характером функционирования [Анненкова 2012]. Речевые механизмы инкорпорирования комических смыслов в медиатексты облегчают восприятие и освоение сложноорганизованного научного знания, интерпретация которого требует когнитивных ресурсов и соответствующей апперцепционной базы: опыта обращения к научной информации и минимального кругозора. Процедуры и результаты научного познания, включающие многоступенчатые мыслительные операции и выводимые из них абстрагированные и логизированные конструкты, предполагают необходимость адаптации сообщений в соответствии с гипотезой адресата.

Многовекторный и полимодальный гипермедиатекст ориентирован на расширение инклюзивного потенциала медиадискурса и вариантов интериоризации в его архитектурные компоненты научного знания [Кожарнович 2021]. В гипертекстовом пространстве наблюдается трансформация гипотезы адресата, обусловленная повышением степени вовлеченности пользователей в диалогическое взаимодействие и закреплением за ними качественно новой коммуникативной позиции. Пользователь наделен статусом активного участника дискуссии, сопряженным с возможностью самостоятельного выбора траектории сюжетно-тематического потока и формирования собственного понимания проблематики [Рязанцева 2019].

Сетевая среда предопределила одно из ключевых изменений культуры медиапотребления: пользователь критически осмысляет предлагаемые новостные сообщения и оценочные суждения, а также оказывает воздействие на гипертекст и вносит вклад в развитие интерпретаций (например, посредством комментирования медиатекстов). Технологически обусловленные варианты стимулирования интеллектуальной активности в гипермедиатексте направлены не на гипотетические реакции, а на объективированные дискурсивные практики; данная тенденция находит отражение в репрезентантах с семантикой приглашения к сомышлению и пользовательской активности (например, характерный феномен сетевой среды — кликбейт-заголовки медиаресурсов [Сладкевич 2019]). Доминирующей характеристикой научно-популярного гипертекста признается его дидактический потенциал, который предполагает использование возможностей сетевого пространства как образовательного инструмента [Рязанцева 2010].

В научно-популярном гипермедиатексте субъект речи прогнозирует потенциальные смысловые лакуны в прагматической пресуппозиции адресата и варианты их незамедлительного восполнения: преимущественно экспликация смыслов осуществляется через аппарат гиперссылок. Дидактический характер гипермедиатекста облегчает восприятие и осмысление научной информации как многогранного и разноречивого (наличие конкурирующих объяснений) смыслового образования. Многоуровневая семантическая иерархия, поддерживаемая системой гиперссылок, обеспечивает когерентность и согласованное функционирование научно-популярного гипермедиатекста [Рязанцева 2019]. Поликодовый гипермедиатекст как семиотически осложненный и гетерогенный продукт мышления предлагает дополнительные способы персуазивного воздействия на пользователя как потребителя научной информации.

В результате регулярного обновления информации и многократных реинтерпретаций, что в целом характерно для гипермедиатекста, ироничное возражение обрастает смысловыми наслоениями. В научно-популярном сетевом медиатексте речевое действие можно признать ироничным возражением, если оно соответствует следующим критериям, которые, по нашим представлениям, определяют его лингвистическое своеобразие.

1. Включает информацию об утверждаемой и альтернативных смысловых позициях, содержащих объяснение научного феномена. Представляется целесообразной экстраполяция положений теорий Mention / Echo / Reminder family [Colston 2017] на исследуемое нами предметное поле. Посредством ироничного возражения критически переосмысляются авторизованные конструкции чужой речи (высказывания представителей научного сообщества), распространенные научные идеи, а также общеизвестные представления.

2. Обнаруживает корреляцию между разными интерпретациями научной проблематики (несоответствие, противопоставление, взаимоисключение).

3. Обосновывает превосходство предлагаемой интерпретации, а также несообразность альтернативных точек зрения через комическое переосмысление последних (т. е. когнитивная установка на комический эффект).

4. Содержит имплицитные маркеры ироничной интенции, трансформирующие высказывание в скрытое возражение.

Характерная многоплановость научно-популярного нарратива предопределяет вариативный характер мест локализации ироничного возражения в научно-популярном гипермедиатексте. Преимущественно ироничное возражение представлено в метатекстовом, паратекстовом и интратекстовом компонентах архитектуры медиатекста; комбинаторные варианты репрезентации ироничного смысла коррелируют с местом локализации и различаются структурно и функционально. Текстовая составляющая научно-популярных медиатекстов, в которых опровергается серотониновая теория, организована и структурирована в соответствии с лингвистическими паттернами репрезентации ироничного возражения [Лебединская 2022]. Результаты систематизации и типологизации текстовых фрагментов обнаруживают и комплексно характеризуют когнитивные механизмы, лежащие в основе возражения, и речевые средства, задающие вектор комического переосмысления.

Анализ материала

Наиболее часто используемой моделью ироничного возражения в исследуемых медиатекстах является **намеренно неточное словоупотребление и/или использование лексемы с размытой семантикой**. Ниже перечислены некоторые из характерных примеров, обнаруженные в исследуемом речевом материале и относимые к рассматриваемой лингвистической модели:

(1) *Наконец, дело может быть и не в химии. Хотя* ***большинство обычных людей*** *уверены в том, что причина депрессии в «химическом дисбалансе мозга»,* ***многие специалисты*** *в последнее время все чаще говорят, что представлять депрессию как сугубо химическую проблему — это сильно упрощать ситуацию*[3].

(2) *Расстройства настроения — прежде всего депрессию — тоже объясняют* ***неполадками*** *с серотонином. Большинство антидепрессантов так или иначе влияют на его выработку или доступность*[4].

(3) *«Мы считаем, что неправильно говорить пациентам, что депрессия вызвана низким уровнем серотонина или химическим дисбалансом, и им не следует внушать мысль, что препараты нацелены на устранение* ***неких недоказанных перекосов****», — объясняет один из авторов исследования, профессор Джоана Монкрифф*[5].

(4) *Как же быть с утверждением, что серотонин нужен для нервных центров хорошего настроения?* ***Ну, возможно****, мы здесь поторопились с выводами, и хорошее настроение —* ***штука*** *намного более сложная, чем кажется.* ***Тут, кстати,*** *можно вспомнить о том, что серотониновые антидепрессанты срабатывают далеко не всегда*[6].

Использование в представленных примерах слов с неопределенной семантикой и нередко с разговорной стилистической окраской (*перекосы, неполадки*; *обычные люди* / *специалисты*) и номинаций с диффузным значением (*штука*) связано с конструированием пренебрежительной тональности текстового фрагмента: нет необходимости точно и подробно раскрывать теоретические положения, которые представляются сомнительными или ложными. В каждом из приведенных примеров исследуемая модель обогащается стилистическими приемами, преумножающими перлокутивный эффект.

В первом фрагменте речевая конструкция (*большинство обычных людей*), обладающая в предлагаемом контексте размытой семантикой, объективирует безликий и массовый характер аудитории, разделяющей позиции серотониновой гипотезы: в тексте отсутствуют авторитетные имена собственные и атрибутивные конструкции, которые могли бы подчеркнуть профессиональный статус носителей точки зрения. Психологические установки массового сознания предполагают субъективную веру в универсальные идеи, а также пренебрежение научными доказательствами. Напротив, сторонники антисеротонинового взгляда позиционированы с помощью лексемы *специалисты*, которая актуализирует семантические

[3] Серотонин отделяют от депрессии (2022). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://www.nkj.ru/news/44896/.

[4] Не гормон счастья. Почему депрессию неправильно объяснять низким серотонином (2022). *ТАСС*. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/15360567.

[5] Там же.

[6] «А в действительности все не так, как на самом деле!» (2023). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://m.nkj.ru/news/47268/.

признаки ‘компетентность’, ‘авторитетность’, ‘научная обоснованность’, ‘наличие объективных доказательств’. Местоименное прилагательное *многие*, выполняющее функцию слова-интенсификатора, подчеркивает, что результаты исследования, которые вызвали незамедлительный отклик и рефлексию научного сообщества, получают признание среди ученых и представителей профессии.

По мере развертывания текста адресат знакомится с отзывами исследователей, грамматически оформленными как конструкции передачи чужой речи, в которых подвергнут сомнению аргументативный потенциал серотониновой теории. Мысль о поддержке популяризируемой концепции научным сообществом выражена в использовании имен собственных в сочетании с атрибутивными конструкциями (например, *Майкл Блумфилд, руководитель исследовательской группы трансляционной психиатрии Королевского колледжа Лондона*). Подчеркнутая неравнозначность статусов представителей точек зрения (*большинство обычных людей / многие специалисты*; очевидный перевес на стороне авторской позиции) поддерживается уступительной синтаксической конструкцией (*хотя…, …*), подразумевающей смысловое доминирование второй части полипропозитивного сложного предложения, что способствует формированию ироничного модуса возражения.

Во втором примере намеренное использование лексем с размытой семантикой *неполадки* и *перекосы* обусловливается наличием до сих пор не ясных и не доказанных положений теории, что не позволяет субъектам речи детально описать механизм развития депрессии. Предпочтение терминов и детализация изложения отражают глубокое и многоаспектное понимание проблемы; подбор слов с растяжимой семантикой является маркером сомнения в объяснительном потенциале гипотезы. В третьем фрагменте местоименное прилагательное *некие* в сочетании со словом *недоказанные* выполняет функцию усилительной конструкции, призванной подчеркнуть отсутствие объективных доказательств, которые позволили бы более точно охарактеризовать нейрофизиологические процессы. Лексемы *неполадки* и *перекосы* являются контекстными синонимами и обладают разговорной стилистической окраской, контрастирующей со стилистическим рисунком текста и порождающей ироничный модус возражения: научно-популярная дискуссия тематически и стилистически обусловливает использование ресурсов определенной лексико-тематической группы (*депрессия*, *антидепрессанты*, *химический дисбаланс*, *серотонин*), следовательно, разговорные единицы выбиваются из общего строя реализуемого пласта лексики и подсказывают пользователю вектор интерпретации авторского замысла. Таким образом, использование слов с диффузным значением в научно-популярной коммуникации обессмысливает предмет обсуждения: принцип точности и аргументированности сообщаемой информации достигается в том числе посредством реализации возможностей терминологического аппарата и детализированных конструкций. Во втором фрагменте семантика лексемы *внушать* противоречит самой идее распространения научного знания — убеждения путем логической аргументации, а не навязывания через манипуляцию механизмами подсознания.

В четвертом фрагменте представлена развернутая интеракция (стимулирующее и реагирующее реплицирование): взаимодействие гипотетической реплики-стимула адресата (*что серотонин нужен для нервных центров хорошего настроения*) и реплики-реакции автора (*Ну, возможно, мы здесь поторопились с выводами, и хорошее настроение — штука намного более сложная…*). Субъект речи прогно-

зирует возможное возражение, затем предвосхищает его в тексте и тем самым преодолевает возможное сопротивление реципиента. Маркерами взаимодействия смысловых позиций являются вопросно-ответная конструкция и языковые средства с семантикой речевого реагирования (*ну, возможно*; *тут, кстати*). Использование инклюзивного местоимения *мы,* которое свидетельствует о коллективном характере смысловой позиции, способствует вовлечению адресата в процесс сомышления. Признание говорящего в возможной субъективности (*возможно, мы здесь поторопились с выводами*) является репрезентантом тенденции к непредвзятости суждений, распространенной в научно-популярном медиадискурсе.

Однако в действительности субъект речи убежден в непротиворечивости предлагаемого хода рассуждений; модус уверенности «мерцает» через формальные маркеры критического переосмысления (дискурсивный маркер *возможно*), что закладывает в текст иронические смыслы. Слово с диффузным значением *штука* эксплицирует отсутствие ясного понимания сущности феномена, для описания которого сложно подобрать точные номинации. Разговорная стилистическая окраска лексемы, выбранной субъектом речи из широкого синонимического ряда, отражает намерение избежать обсуждения аспектов, связанных с миром чувств. В данном случае ирония выступает способом эмоционального отстранения. Семантика слова *кажется* в рамках конструкции *хорошее настроение — штука намного более сложная, чем кажется* подчеркивает необходимость теоретического осмысления, результатом которого может стать многофакторное и комплексное объяснение проблемы; серотониновая гипотеза, напротив, ограничивается лишь одним фактором, посредством которого невозможно охарактеризовать феномены, связанные со сложными структурами нервной системы.

Следующая лингвистическая модель — инкорпорирование в речевой материал **субъективных модусных маркеров с семантикой эпистемологической неопределенности или лексем с субъективной семантикой**.

(5) ***Похоже****, депрессия не связана с низким уровнем серотонина*[7].

(6) *«Во время моего обучения психиатрии, — рассказал соавтор обзора доктор Марк Горовиц (Mark Horowitz), практикующий психиатр и научный сотрудник по клиническим исследованиям в области психиатрии в Университетском колледже Лондона, — меня учили, что депрессия вызвана низким уровнем серотонина, и я сам преподавал это студентам на своих лекциях.* ***Видимо****, все-таки плохое настроение — это реакция на то, как люди живут, и оно не может быть сведено к простому химическому уравнению»*[8].

(7) *Продолжать ли принимать антидепрессанты? Несмотря на официальную смерть серотониновой теории депрессии, ответ на этот вопрос будет* ***скорее*** *утвердительным*[9].

(8) *Серотонин* ***перестали винить*** *в развитии депрессии*[10].

---

[7] Похоже, депрессия не связана с низким уровнем серотонина (2022). *XXII век.* Электронный ресурс https://22century.ru/medicine-and-health/110110.

[8] Там же.

[9] Революция в понимании депрессии: продолжать ли принимать антидепрессанты? (2022) *Psychologies*. Электронный ресурс https://www.psychologies.ru/articles/revolyuciya-v-ponimanii-depressii-prodolzhat-li-prinimat-antidepressanty.

[10] Серотонин перестали винить в развитии депрессии (2022). *N+1.* Электронный ресурс https://nplus1.ru/news/2022/07/20/no-serotonin.

Выявленные показатели ироничного возражения эксплицируют противостояние двух научных парадигм: приоритет терапии антидепрессантами (объяснение механизма депрессии преимущественно посредством химико-биологических факторов) или когнитивно-поведенческой терапии (источником заболевания признаются социальные факторы). Использование номинаций, референциально соотнесенных с ценностно ориентированными лингвокультурными концептами и получающих в сознании носителя языка личностный смысл (в исследуемом материале — концепты «вина» и «ответственность»), позволяет вскрыть сущностные противоречия двух научных подходов посредством конструирования эмотивно окрашенного образа. Слова с субъективной семантикой (*перестали винить*) репрезентируют несовершенство доминировавшей ранее научной парадигмы, подобное словоупотребление продиктовано критикой однофакторного объяснения (механизм заболевания — низкая концентрация серотонина, решение — медикаментозная терапия антидепрессантами), лежащего в основе предшествующих научных воззрений.

Посредством модусных маркеров (*похоже*, *видимо*, *скорее*) субъект речи размещает на текстовой плоскости смысловые акценты, указывающие на неудовлетворенность степенью изученности научной проблемы, решение которой не получило целостного и непротиворечивого теоретического оформления. Модус сомнения часто влечет за собой модальность разочарования: интенсивное обсуждение альтернативных подходов не приводит к практическим результатам, и рефлексивы в текстовом пространстве выражают, как правило, неуверенность в возможности полноценного решения проблемы. Таким образом, модусные маркеры передают состояние гносеологической неопределенности: традиционный подход (терапия антидепрессантами) признается недостаточно эффективным, однако альтернативные взгляды также не получают убедительного эмпирического подкрепления.

В первом примере заголовок начинается с дискурсивного слова с семантикой неуверенности *похоже*; постановка модусного маркера в сильной позиции задает специфический интерпретативный вектор восприятия и осмысления последующей информации — с акцентом на критическом мышлении и здоровом скепсисе. Проблема депрессивного расстройства представляется одной из наиболее обсуждаемых в научно-популярном медиадискурсе, пространство новостного гипермедиатекста насыщено сообщениями об открытиях в этой проблемной области, научная ценность которых нередко преувеличена. Выдвигаемые многочисленные гипотезы не получают экспериментального подтверждения, что приводит к деформации перцептивной сферы субъекта речи и соответствующим интеллектуальным и аффективным состояниям, нашедшим отражение в используемом метапрагматическом маркере с семантикой сомнения.

Как видно из второго текстового фрагмента, логическое следствие включает дискурсивный маркер *видимо* с семантикой неуверенности в сообщаемой информации: проблема депрессивного расстройства обрастает гипотезами, которые не получают достаточного эмпирического обоснования. Посредством частицы *все-таки* субъект речи имплицитно противопоставляет два фундаментальных подхода, однако предшествующий рефлексив в некотором смысле сглаживает обозначенное противостояние: ни опровергаемое, ни предлагаемое решение проблемы не обладают весомой аргументативной базой, что вынуждает дискутировать в мо-

дальности предположения. Маркером смысловой позиции говорящего становится выражение *простое химическое уравнение*. Перед нами пример подмены исходного понятия на основе неравноценности предметов: теория, которая длительное время разрабатывалась в научном сообществе / элементарная (слово-интенсификатор *простая*) формализованная операция.

В третьем фрагменте отказ от ранее превалировавшего научного воззрения эксплицирован с помощью гиперболизированного образа (*официальная смерть серотониновой теории*): сомнение в объяснительном потенциале серотониновой гипотезы было закреплено в общественном сознании через различные каналы медиапространства и таким образом обрело статус «официального». Категоричная тональность, задаваемая речевым оборотом, вступает в противоречие с рефлексивом *скорее*, что выявляет парадокс сложившейся ситуации: отказ от научной парадигмы с вынужденным сохранением ее отдельных положений, так как научное сообщество не располагает иными решениями проблемы (серотониновая теория не обладает достаточной доказательностью, однако прием антидепрессантов остается наиболее доступным вариантом лечения).

Вербализация концепта «вина» посредством его прямых номинаций (*винить*, *виноват*) способствует критике опровергаемой теории за характерную для научного подхода зацикленность на одном факторе, сужающем объяснительный потенциал (несоответствующая концентрация серотонина — главный спусковой механизм развития болезни). Маркером ироничной интенции становится слово с субъективной семантикой, активизирующее антропоморфное переосмысление термина.

Представленная в четвертом заголовке намеренно упрощенная интерпретация объяснительного потенциала теории (*винить серотонин*) иронично переосмысляет тщетные поиски универсального и простого объяснения сложных механизмов депрессивного расстройства. Предикат представлен конструкцией с инфинитивом *винить*, отражающим регулярность совершаемого действия. Актуализация семы ‘многократности действия’ подчеркивает, что серотониновая теория прочно закрепилась в сознании людей и стала общим местом в научных и околонаучных дискуссиях, затрудняя осмысление и применение альтернативных подходов. Грамматическая форма неопределенно-личного предложения репрезентирует признак неопределенности субъекта действия: широкая популяризация серотониновой теории в медиапространстве сделала ее предметом обсуждений далеко за рамками научного дискурса, результатом чего явилось вовлечение в дискуссию широкой аудитории, которая профессионально не связана с медициной. Компонент заголовочного комплекса маркирует расширение границ медицинского дискурса и его инкорпорирование в медиадискурсивные практики [Пивоварчик 2018], поддерживаемое инклюзивным потенциалом медиапространства [Кожарнович 2021].

Следующая модель формирования ироничного модуса возражения в научно-популярном сегменте медиадискурса предполагает **неоднократный повтор номинации или контекстуально синонимичных кореферентных номинативных единиц** в рамках одного текстового фрагмента.

(9) *Большинство антидепрессантов так или иначе влияют на его* (серотонина. — *Е. Л.*) *выработку или доступность. Но в последние годы* ***раздается много скептических голосов***. ***Ученые критикуют*** *препараты за то, что эффект от них в долгосрочной перспективе почти незаметен. Некоторые прямо обвиняют ком-*

пании в сокрытии важной информации — например, данных о побочных эффектах. Недавно ***под огнем критики*** *оказалась сама теория, что депрессия связана с серотонином*[11].

(10) ***То ли*** *серотонина мало синтезируется,* ***то ли*** *он быстро разрушается,* ***то ли*** *плохо работают рецепторы, которые должны на него реагировать —* ***так или иначе****, все сводится к тому, чтобы повысить его уровень в нейронах и межнейронных соединениях-синапсах*[12].

Прием повтора (номинации — *то ли, то ли, то ли*; синонимически близких выражений — *скептический голос, критикуют, огонь критики*) обладает манипулятивным потенциалом и способствует абсурдизации референтной ситуации (очевидное противоречие опровергаемой теории критериям научного знания) или принятию адресатом сообщаемой информации как «объективной» или «очевидной» в результате апелляции к структурам подсознания. Комический эффект объясняется неоправданным допущением семантической избыточности и чрезмерным сокращением дистанции, объединяющей продукты контекстуальной синонимизации.

В первом текстовом фрагменте нейтральной конструкцией среди контекстуально синонимичных компонентов номинативной цепочки (выделены в текстовом фрагменте) представляется выражение *ученые критикуют*. Остальные конструкции можно рассматривать как узуальные сочетания / лексические повторы, содержащие метонимическое (*раздается много скептических голосов*) или метафорическое (*под огнем критики*) переосмысление нейтрального выражения. В данном фрагменте многократный повтор смыслового компонента (с учетом минимальной дистанции, связывающей кореферентные единицы) представляется избыточным и формирует ироничный модус возражения. Манипулятивный потенциал лингвистического паттерна заключается в представлении информации как данности: возможная интерпретация — однозначное недоверие (все критикуют и сомневаются).

Неоднократный повтор сочинительного союза *то ли* во втором полипропозитивном сложном предложении задает модальность неопределенности, которая подчеркивает неоднозначность основного тезиса — отсутствие ясного представления о «химических» причинах развития депрессии. Языковая единица встречается трижды в рамках одной конструкции, и это не только явственно указывает на алогизм, но и преумножает сомнения аудитории. Многократный повтор (и, как следствие, широкий спектр альтернатив) наводит адресата на мысль о неточности информации, что вступает в противоречие с требованиями, предъявляемыми к научным знаниям. Дискурсивный маркер *так или иначе* создает впечатление, что журналист вынужден не только констатировать данный факт, но и принять его как неизбежное обстоятельство, чтобы продолжить рассуждение. Речевая конструкция *то ли, …, то ли, …, то ли, … — так или иначе, …* маркирует намерение автора притвориться, что данное положение дел неизбежно и, возможно, естественно,

[11] Не гормон счастья. Почему депрессию неправильно объяснять низким серотонином (2022). *ТАСС*. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/15360567.

[12] «А в действительности все не так, как на самом деле!» (2023). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://m.nkj.ru/news/47268/.

с чем адресат, очевидно, не сможет согласиться и интерпретирует высказывание как ироничное возражение.

Следующая лингвистическая модель — модель **акцентуации/гиперболизации**.

(11) *А про сам серотонин, который часто называют гормоном счастья, мы несколько лет назад писали, что вместо счастья он может* ***подарить ту самую депрессию*** *— все зависит от того, на какие нейроны он подействует*[13].

(12) *Возможно,* ***«бомбежка серотонином»*** *не идет на пользу больным именно потому, что в остальном в их жизни ничего не меняется*[14].

(13) *Был разработан новый класс этих препаратов, селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС), которые прицельно направлены на повышение концентрации серотонина. «Прозак», «Золофт», «Ципрамил» и другие подобные лекарства стали* ***настоящими блокбастерами****, широко применяемыми во всем мире*[15].

(14) *Статья международной группы специалистов во главе с профессором психиатрии Джоанной Монкрифф из Университетского колледжа Лондона (Великобритания) была опубликована в журнале Molecular Psychiatry 20 июля 2022 года. Она произвела* ***эффект разорвавшейся бомбы****, но не в научном сообществе, а в основном среди широкой публики*[16].

Модель акцентуации (***та самая*** *депрессия*) и гиперболизации (*бомбежка*; *разорвавшаяся бомба*; *блокбастер*) предполагает гиперфокус на смысловом компоненте или доведение обсуждаемого тезиса до абсурда, сопровождаемые подменой исходного понятия.

В первом примере семантические валентности слова *подарить* подразумевают его сочетание с языковыми единицами, семантика которых окрашена положительной оценочностью. Напротив, лексема *депрессия* актуализирует отрицательно-оценочное семантическое поле (*заболевание*, *страдание*, *отсутствие интереса к жизни*, *длительное лечение*), вступает в противоречие с предикатом и, как результат, посредством нарушения категориальной пресуппозиции создает семантически аномальное высказывание. Столкновение семантических полей с разнонаправленными аксиологическими векторами (положительно-оценочного и отрицательно-оценочного) формирует ироничный модус возражения. Слово-интенсификатор *та самая* смещает фокус внимания на выявленное противоречие и способствует интерпретации проблемы как сложного и неоднозначного феномена.

Во втором текстовом фрагменте алгоритм решения проблемы, предлагаемый серотониновой теорией, охарактеризован выражением *бомбежка серотонином*, которое объективирует гиперболизированное субъективное восприятие автора. Лексема *бомбежка* обладает разговорной стилистической окраской и отрицательно-оценочными коннотациями ‘причинять вред’ и ‘не давать покоя’, которые

---

[13] Серотонин отделяют от депрессии (2024). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://www.nkj.ru/news/44896/.

[14] Не гормон счастья. Почему депрессию неправильно объяснять низким серотонином (2022). *ТАСС*. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/15360567.

[15] Революция в понимании депрессии: продолжать ли принимать антидепрессанты? (2022). *Psychologies*. Электронный ресурс https://www.psychologies.ru/articles/revolyuciya-v-ponimanii-depressii-prodolzhat-li-prinimat-antidepressanty.

[16] Серотонин перестали винить в развитии депрессии. *N+1*. Электронный ресурс https://nplus1.ru/news/2022/07/20/no-serotonin.

определяют критическое переосмысление точки зрения. Военная метафора актуализирует семантические признаки ‘агрессии’ и ‘насильственных действий’, что подспудно проецирует установленные семантические зависимости на понятийное содержание, раскрывающее сущностные признаки номината (означаемого). Стилистическая окраска речевой конструкции подчеркивает ограниченность и даже зацикленность теории на одном аспекте (прием антидепрессантов) в ущерб другим, возможно, более эффективным подходам (например, психотерапия). Серотониновая теория не обеспечивает комплексное и многофакторное объяснение механизмов депрессивного расстройства, что могло бы иметь результатом более продуктивные стратегии лечения. Кавычки служат средством навигации адресата в текстовом пространстве и идентификации доминирующей целеустановки субъекта речи — вербализации ироничного возражения.

В третьем примере семантика англицизма *блокбастер* в сочетании со словом-интенсификатором *настоящий* позволяет актуализировать семантический компонент ‘коммерческий успех’, что подчеркивает прагматический аспект опровергаемой теории (финансовая выгода фармацевтических компаний, которая также вызывает недоверие) и характеризует масштаб ее популярности.

В четвертом фрагменте риторический речевой оборот *эффект разорвавшейся бомбы*, утративший коннотацию новизны и первоначальный образный потенциал, характеризует интенсивное вовлечение в дискуссию непрофессиональной аудитории, а также масштаб воздействия на нее новостных сообщений об открытии — неопределенность (старая модель лечения оказалась неэффективной, новая — отсутствует) и фрустрация (сомнение в возможности эффективного решения проблемы).

Лингвистическая модель — **стилистическое снижение коммуникативной ситуации**.

(15) *Кстати, часто сюда добавляют влияние среды, то есть человек с «депрессивным геном», столкнувшись с жизненными проблемами, с большей вероятностью* ***свалится в депрессию***[17].

(16) *К тому времени лечение депрессии было подобно* ***стрельбе из пушки по воробьям****: препараты снимали симптомы, но обладали огромным числом* ***побочек***[18].

(17) *Хотя работа Монкрифф и ее коллег не сказала специалистам ничего нового, основное внимание общественности привлечено к тому выводу, который сделали из полученных результатов и сами авторы, и, что важнее, поднявшие по этому поводу* ***шумиху*** *СМИ: раз серотониновая теория депрессии не состоятельна, то и антидепрессанты неэффективны*[19].

Отбор слов с разговорной и снижено-разговорной стилистической окраской (*свалиться в депрессию*, *стрельба из пушки по воробьям*, *побочки*, *шумиха*) переда-

[17] «А в действительности все не так, как на самом деле!» (2023). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс https://m.nkj.ru/news/47268/.

[18] Не гормон счастья. Почему депрессию неправильно объяснять низким серотонином (2022). *ТАСС*. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/15360567.

[19] Революция в понимании депрессии: продолжать ли принимать антидепрессанты? (2022). *Psychologies*. Электронный ресурс https://www.psychologies.ru/articles/revolyuciya-v-ponimanii-depressii-prodolzhat-li-prinimat-antidepressanty.

ет субъективное восприятие проблемной ситуации и способствует осуществлению авторского намерения.

В первом примере словосочетание *свалится в депрессию*, характеризуемое разговорной стилистической окраской, объективирует тенденцию к отстранению от мира чувств человека: внимание автора сосредоточено исключительно на прагматическом аспекте, который не предполагает описание переживаний людей, страдающих заболеванием. Следствием становится ироничное переосмысление, которое позволяет не вдаваться в «сложный» аспект проблемы, а рассматривать чувства людей как неизбежное звено причинно-следственной цепи. Пренебрежительные интонации, звучащие в тексте, отражают подозрение в надуманности и/или преувеличении масштаба проблемы, которое коррелирует с существующими в социуме стереотипами.

Во втором примере фразеологизм *стрельба из пушки по воробьям* снижает стилистический регистр речи и репрезентирует мысль о мнимой пользе терапии антидепрессантами: созданный образ апеллирует к ассоциативным механизмам мышления и аккумулирует персуазивные потенции контраргумента. Идея несоразмерности/неэффективности — преобладания потенциального вреда (непредсказуемые и опасные последствия) над полезными свойствами (временное облегчение симптомов) — подчеркнута стилистически-сниженной номинацией (*побочки*) в сочетании с квантитативным показателем-интенсификатором (*огромное число*).

В третьем примере разговорная номинация *шумиха* стилистически снижает ситуацию и подчеркивает негативное влияние мощного потока новостных сообщений, тяготеющих к сенсационности, на людей, заинтересованных в решении заявленной проблемы: повышение степени тревожности аудитории и чувство безысходности. Говорящий называет научное открытие *шумихой* (то есть событием-«пустышкой»: исследование не предлагает решение проблемы, однако о факте опубликования работы сообщают во многих медиа), такое позиционирование научного события представляет собой непрямое возражение; разговорная окраска языковой единицы и передаваемое ей субъективное отношение свидетельствуют об ироничной модальности высказывания.

Композиционная модель **несопоставимых параллелей** обладает значительным манипулятивным потенциалом вследствие намеренного отождествления несообразных мыслительных конструктов.

(18) *Природу многих болезней удавалось разгадать лишь тогда, когда от них находили средство. Например, цинга поначалу казалась* ***неведомой заразой*** *— пока врачи не обратили внимание, что моряки, в район которых входили конкретные продукты (например, апельсины), цингой не болели. Похожая история произошла с депрессией:* ***сначала появились антидепрессанты, а вслед за ними — теория болезни***[20].

(19) «*Прием парацетамола может быть полезен при головных болях, но вряд ли кто-то будет утверждать, будто головные боли вызваны недостатком парацетамола в мозгу», — отмечает Майкл Блумфилд, руководитель исследовательской группы трансляционной психиатрии Королевского колледжа Лондона*[21].

[20] Не гормон счастья. Почему депрессию неправильно объяснять низким серотонином (2022). *ТАСС*. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/15360567.

[21] Там же.

Лингвокогнитивной основой механизма является нарушение парадигматических отношений между денотатами, которые принадлежат к разным классам и обладают несоотносимой спецификой, однако вопреки явственным различиям подвергаются уподоблению. Иной механизм состоит в произвольном выявлении «логических» связей между объектами, весьма далеких от логических операций, результатом чего являются подмена понятий или их искажение до абсурдных.

В первом примере основным параметром, характеризующим данные феномены как несопоставимые, становится семантико-стилистическая категория темпоральности. Денотаты относятся к разным историческим эпохам, маркирующим вехи развития медицины: тем самым выявляется противоестественный характер существования подобного парадокса в современной профессиональной практике (*сначала появились антидепрессанты, а вслед за ними — теория болезни*). Минимизация дистанции, объединяющей денотаты *депрессия* и *зараза*, позволяет экстраполировать отрицательно-оценочные семантические признаки разговорной номинации на медицинский термин (‘то, что отравляет жизнь людям’) и тем самым иронично его переосмыслить. Лексема с атрибутивной семантикой (*неведомая*) актуализирует семантическое поле «таинственности»: нейрофизиологические механизмы, провоцирующие развитие депрессии, так и остаются загадкой современной медицины.

Ироничный модус высказывания-возражения ориентирован на критическое переосмысление положения серотониновой теории, связанного с приемом антидепрессантов: ученые не имеют четкого представления о механизмах развития депрессии, однако активно популяризируют медикаментозный вектор терапии.

Во втором примере субъект речи экстраполирует корреляционные зависимости, к которым апеллировали создатели серотониновой теории (дефицит серотонина — причина / депрессия — следствие), на близкое предметное поле (дефицит парацетамола — причина / головные боли — следствие) и посредством выявленного алогизма дискредитирует доказательный потенциал научной гипотезы. Автор реализует в ходе аргументации те же самые логические отношения, к которым прибегли ученые, исследовавшие механизмы депрессии, однако результатом рассуждений становится не аргументированная теория, а очевидное противоречие.

В этом случае наблюдается подмена понятий. Субъект речи произвольно расширяет интерпретативные рамки тезиса, истинного для конкретной ситуации, и проецирует его логическое обоснование на сопоставляемый коррелят, который обладает собственной (отличной от исходного контекста) спецификой (например, парацетамол не является гормоном, который вырабатывается в организме человека). Вследствие когнитивных искажений порождается паралогизм, который становится источником комического переосмысления проблемы. Конструкция *вряд ли кто-то будет утверждать* репрезентирует целенаправленность речевого поведения: субъект речи отчетливо осознает, что истинной интенцией является создание остроумного (и очевидного) парадокса, а не выявление действительных логических отношений, связывающих феномены. Включение модального слова *вряд ли*, функционально ориентированного на выражение сомнения, в пределы очевидно недвусмысленной конструкции (с явной логической ошибкой) контрастирует с истинным отношением автора, который уверен в неоспоримости и оригинальности созданного парадокса. Противоречие формы (формальные маркеры модальности

неуверенности) и содержания (вера автора в персуазивный эффект аргумента) задает иронический вектор возражения. Неопределенное местоимение *кто-то*, являющееся носителем дейктической функции (указание на объект речи), при неограниченно широком поле интерпретации (*кто-то* — любой человек) в данном контексте подразумевает адресата сообщения (*кто-то* — читатель). Автор предвосхищает возможное возражение реципиента и делает его почти невозможным (нелепо отрицать очевидное нарушение логических связей). Ироничная модальность реплики-реакции автора (на гипотетическое сомнение-стимул адресата) содержит имплицитные маркеры возражения (*вряд ли кто-то будет утверждать* / вряд ли читатель не согласится с этим очевидным наблюдением), которые способствуют преодолению потенциального сопротивления реципиента.

В исследуемом речевом материале доминирует **смешанный тип** ироничного возражения, который предполагает сочетание нескольких лингвистических моделей и аккумулирует персуазивные возможности высказывания, содержащего комическое переосмысление научной проблематики в оппозитивной модальности. Первый пример комбинирует следующие модели: **неточное словоупотребление + гиперболизация + стилистическое снижение**, которые усилены двойным отрицанием.

(20) *В этом смысле сотрудники Университетского колледжа Лондона* ***покусились на святое****: в статье в Molecular Psychiatry они пишут, что* ***нет никаких*** *серьезных доказательств в пользу того, что серотонин имеет* ***какое-то отношение*** *к депрессии*[22].

Комическая тональность задается сочетанием разговорной лексемы *покуситься* (снижение стилистического рисунка) и субстантивированного прилагательного *святое* в переносном значении (шутливая гиперболизация предмета речи), которое вступает в противоречие с истинным отношением субъекта речи (автор очевидно не выступает сторонником теории) и порождает ироничный модус возражения. Выбор номинации *святое*, обретающей в контексте семантический признак ‘вызывающий преувеличенное внимание’, объективирует несоответствие широкой популярности теории и несовершенства ее аргументативного потенциала. Конструкция *какое-то отношение*, включающая местоименное прилагательное с размытой семантикой, представляет собой отрицание выявленных ранее корреляционных зависимостей и способствует обесцениванию аргументативной базы теории. Намеренно неточное словоупотребление демонстрирует нежелание автора углубляться в детали концептуальных положений, признаваемых ложными, и характеризует установленные учеными закономерности как сомнительные. Линейно предшествующее двойное отрицание *нет никаких* является эксплицитным маркером возражения, который усиливает повтор контекстуально синонимичных номинаций; неточное словоупотребление трансформирует данное возражение в импликатуры, продуцирующие в интратексте иронические смыслы. Персуазивная сила возражения подкрепляется конструкциями, указывающими на компетентность и достоверность источников, к которым апеллирует субъект речи (*сотрудники Университетского колледжа Лондона*; *в статье в Molecular Psychiatry*).

[22] Серотонин отделяют от депрессии (2022). *Наука и жизнь*. Электронный ресурс: https://www.nkj.ru/news/44896/.

Результаты исследования

На основании типовых лингвистических особенностей мы обнаруживаем и типологизируем такие модели ироничного возражения, преобладающие в сетевом научно-популярном медиатексте.

Первая модель — **намеренно неточное словоупотребление и/или использование лексемы с размытой семантикой**. Автор отдает предпочтение контекстным синонимам или словам с широким значением; подобный выбор, который, на первый взгляд, представляется неуместными или неудачными, способствует осуществлению истинной целеустановки субъекта речи — иронизированию над ситуацией.

Вторая модель — **включение субъективных модусных маркеров с семантикой эпистемологической неопределенности или лексем с субъективной семантикой.** Рефлексивы, выражающие неуверенность познающего субъекта в доказательном потенциале или ценности научных результатов, а также слова, актуализирующие личностно окрашенные концепты (*вина, долг* и т. д.), подспудно подталкивают адресата к мысли о возможном несоответствии полученной информации истинной научной картине; отказ от включения этого фрагмента знания в полотно общих научных воззрений.

Третья модель — **неоднократный повтор номинации и/или контекстуально синонимичных кореферентных номинативных единиц.** Регулярное воспроизведение лингвистической единицы на ограниченном текстовом фрагменте создает эффект остранения и способствует активизации критического мышления адресата — сомнению в предлагаемых интерпретациях.

Четвертая модель — **акцентуация/гиперболизация**. Доведение изображаемой ситуации до абсурда или гиперфокус на несообразных и противоречивых деталях провоцируют критический пересмотр научных воззрений.

Пятая модель — **стилистическое снижение коммуникативной ситуации** — ориентирована на перемещение объекта из фокуса научной коммуникации в рамки обиходно-разговорного дискурса; путем упрощения формы передачи знания его ценность подвергается сомнению.

Шестая модель — **проведение несопоставимых параллелей**. Абсурдизация научного открытия посредством сравнения с априорно несопоставимыми объектами создает впечатление очевидной ложности пути решения проблемы.

Предложенные модели с разной частотностью встречаются не только в интратексте, на изучении которого сфокусировано наше внимание в данной работе, но и в паратекстовом и метатекстовом компонентах сетевого научно-популярного медиатекста, что требует дальнейшего изучения.

Выводы

На основе результатов анализа выявленных лингвистических моделей можно заключить, что функциональное назначение ироничного возражения в научно-популярных сетевых медиатекстах заключается в раскрытии контрдоводов и контраргументов посредством оппозитивной насыщенности смысловых компонентов, замаскированных ироническими «наслоениями» с целью придания высказыванию интерпретативной осложненности. Такой способ экспликации резуль-

татов познавательной деятельности обладает необходимой эмфатической силой и многослойной структурной организацией, которая представляется наиболее релевантной для препарирования и осмысления сложных и противоречивых объектов внеязыковой действительности — нерешенных и актуальных проблем современной науки. Ироничное возражение в научно-популярном гипермедиатексте — это интерпретативно осложненное речевое действие, признаваемое ключевым этапом организации и развития продуктивного научно-популярного диалога посредством отрицания предшествующих представлений и предложения нового знания с обоснованием его целесообразности; обрамляющие возражение имплицитные метатекстовые маркеры оппозитивности способствуют актуализации ретроспективно-проспективных связей и запускают продуцирование иронических прагмасмыслов, обслуживающих иерархию интенций субъекта речи; представленные параметры расширяют возможности распространения и интерпретации научной информации.

Ключевыми характеристиками ироничного возражения в научно-популярном секторе гипермедиатекста, являющимися основой его лингвистической идентичности, представляются: широкий эвристический потенциал речевого действия; отражение динамического развития эпистемологической модальности (переход от гипотетичности к эпистемологической определенности); критическое переосмысление внеязыковых ситуаций; вовлечение адресата в процесс сомышления посредством богатого арсенала лингвистических инструментов стимулирования интеллектуальной активности; дискуссионный характер; интерпретативная вариативность. Результаты идентификации и систематизации преобладающих лингвистических моделей ироничного возражения в научно-популярном сетевом медиатексте на основе повторяющихся языковых маркеров характеризуют траектории развития научного знания и доминирующие векторы общественного осмысления связанной с ним проблематики. Выявленные в ходе исследования лингвистические модели маркируют сдвиг в системе научных взглядов о депрессивном расстройстве и магистральные направления осмысления связанной с назревшим гносеологическим кризисом проблематики.

Литература

Анненкова, И. В. (2012). *Современная медиакартина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект)*. Дис. … д-ра филол. наук. М.

Дорожкин, А. М., Доронин, Д. Ю. (2012). Гносеологическая неопределенность в научной и мифологической рациональности. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2* (18), 87–98.

Дускаева, Л. Р. (2012). *Диалогическая природа газетных речевых жанров*. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т.

Дускаева, Л. Р. (2014). Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта. *Медиалингвистика*, *1* (4), 5–15.

Дускаева, Л. Р. (2019). *Стилистический анализ в медиалингвистике*. М.: Флинта.

Дускаева, Л. Р., Иванова, Л. Ю. (2022). Гипертекст одной новости в медиалингвистическом преломлении. *Южнославянский филолог*, 78 (1). Электронный ресурс https://www.isj.sanu.ac.rs/2022/10/21/juznoslovenski-filolog-lxxviii-1/.

Дускаева, Л. Р., Щеглова, Е. А. (2019). Комическое в речевой архитектуре новостного гипермедиатекста. В *Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития* (с. 268–273). Ереван: Ереван. гос. ун-т.

Иванова, Л. Ю. (2021). Речевые маркеры комической ответности в международном информировании с использованием новых медийных форм. *Российские исследования*, *2*, 114–120.

Кобозева, И. М. (1986). «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. *Новое в зарубежной лингвистике*, *17*, 7–21.
Кожарнович, М. П. (2021). Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски. *Медиалингвистика*, *4* (8), 421–437.
Кунаева, Н. В. (2009). *Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка*. Дис. … канд. филол. наук. Воронеж.
Лебединская, Е. Ю. (2022). Ироничное возражение в научно-популярном сетевом медиатексте: основные механизмы. В *Диалог-спор в научно-популярной коммуникации* (с. 109–121). СПб.: Медиапапир.
Лужная, М. М. (2022). Иронические речевые акты несогласия и возражения в повседневной коммуникации. *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, *2* (11), 30–39.
Мидова, Е. О. (2016). Определение косвенного речевого акта в современной лингвистической прагматике. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*, *35*, 208–215.
Олешков М. Ю. (2006). *Моделирование коммуникативного процесса*. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад.
Остин, Дж. (1999). *Избранное*. М.: Идея-Пресс.
Пивоварчик, Т. А. (2018). Сетевой медицинский дискурс: коммуникативные практики тематических интернет-сообществ. *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, *4*, 148–155.
Рязанцева, Т. И. (2019). О категориях гипертекста. *Медиалингвистика*, *3* (6), 327–340.
Рязанцева, Т. И. (2010). Гипертекст и электронная коммуникация. М.: ЛКИ.
Сладкевич, Ж. Р. (2019). Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом. *Медиалингвистика*, *3* (6), 353–368.
Слепцова, М. А. (2008). *Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки*. Дис. … канд. филол. наук. СПб.
Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., Веттер, Е. (2009). *Методы анализа текста и дискурса*. Х.: Гуманитарный центр.
Уварова, Е. А. (2019). *Типологические характеристики новостного веб-сайта как поликодового текста: на примере информационного портала "The Onion"*. Дис. … канд. филол. наук. М.
Харламова, Т. В. (2016). Жизнь мифа в современном политическом медиадискурсе США и Великобритании. *Медиалингвистика*, *4* (14), 25–35.
Чанышева, З. З. (2021). Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации. *Медиалингвистика*, *3* (8), 206–218.
Шилихина, К. М. (2013). Неуместная ирония и неудачная шутка: маркеры переключения между bona fide и non-bona fide модусами коммуникации. *Вестник Московского университета*, *5*, 52–59.
Attardo, S. (2017). The general theory of verbal humour. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 126–143). Routledge.
Attardo, S., Hay, J., Eisterhold, J., Poggi, I. (2003). Multimodal Markers of Irony and Sarcasm. *Humor*, *2* (16), 243–260.
Burgers, C., van Mulken, M. (2017). Humor Markers. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 385–399). Routledge.
Chernyshova, T. (2021). Language mechanisms of building the ironic text and ways of their linguistic research (linguistic pragmatic aspect). *The European Journal of Humour Research*, *1* (9), 57–73.
Colston, H. (2017). Irony and Sarcasm. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 234–249). Routledge.
Duskaeva, L. (2021). Humour as an information-influencing resource in mass media. *The European Journal of Humour Research*, *1* (9), 29–43.
Duskaeva, L. (Ed.) (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. Taylor & Francis.
Ivanova, L. (2017). Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: Linguistic aspects. *Media Linguistics*, *1* (16), 96–108.
Ivanova, L., Vasileva, V. V. (2021). Humour as a strategy for news delivery: the case of Meduza. *European Journal of Humour Research*, *1* (9), 105–128.
Garmendia, J. (2010). Irony is critical. *Pragmatics and Cognition*, *2* (18), 397–421.
Giora, R. (1995). On irony and negation. *Discourse Processes*, *19*, 239–264.
Raskin, V. (2017). Script-based semantic and ontological semantic theories of humour. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 109–125). Routledge.
Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company.

Partington, A. (2007). Irony and reversal of evaluation. *Journal of Pragmatics*, *9* (39), 1547–1569.
Scotto di Carlo, G. (2014). Humour in popularization: Analysis of humour-related laughter in TED talks. *The European Journal of Humour Research, 1* (4), 81–93.
Tsakona, V. (2017). Genres of Humor. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 489–504). Routledge.

Статья поступила в редакцию 18 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 26 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Лебединская Екатерина Юрьевна — аспирант; lebedinskaya.ekaterina.97@mail.ru

Varieties of ironic objection in popular science Internet media text*

E. Yu. Lebedinskaya

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lebedinskaya E. Yu. (2024). Varieties of ironic objection in popular science Internet media text. *Media Linguistics*, *11* (1), 76–102. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.105 (In Russian)

The article focuses on the objectionable potential of irony using popular science media texts. The empirical basis was the hypermedia text of the news about the refutation of the serotonin theory of depression, which predetermined a significant shift in ideas about the disease. The purpose of the article is to identify and analyze the variability in the implementation of ironic objection. The latter seems to be a complexly organized speech action, which is based on goal setting, which constitutes a subgoal in achieving the main communicative goal of the hypermedia text. The pre-established multitasking of the study determined the choice of approach to analysis — the praxeological method of media linguistics. As the analysis of the material has shown, objection demonstrates the moment of transition of scientific knowledge from hypotheticality to a state of epistemological certainty. Objection helps to overcome unproductive tendencies in the system of academic views. Linguistically significant characteristics of ironic objection in popular science media discourse include extensive heuristic potential, projection of the development of epistemological modality, critical rethinking of extra-linguistic situations, involvement of the addressee in discussion, debatable nature, and requiring interpretive effort. The results obtained during the study — linguistic models of the representation of ironic objection — demonstrate a paradigm shift in scientific views about the mechanisms of depressive disorder and the key lines of understanding in the public consciousness of the problems correlated with the identified epistemological crisis. In this study, patterns of speech representation of ironic objection are identified and typologized on the basis of repeated and regularly reproduced linguistic markers.

Keywords: objection, irony, hypermedia text, popular science media discourse.

References

Annenkova, I. V. (2012). *The modern media picture of the world: A non-rhetorical model (Linguistic and philosophical aspect)*. Dr. Sci. thesis. Moscow. (In Russian)
Attardo, S. (2017). The general theory of verbal humour. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 126–143). Routledge.
Attardo, S., Hay, J., Eisterhold, J., Poggi, I. (2003). Multimodal Markers of Irony and Sarcasm. *Humor*, *2* (16), 243–260.

* The research was supported by the grant "Speech practices of objection and ways to overcome them in popular science media communications" (Agreement with the Russian Science Foundation no. 22-18-00184).

Burgers, C., van Mulken, M. (2017). Humor Markers. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (p. 385–399). Routledge.
Chanysheva, Z. Z. (2021). Meganarrative as a tool for structuring media information. *Media Linguistics*, *3* (8), 206–218. (In Russian)
Chernyshova, T. (2021). Language mechanisms of building the ironic text and ways of their linguistic research (linguistic pragmatic aspect). *The European Journal of Humour Research*, *1* (9), 57–73.
Colston, H. (2017). Irony and Sarcasm. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (p. 234–249). Routledge.
Dorozhkin, A. M., Doronin, D. Iu. (2012). Epistemological uncertainty in scientific and mythological rationality. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 2* (18), 87–98. (In Russian)
Duskaeva, L. R. (2012). *The dialogical nature of newspaper speech genres.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
Duskaeva, L. R. (2014). Media Linguistics in Russia: Linguopraxiological dominant. *Media Linguistics, 1* (4), 5–15. (In Russian)
Duskaeva, L. R. (2019). *Stylistic analysis in media linguistics*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
Duskaeva, L. (2021). Humour as an information-influencing resource in mass media. *The European Journal of Humour Research*, *1* (9), 29–43.
Duskaeva, L. (Ed.) (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. Taylor & Francis.
Duskaeva, L. R., Ivanova, L. Iu. (2022). The hypertext of one news item in a media linguistic refraction. *Iuzhnoslavianskii filolog.* Retrieved from https://www.isj.sanu.ac.rs/2022/10/21/juznoslovenski-filolog-lxxviii-1/. (In Russian)
Duskaeva, L. R., Shcheglova, E. A. (2019). The comic in the speech architecture of the news hypermediatext. In *Rusistika v XXI veke: tendentsii i napravleniia razvitiia* (pp. 268–273). Erevan: Erevanskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
Ivanova, L. (2017). Russian-German relations in the discourse of the modern Russian press: Linguistic aspects. *Media Linguistics*, *1* (16), 96–108. (In Russian)
Ivanova, L., Vasileva, V. V. (2021). Humour as a strategy for news delivery: The case of Meduza. *European Journal of Humour Research*, *1* (9), 105–128.
Ivanova, L. Iu. (2021). Speech markers of comic response in international information using new media forms. *Rossiiskie issledovaniia, 2*, 114–120. (In Russian)
Garmendia, J. (2010). Irony is critical. *Pragmatics and Cognition*, *2* (18), 397–421.
Giora, R. (1995). On irony and negation. *Discourse Processes*, *19*, 239–264.
Kharlamova, T. V. (2016). The life of myth in modern political media discourse in the USA and Great Britain. *Media Linguistics, 4* (14), 25–35. (In Russian)
Kobozeva, I. M. (1986). "Theory of speech acts" as one of the variants of the theory of speech activity. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, *17*, 7–21. (In Russian)
Kozharnovich, M. P. (2021). Mediatization of medical discourse: methods, attributes and risks. *Media Linguistics*, *4* (8), 421–437. (In Russian)
Kunaeva, N. V. (2009). *Discourse analysis of statements in a situation of objection: Based on the material of the English language*. PhD thesis. Voronezh. (In Russian)
Lebedinskaia, E. Iu. (2022). Ironic objection in popular science network media text: basic mechanisms. In *Dialog-spor v nauchno-populiarnoi kommunikatsii* (pp. 109–121). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
Leont'ev A. A. (2019). *Applied psycholinguistics of speech communication and mass communication.* Moscow: Smysl Publ. (In Russian)
Luzhnaia, M. M. (2022). Ironic speech acts of disagreement and objections in everyday communication. Research and development. *Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaia kommunikativistika*, *2* (11), 30–39. (In Russian)
Midova, E. O. (2016). Definition of indirect speech act in modern linguistic pragmatics. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, *35*, 208–215. (In Russian)
Ostin, Dzh. (1999). *Selected*. Moscow: Ideia-Press. (In Russian)
Oleshkov M. Iu. (2006). *Modeling the communication process*. Nizhny Tagil: Nizhnetagil'skaia gos. sots.-ped. akad. Publ. (In Russian)
Partington, A. (2007). Irony and reversal of evaluation. *Journal of Pragmatics*, *9* (39), 1547–1569.
Pivovarchik, T. A. (2018). Network medical discourse: communicative practices of thematic Internet communities. *Vestnik VGU. Seriia: Filologiia. Zhurnalistika, 4*, 148–155. (In Russian)
Raskin, V. (2017). Script-based semantic and ontological semantic theories of humour. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 109–125). Routledge.

Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company.
Riazantseva, T. I. (2019). About hypertext categories. *Media Linguistics*, *3* (6), 327–340. (In Russian)
Riazantseva, T. I. (2010). *Hypertext and electronic communication*. Moscow: LKI Publ. (In Russian)
Shilikhina, K. M. (2013). Inappropriate irony and bad joke: markers of switching between bona fide and non-bona fide modes of communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, *5*, 52–59. (In Russian)
Sladkevich, Zh. R. (2019). Announcement headlines in network media services: between informing and clickbaiting. *Media Linguistics*, *3* (6), 353–368. (In Russian)
Sleptsova, M. A. (2008). *Irony as an indirect speech act of negative evaluation*. PhD thesis. St. Petersburg. (In Russian)
Ticher, S., Meier, M., Vodak, R., Vetter, E. (2009). *Methods of text and discourse analysis*. Kherson: Gumanitarnyi tsentr Publ. (In Russian)
Tsakona, V. (2017). Genres of Humor. In *The Routledge Handbook of Language and Humor* (pp. 489–504). Routledge.
Uvarova, E. A. (2019). *Typological characteristics of a news website as a polycode text: using the example of the information portal "The Onion"*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
Scotto di Carlo, G. (2014). Humour in popularization: Analysis of humour-related laughter in TED talks. *The European Journal of Humour Research, 1* (4), 81–93.

Received: August 18, 2023
Accepted: November 26, 2023

Author's information:

Ekaterina. Yu. Lebedinskaya — Postgraduate Student; lebedinskaya.ekaterina.97@mail.ru

УДК 801.03, 81'42 Медиалингвистика. 2024. Том 11, № 1

Юмор в спонтанной медиаречи 2017–2022 гг.: языковые модели и прагматические эффекты

Н. Ю. Мазикова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Для цитирования: Мазикова Н. Ю. (2024). Юмор в спонтанной медиаречи 2017–2022 гг.: языковые модели и прагматические эффекты. *Медиалингвистика*, *11* (1), 103–123. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.106

Работа посвящена изучению современных механизмов создания шутки в спонтанной, естественной, неподготовленной русской речи. Одной из задач исследования было выявление наиболее распространенных языковых моделей создания смешного в спонтанной диалогической медиаречи. Рассмотрены семь видеопрограмм (в жанре интервью, подкастов, развлекательных шоу) на видеоканалах YouTube — с 2017 по 2022 г. Это программы, позиционирующие себя как развлекательный контент: «Вечерний Ургант», Comedy Club, «Сережа и микрофон», «История на ночь». Анализ позволил выделить 104 диалогических единства, содержащих юмористические высказывания, которые затем были тщательно изучены с семантической, прагматической и структурной точек зрения. Отдельно описаны прагматические перлокутивные эффекты данных речевых актов. Особенный интерес вызвали такие реплики-реакции говорящих, которые рождаются «здесь и сейчас», спонтанно, являются не заготовленными шутками, а живым и быстрым откликом на слова собеседника. Изучение материала показало, что основным источником юмора в спонтанном диалоге являются тропы, главные среди которых аллюзия, аллегория и гипербола. Частотны также средства полисемии и случаи нарушения стиля (низкий бурлеск). Чаще всего многозначность, которая доводит публику до смеха, создается с помощью каламбура и антанакласиса. Кроме того, значимы показатели у повторов, которые выполняют вспомогательную функцию, усиливая основной юмористический прием. Главным прагматическим перлокутивным эффектом в медиаречи можно считать радость от узнавания нового смысла, нового взгляда на привычные явления. К творческим проявлениям создающей юмористическое высказывание личности можно отнести «ощущение успеха, триумфа», «удовольствие творца, создавшего уникальный продукт». Шутка в диалоге может выполнять функцию «профилактики агрессивного поведения оппонента». Шутливое высказывание на иронию или сарказм нападающего создает перлокутивный эффект бумеранга, возвращая оценочную эмоцию инициатору-провокатору. Запрос зрителя, который массово смотрит подобные передачи, говорит о том, что данный контент снижает уровень их жизненного стресса, тревожности, напряженности от вызовов реального мира.

Ключевые слова: юмор, медиаречь, диалогическое единство, перлокутивный эффект, спонтанная речь.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Постановка проблемы

В условиях информационной перегруженности общества, в эпоху глобальных изменений в технологической сфере, которые открывают новые возможности для общения, каждая отдельная личность, живущая в развитой или развивающейся стране, испытывает эйфорию и в то же время тревогу и даже усталость от потока ежедневно получаемой информации. Человек, что естественно для его психики, стремится сбросить эмоциональное напряжение, накопленное в течение дня жизни в стремительном XXI в. Наиболее простым и безопасным способом «разрядиться», отвлечься от повседневных забот является известный способ развлечения — общение с приятными человеку людьми. Чаще всего в таком общении спасительным способом расслабиться и испытать положительные эмоции является юмор. Как справедливо отмечает Ю. А. Белютина, чувство юмора иногда «является единственно возможным ответом на стрессовую ситуацию» [Белютина 2013: 105].

Если удовлетворить потребность в личном общении не удается, человек обращается к еще одному простому способу развлечения — просмотру видеопрограмм, в том числе юмористических. Об их эффективности для психики человека можно судить даже по количеству различного развлекательного видеоконтента с элементами юмора: шоу, интервью, подкасты, трансляции и др.

В связи с этим видится актуальным профессиональное изучение современных механизмов создания шутки в спонтанной, естественной, неподготовленной речи: выявление и описание наиболее типичных для речи людей, говорящих на русском языке в последние шесть лет, моделей создания комического, а также анализ прагматических перлокутивных эффектов. Во-первых, как нам представляется, это важно для лингвистики в целом, а во-вторых, имеет практическую пользу, поскольку определение и описание таких моделей поможет тем, кто «учится шутить». Языковой аспект данного явления, по нашему мнению, более полезен, поскольку может дать объективную схему построения шутки, в то время как экстралингвистические факторы, связанные с невербальными средствами (внешние данные человека, поведение, особенности голоса, интонации, подвижность мимики, жесты), навыками пародирования манеры речи других личностей, относятся к более сложной для освоения области — артистичности человека, исполнительскому таланту, харизме.

Интересно с научной точки зрения посмотреть на юмор именно в развлекательных медиа, отражающих основные лингвистические и аксиологические тенденции в развитии современной языковой личности. Выражаясь образно, «какие песни — такие мы», то есть нам видится логичным выбор для анализа спонтанных шуток современного русскоязычного человека диалогов в популярных развлекательных видеопрограммах. При этом важно учитывать, что данный жанр имеет особенности: кроме отражения естественного поведения шутящей личности (живой жизни), данный дискурс содержит элементы массмедийной реальности. По верному замечанию Э. Г. Шестаковой, это усложняет его природу и «приводит к опасной черте, за которой уже нет различия между медиатекстом и живой жизнью» [Шестакова 2022]. Другими словами, стремящаяся вести себя максимально естественно в кадре личность понимает, что за ней следят тысячи

глаз и ее речь не совсем отражает живую жизнь. То есть, анализируя указанный материал, мы можем лишь увидеть закономерности построения современной медиаречи и — частично — современной речи вообще.

История вопроса

Юмор, комическое, пронизывающие человеческую историю, давно привлекают ученых из разных областей знания. В начале XX в. психолог З. Фрейд рассматривал связь юмора с бессознательным. Обращают на себя внимание и современные психологические исследования. Например, Н. Б. Ковалева, опираясь на рефлексивно-позиционный подход к моделированию среды, рассматривает юмор как «способ присутствия в мире», «практику познания мира и себя» [Ковалева 2016: 334].

М. М. Бахтин первым в отечественной науке сосредоточил исследовательское внимание на юморе и создал «теорию смеховой культуры», имеющую в своей основе «карнавальную» природу.

В научной литературе отмечается «трансформация максим П. Грайса в случае комического текста и дефразеологизация как один из базовых принципов порождения юмористического эффекта» [Гуторенко 2016: 183].

Неоднозначность комического показывает С. С. Аверинцев, рассматривая прагматику юмора: смех не всегда явление положительное и безобидное. Кроме положительного или нейтрального смеха над собой, «смеха героя над трусом в самом себе», или смеха ради освобождения от условностей, существует, по мнению исследователя, отрицательный циничный смех, который нередко является формой насилия [Аверинцев 1992].

Касаясь прагмалингвистического вопроса намерений говорящего, произносящего юмористическое высказывание, его иллокутивных целей, ученые (Ю. В. Щурина, Л. И. Шмулевич) выделяют два разных целевых блока: 1) поддержание или продолжение общения, профилактика конфликта и 2) прерывание коммуникации, создание конфликта. К первым мотивам создания комического Л. И. Шмулевич относит «фатическую, развлекательную, эстетическую, функцию повышения самооценки, эстетическую, саморегуляции, катарсическую, парольную, аксиологическую, познавательную, маскировки, социализирующую и креативную, ко вторым — функцию дискредитации и нанесения ущерба адресату». В. З. Санников выделяет также языкотворческую функцию языковой игры, способствующую обогащению языка. Под маскировочной ученый понимает функцию, соответствующую отношению между адресатом и адресантом и позволяющую обойти цензуру [Гуторенко 2016: 186].

В. В. Васильева, Л. Ю. Иванова, обосновывая свою мысль о роли комического в массмедиа (решение профессиональных коммуникативных задач), отмечают, что «современное вещание ориентировано на постоянное удержание внимания реципиента, а эмоциональность, возникающая при использовании шутливой тональности, позволяет уплотнить информационный поток неинформационными средствами и избежать потери контакта со зрителями» [Васильева, Иванова 2020: 212].

Новый этап в распространении юмора в медиа связан с глобальным развитием интернета как площадки для коммуникации пользователей, а также с экспан-

сией социальных сетей, открывающих новые возможности для говорящих [Дускаева 2022]. Также ученые отмечают возрастающее количество примеров «юмористического переосмысления прецедентных текстов» [Гуторенко 2016: 184].

Описание методики исследования

Материалом для анализа послужили семь видеопрограмм (в жанре интервью, подкастов, развлекательных шоу) на видеоканалах YouTube — с 2017 по 2022 г. Это программы, позиционирующие себя как развлекательный контент: «Вечерний Ургант», Comedy Club («Камеди Клаб»), «Сережа и микрофон», «История на ночь». В них ведущие-комики (Гарик Харламов, Павел Воля, Иван Ургант и др.), чаще всего имевшие опыт участия в игре «КВН», беседуют с гостями: известными артистами, певцами, телеведущими, политиками, блогерами и др. Стоит объяснить выбор нами названных программ. Прежде всего, мы ориентировались на популярность некоторых из них («Вечерний Ургант», Comedy Club, «Сережа и микрофон») в среде нашей целевой аудитории, людей 35+. Также был проведен опрос среди аудитории 18+ (студенты журфака Санкт-Петербургского государственного университета), который показал лидирующие программы: «Вечерний Ургант», Comedy Club, «История на ночь», «вДудь»*.

В ходе изучения реплик участников видеопрограмм, их расшифровки было отобрано 104 диалогических единства (далее — ДЕ), содержащих юмористические высказывания. В этом жанре было важно проанализировать такие реплики-реакции говорящих, которые рождаются «здесь и сейчас», спонтанно, являются не заготовленными шутками, а живым и быстрым откликом на слова собеседника. Другими словами, нам было интересно выявить наиболее типичные схемы создания шуток в неподготовленной речи, «самых быстрых шуток», которые могут свидетельствовать не столько о владении говорящим арсеналом риторических средств, сколько о находчивости автора, остроте ума, умении внимательно слушать собеседника и скорости реакции (скорости мышления).

Обнаруженные языковые схемы построения шутки, часто повторяющиеся в медиаречи, мы условимся называть *языковыми моделями*. Модель будем именовать по ведущей в ней, основной риторической фигуре. Однако заметим, что почти каждое из 104 диалогических единств представляет собой комплекс фигур, но в каждом из них, по нашему мнению, присутствует основная фигура, которая задает сообщению юмористический тон, создает скелет шутки. Остальные языковые средства было принято считать сопутствующими, создающими оттенки смыслов и усиливающими основную фигуру в модели, поэтому в названии модели они не отражаются. Кроме найденных и описанных 15 моделей было обнаружено немало ДЕ, юмористический эффект в которых основан на других фигурах речи, однако эти случаи не были частотными.

Заметим также, что плотность юмора в выбранных нами видеопрограммах разная. Хотя все они являются по своей сути развлекательными, не все относятся к юмористическому дискурсу. Например, таковыми нельзя считать интервью на видеоканалах «вДудь»*, «Сережа и микрофон». Длительность программ тоже раз-

* Юрий Дудь признан иноагентом в РФ.

ная: от нескольких минут до полутора часов. Поскольку, как было написано выше, нас интересовали именно языковые средства создания шутки в диалогических единствах, «за бортом» эмпирической базы остались все остальные примеры, не представляющие научного интереса в рамках данной темы.

Особое внимание в эмпирической базе обратил на себя нетипичный для своей деятельности блогер — священник Павел Островский, один из самых популярных и упоминаемых в медиа российских православных священников. Речь личности говорящего в рамках нашей темы интересна самим стилем, который выбрал священник Павел для ведения блога и общения с онлайн-аудиторией. «Православный стендап» — это явление привлекает внимание уже потому, что разрушает традиционный многовековой миф о том, что православные — люди мрачные и считающие шутки недопустимыми. Священник Павел Островский выбрал шутливый, естественный для себя тон общения с молодежью, в связи с чем становится приглашенным гостем во многих развлекательных видеопрограммах.

Для получения указанного в задачах результата нами использовались методы прагматического, контекстуального и сравнительного анализа, лингвостилистической интерпретации текста, количественного анализа случаев применения дискурсивных средств комического, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения.

Анализ материала

Выбранный нами материал мотивирует начать анализ с рассмотрения с позиции прагмалингвистики **диалогического дискурса** вообще. Именно в нем реализуются «оценочные интенции» участников речевого акта, а оценки, как увидим далее, чаще всего лежат в основе шуток.

Прежде всего в этом смысле интересны идеи ученых петербургской школы медиалингвистики, результаты исследований которых широко представлены в опубликованных научных работах, например в монографиях: «The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication» («Этика юмора в онлайн-коммуникация славянских СМИ») [Duskaeva 2022] и «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде» [Дускаева 2022]. В центре внимания оказывается медиакоммуникация, переходящая от массово-ориентированной (вовлечения) в личностно-ориентированную (вовлеченности) и наоборот. Анализируя оценку юмора в медиакоммуникации как диалог, авторы книг используют лингвистический инструментарий. Уделяется особое внимание проблемам восприятия комического сообщения в цикле диалогического взаимодействия [Дускаева, Щеглова 2020].

Рассматривая диалогическое единство в жанрах интервью и стендап-беседы с гостями, важно отметить, что в таких случаях «ответная реплика, структурно завершая исходную, формирует целостный семантический план диалогического единства» [Мкртчан 2009: 276]. Так проявляется «реактивность» автора второй реплики, который успевает принять, переработать воздействие автора первой реплики и креативно (в случае с юмором) выразить свою реакцию.

Если взять за основу классификацию жанров диалогического общения по признаку прагматической направленности языковых единиц С. Г. Агаповой, то анализируемые нами видеопрограммы представляют собой одновременно и **эмоциональный**, и **артистический**, и **интеллектуальный диалог** [Агапова 2002: 23]. Ис-

ключение составляет общение с гостями в программе Comedy Club, где последний тип, надо полагать, не реализуется в полной мере. Для данной программы больше подходит номинация **«диалог-поединок»**, поскольку ее основной смысл — продемонстрировать находчивость ведущих и быструю реакцию на реплики гостей, а не, к примеру, диалог «на равных».

В рамках нашего исследования в первую очередь интересны косвенные тактики речевого воздействия, которые «обеспечивают слушателю “свободу действий” как свободу инициативы и свободу фантазии. Ибо “разгадать” — значит проанализировать, перебрать в своем сознании несколько непригодных вариантов “отгадки” и в конце концов прийти к “правильному решению”» [Клюев 2001: 92]. Рассматривать особые языковые средства создания юмора можно с позиции как стилистики, так и риторики. Нам ближе **риторическая теория фигур**, предлагающая знание о принципах и приемах фигурального выражения. Фигуры с этой точки зрения характеризуются широко и включают в себя тропы. Эти языковые средства создания выразительности являются ошибками с точки зрения логики.

К фонду языковых средств, помогающих создать комическое, традиционно относят средства семантического, синтаксического и прагматического полей: многозначные слова, разновидности языковой игры, пословицы, лимерики, пустоговорки, шутливые высказывания на стенах, юмористические стихотворные высказывания, эмоциональные междометия, экспрессивную лексику, слова-интенсификаторы и др.

Одним из эффективных и наиболее часто применяемых средств являются аллюзии. Вслед за К. А. Радюк [Радюк 2022: 31] в рамках настоящего исследования **аллюзии** будем понимать в широком смысле (аллюзии и цитаты) — как ссылки на события, творческие произведения, известных личностей и др. Использование аллюзий подразумевает наличие у читателя определенных фоновых знаний для ее узнавания. «Метафорические аллюзии, — пишет Е. А. Волгина, — есть та художественная одежда, в которую облекаются мысли писателя для образного прагматического воздействия на читателя. <…> Включение метафорической аллюзии в произведение подчеркивает некую игру авторского интеллекта, при котором создается определенная образная картина» [Волгина 2009: 97].

Ярким тропом, создающим комическое, признан **каламбур**, который строится на полисемии (разные значения одного и того же слова), омонимии (близкие значения одного и того же слова) и омофонии (звуковое сходство слов) и достигает юмористического эффекта благодаря наложению «нового» значения слова на его привычное, традиционное значение. Вследствие такой проекции возникает интересная перекличка смыслов.

Интересным прагмалингвистическим средством можно считать «**ломку четвертой стены**», которая близка к театральной «реплике в сторону». Комический эффект возникает за счет краткого обращения медиаперсоны, увлеченной диалогом с гостем, напрямую к зрителю. Краткая фраза обычно подкрепляется особой мимикой, поворотом головы от собеседника в сторону камеры с крупным планом, как бы ближе к зрителю. Такое поведение показывает, что участники программы осознают игровые условия речевого акта и соотносят их с реальной для зрителя действительностью.

Значимое средство комического — **ирония**. Г. Г. Матвеева и соавторы справедливо считают, что иронические высказывания передают двойное значение. Двойное значение «складывается из значения предложения (экспликатура) и смысла,

подразумеваемого говорящим (импликатура). Соотносится то, что говорится, и то, что имеется в виду, т. е. экспликатура и импликатура. Их несовпадение в той или иной степени аномально» [Матвеева и др. 2013: 75].

Ирония интересна с прагматической точки зрения. В ироническое высказывание адресант вкладывает значение, противоположное прямому. **Насмешка**, **сарказм**, близкие к иронии, также эксплицитно представляют собой положительные или нейтральные высказывания, но имеющие отрицательную импликатуру — неодобрение, осуждение. Другими словами, иронические высказывания предполагают подтекст, который отражает истинное отношение говорящего к тому, что он сказал, и оно всегда отрицательное. С этой точки зрения становится особенно понятно, почему метафорические высказывания нарушают постулат истинности П. Грайса («не говори того, что ты считаешь ложным») [Грайс 1985: 222].

Прагматика иронии, как справедливо отмечают исследователи, определяется ее оценочной функцией: «подвергая критике все то, что он считает несовершенным, адресант воздействует на окружающих» [Черкасова, Макарова 2017: 147].

Носителями иронии с языковой точки зрения могут выступать такие фигуры речи (фигуры в широком смысле слова): метафора, метонимия, гипербола, литота, антифраза, аллюзия, повторы и т. д.

Пародирование, основанное на подражании, в медиадискурсе спонтанной речи в рассматриваемых его формах интервью и беседы не приводит к типичных перлокутивным эффектам (низвержение противника, ослабление уважения к нему). Объекты шуток с передразниванием чаще всего не обижаются, а, напротив, приходят на программу, понимая, что ведущие будут иронизировать по поводу их образа. Надо полагать, такая спокойная реакция на подражательные техники связана, во-первых, с готовностью их встретить, во-вторых, с желанием привлечь внимание ведущих и зрителей к своей персоне и тем самым повысить собственные рейтинги. Именно за этим, например, приходят гости в программу Comedy Club, где в форме стендап-беседы комики Гарик Харламов и Павел Воля общаются с ними, «прожаривают» их (данный глагол, а также его производная — «прожарка» — в настоящее время необычайно популярны в медиаречи).

Одной из моделей иронического высмеивания вербального поведения собеседника является **полное повторение** его **реплики** без искажения и перестановки слов внутри. Часто цитируется фрагмент высказывания оппонента, который кажется производителю шутки наиболее забавным или парадоксальным (для его картины мира), и к этому фрагменту дается комментарий, который показывает, под каким конкретно углом говорящий видит чужую ситуацию комичной. Если говорить о языковых инструментах, то эта модель может создаваться так: *повтор части высказывания собеседника + парцелляция/апосиопезис (намеренный обрыв реплики) + комментарий с градацией/полисемией*.

Еще одним приемом создания смешного в диалогическом единстве является **бурлеск**. Как показал анализ нашего материала, это самое популярное средство в медиаречи (29,8 %) особенно широко представлено в подкасте «История на ночь». Бурлеск В. П. Москвин определяет как «стиль, основанный на комическом несоответствии содержания и формы речи» [Москвин 2011: 153]. Чаще всего в современной медиаречи встречаются примеры использования так называемого **низкого бурлеска**, который помогает создать иронию при описании возвышенной темы

средствами низкого стиля (бранной и грубопросторечной лексики, обсценизмов, вульгаризмов).

Ниже приведен более подробный анализ некоторых из названных средств создания комического, наиболее специфично проявляющихся в контексте спонтанной диалогической речи.

Языковые модели создания смешного в спонтанной медиаречи

Одной из задач нашего исследования было выявление наиболее распространенных языковых моделей создания смешного в спонтанной диалогической медиаречи. Анализ семи видеопрограмм в жанре интервью, подкаста, развлекательного шоу позволил выделить 104 диалогических единства, которые затем были тщательно изучены с семантической, прагматической и структурной точки зрения. Количественные результаты будут представлены ниже, здесь же остановимся на анализе основных особенностей выявленных моделей.

1. **Модель с полисемией, антанакласисом** является одной из наиболее популярных моделей построения шутки в диалоге на основе реплики собеседника:

Гарик Харламов: *Ты стала участницей «Ледникового периода»*.

Ольга Бузова: *Я* ***тяну ножку*** *каждый день*.

Гарик Харламов: *Я, честно говоря, тоже* ***тяну ножку*** *каждый день, но из KFC*[1].

Ведущий-комик повторяет фрагмент высказывания гостя, но вкладывает в слова другой смысл. В данном случае многозначным является целое словосочетание «тяну ножку». Ольга Бузова говорит о его спортивном значении — о «растяжке для занятий фигурным катанием», а Гарик Харламов имеет в виду гастрономический смысл — «брать и есть куриную ножку». Комический эффект усиливается знанием контекста: Гарик Харламов не обладает атлетичным телосложением и злоупотребляет едой. Таким образом, создаваемая самоирония приводит к эффекту доверия зрителя к говорящему, который честен перед адресатом.

2. **Модель с гиперболой** наиболее частотная, легко создаваемая в спонтанной речи и эффективная в своем воздействии на реципиента:

Павел Воля: *Как личнуха?*

Гарик Харламов: *Как Дава?*

Ольга Бузова: *Я решила личную жизнь не обсуждать свою*.

Гарик Харламов: *Че это вдруг? То есть* ***80 лет обсуждали мы все****. И тут вдруг… Нам-то интересно*[2].

Последняя реплика Гарика Харламова вызывает у собеседницы и зрителей громкий смех, так как построена на искусстве намека. Первой частью фразы комик намекает, не говоря прямо, на то, что Ольга Бузова как раз известна тем, что ее личная жизнь на виду и очень обсуждаема. Далее ведущий поясняет свой намек, используя гиперболу *80 лет обсуждали мы все*, которая, дополненная, усиленная антитезой и *тут вдруг* с резким обрывом фразы, апосиопезой, показывает смысл шутки: вскрыть противоречие между словами собеседницы и реальной действительностью, уличить ее в лукавстве.

---

[1] Камеди Клаб. Гарик Харламов, Павел Воля, Савко, Ольга Бузова. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=fpYjLGGVP5Q.

[2] Там же.

Яркий пример **гиперболы**, доведенной до абсурда, находим в подкасте «История на ночь»:

Женя: *Ваши самые яркие ассоциации с Гераклом?*

Томас: *Я помню, что у него выкалывал орел…*

Женя: *У Прометея?*

Томас: *Да-да, у Прометея… А, ну пятку, как раз-таки в пятку его и ранили. Правильно? Еще он бог молний. Он себе построил крылья, подлетел близко к солнцу. А, ну он был очень красивый, увидел себя в зеркале и решил себя… А, он Медуза Горгона!*[3]

Второй комик, отвечающий на вопрос первого, ошибся фактически, спутав Геракла с Прометеем, но вопрос собеседника с предложением верного ответом позволил говорящему, оказавшемуся в кризисной ситуации ошибки, найти оригинальное творческое решение выхода из нее — с помощью шутки, построенной на гиперболическом доведении до абсурда своей же ошибки. Комик стал как бы подбирать характеристики Геракла, на самом деле имея в виду совсем других героев, кому они действительно принадлежат: Ахиллеса, Зевса, Икара и др. Таким образом можно замаскировать ошибку, создав имитацию театральной игры, шутовства. Умный слушатель понимает, что автор шутки ошибся, и решил «выкрутиться» с помощью игры умного (который, конечно, знает, кто такой Геракл) «в дурачка», но само умение комика быстро ориентироваться в диалоге, в ситуации ошибки и создавать с помощью фигур речи интересную игру нравится реципиенту и в конце концов вызывает у него симпатию. Человека, который умеет подшутить над собой, всегда воспринимают лучше, чем человека, высмеивающего пороки других.

3. **Модель с тмезисом (вставкой)**, как показал наш материал, более характерна для интервью с участием более двух человек. Так, два комика в шоу Comedy Club, разговаривая с гостем или гостями, нередко обрывают их фразы, вставляя «ненужные комментарии»:

Ольга Бузова: *Я тут* ***подумала****…*

Гарик Харламов: *Так. Это* ***что-то новенькое****!*

Павел Воля: *Ребята!* ***Исторический момент****, запоминайте. Второй раз такое будет* ***через 40 лет****!..*

Ольга Бузова: ***…и решила****: может, действительно, счастье любит тишину?*[4]

Первый ведущий, обрывая собеседницу, вставляет свой комментарий, который развивает, подхватывает второй ведущий. Таким образом вместо обычной, нейтральной фразы Ольги Бузовой *Я тут подумала и решила* создается интересное комичное диалогическое единство, построенное по схеме тмезиса, то есть «ненужной вставки», вторгающейся туда, где она быть не должна. Сама шутка построена на ироническом высмеивании слова гостя программы *подумала*. Противопоставление ведущего, антитеза *Это что-то новенькое* намекает на контекст: общественность воспринимает Ольгу Бузову в основном как легкомысленную исполнительницу, не отличающуюся интеллектуальными способностями. По другому принципу строит свою шутку второй ведущий, Павел Воля, как известно, имеющий филологическое

---

[3] Подвиги Геракла | История на ночь 43 (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=v6S_0xVZeu4.

[4] Камеди Клаб. Гарик Харламов, Павел Воля, Савко, Ольга Бузова. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=fpYjLGGVP5Q.

образование. Он с помощью гиперболы доводит до абсурда мысль о том, что ситуация, когда Ольга Бузова может думать, невероятна.

По такой же схеме построено другое диалогическое единство:

Ольга Бузова: *Я обладаю суперкачеством: я никогда…* (оговаривается, подыскивает нужное слово) *я всегда вижу…*

Павел Воля: «*Я никогда», «я всегда» — суперкачество! Я вижу — я ни черта не вижу. Я вас слышу — алло, алло-о-о* (бьет по уху). *Я вот к вам пришла — все, я пошла, удачи вам*[5].

Ведущий обрывает гостя на полуслове, вставляя на первый взгляд несущественный комментарий, который, в свою очередь, основан на повторе части реплики собеседника и помещает его в новый контекст, что создает полисемию (по принципу антанакласиса). Далее подмеченный смысл разворачивается в небольшой монолог ведущего, который использует гиперболичные параллельные синтаксический ряды, заостряя шутку, доводя ее до абсурда.

Отметим, что вообще приемы, использованные ведущими шоу для создания комического, небезобидны по своей сути, могут легко задеть собеседника, поскольку высмеивают отрицательные черты, часто не присущие этому человеку, а домысленные массами. Но в рамках программы Comedy Club такой сценарий диалога с его остротой и порой саркастической направленностью не возмущает гостей, так как, повторимся, он известен заранее. В связи с этим можно предположить, что гостями шоу становятся люди, которые могут посмеяться над собой и спокойно относятся к критике.

4. **Модель с диафорой** (повтором) нередко встречается в разговорном дискурсе. Говорящий подхватывает реплику собеседника, повторяет слово, но усиливает его интонационно:

Светлана Лобода*: Мы с ней [Леди Гагой] курили, стояли на балконе* (недоуменный взгляд Ивана, пауза, смех Лободы). *Но **я не курю**!*

Иван Ургант: *Ну, **вы не курили*** (громко, удивленно подняв брови), ***конечно**. Не-не-не-не, конечно* (с серьезным лицом).

Светлана Лобода: *А **она курила.***

Иван Ургант: ***Она курила**, конечно, **курила*** (с акцентом на слове). ***Кололась**… **А вы стояли** просто…* (смех Лободы). *Вы стояли, вы **делали упражнение** на пресс*[6].

В данном случае ведущий Иван Ургант, беседуя с певицей Светланой Лободой, сначала диафорическими повторами показывает собеседнице, что верит ей, но затем продолжает градационный ряд *курила, кололась*, использует гиперболу и затем сразу создает антитезу а *вы стояли, делали упражнение*. Таким образом создается обратный эффект: ведущий показывает, что ситуация, описываемая собеседницей, маловероятна, и, скорее всего, все было иначе. Однако комплекс использованных фигур и серьезный вид Ивана создают комичный эффект: смеются зрители, смеется сама Светлана.

Интересный пример модели с диафорой — диалог с политиком Владимиром Жириновским в программе «Вечерний Ургант»:

---

[5] Там же.

[6] Вечерний Ургант: LOBODA (2018). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=-WOo_xd-O7Q.

Владимир Жириновский: *Вспомните ваших соседей, которые сверху топают… Они решили жилищную проблему: из подвалов в хрущевки. И все знают* (показывает вверх) — *там кровать скрипит. От чего она скрипит?*

Иван Ургант: *Ну, не говорите* (Ургант говорит громко, быстро, с интонацией предостережения, делает останавливающий жест, дотрагиваясь до руки Жириновского). *Понятно все.*

Владимир Жириновский: *Кому* ***это надо****?*

Иван Ургант: *Никому* ***это не надо*** *вообще!!!* (громко, выразительно, мимически подчеркнуто: удивленные глаза, горизонтальные жесты ладонью, означающие «не нужно»)[7].

5. **Модель с градацией-климакс** весьма интересна, но не так часто встречается в спонтанном диалоге. Она, полагаем, связана с определенными интеллектуальными способностями носителя языка, особенностью мышления (умение быстро проводить параллели между предметами и явлениями, выявлять их сходства и различия, ранжировать по значимости и др.), предполагает виртуозное владение средствами выразительности. Например:

Владимир Жириновский*: Было б хорошо, если б люди могли каждый день надевать* ***новую*** *одежду, в питании что-то* ***новое*** *было. Друзья* ***новые****… Нас* ***утомляет все*** *то, что одно и то же.* ***Ведущие новые****!* (с повышением громкости голоса на слове «ведущие», изменением положения тема: выпад корпусом в сторону ведущего, хитрая и довольная улыбка).

Иван Ургант*: Ай, молодец! А я вам так отвечу:* ***политики новые****, Владимир Вольфович!* (эмоционально, громко, выпад корпусом в сторону гостя)[8].

Рис. 1. Скриншоты программы «Вечерний Ургант», демонстрирующие изменения невербального поведения собеседников

Диалог Ивана Урганта и политика Владимира Жириновского тактически напоминает фехтование, когда соперники поочередно атакуют друг друга, делая выпады, отражая нападение противника. В данном примере собеседники незлобно шутят, хотя по факту их намеки являются обвинениями друг друга в том, что их утомляют привычные политики, ведущие, и еще (читается такой подтекст): «меня утомляет Иван Ургант», «меня утомляет В. Жириновский». Прагматический эффект незлобного подшучивания возникает именно благодаря примененным косвенным тактикам речевого воздействия. Создаваемый В. Жириновским «здесь

[7] Вечерний Ургант (2016). *YouTube.* https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/vecherniy-urgant-638-vypusk-ot-29042016.

[8] Вечерний Ургант (2016). *YouTube.* https://www.1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/vecherniy-urgant-638-vypusk-ot-29042016.

и сейчас» градационный ряд *новая одежда — новое питание — новые друзья* театрально завершается самым ярким элементом — *новые ведущие*. Вне контекста шутка не будет считана, но, учитывая невербальное поведение говорящего, можно понять, что это аллюзия, намек на, например, ведущего И. Урганта, который является самым популярным на «Первом канале» и действительно теоретически мог бы утомить зрителей своим присутствием в медиа. Последняя эмоциональная фраза в монологе Жириновского — это, с одной стороны, диафорический повтор, как бы ненужная вставка, с другой — аллюзивный намек с недосказанностью. Заданную модель говорящего подхватывает ведущий и после слов похвалы за удачную шутку предлагает свое решение этого градационного ряда — *политики новые*, направляя бумерангом энергию юмора и экспрессию своему визави.

6. **Модель с амфиболией:**

Савко: *я решил не заниматься больше своим Тик-Ток'ом. Это будет последнее видео, уходящее*.

Гарик Харламов: *Прям жирная точка.*

Савко: *Жирная точка*

Гарик Харламов: *Я про себя*[9].

Без контекста не понятен смысл заложенной иронии. Шутка построена на многозначности слова «жирный». Гарик Харламов словами *я про себя* имеет в виду известный посвященным контекст: ведущий полноват и часто самокритично незлобно шутит по этому поводу, позволяя это делать и коллегам по юмористическому цеху.

7. **Модель с гипербатоном:**

Ольга Бузова: *Рада вас видеть, соскучилась.*

Павел Воля: *Мы тоже очень рады тебя видеть. Мы не скучали* (смущенный взгляд вниз, тихий голос на последней фразе)[10].

Здесь видим, как остроумный ведущий, внимательно выслушав собеседника, подхватывает его реплики, практически полностью повторяя ее первую часть *рада вас видеть*, однако снабжает повтор резкой паузой и неожиданным комментарием *мы не скучали*, как бы несущественным, произносимым тихим голосом и сопровождаемым скромным взглядом вниз. Комический эффект строится как раз на том факте, что данный комментарий является важным, существенным, поскольку он полностью противоположен словам собеседницы и понятен аудитории, так как Ольга Бузова, ввиду своей популярности и участия в различных шоу и программах, может казаться назойливой медиаперсоной, скучать по которой точно невозможно.

8. **Модель с зевгмой** можно признать самой яркой, поскольку сталкиваются слишком контрастные, резкие значения слова. Например:

NILETTO: *Я дарю эту песню людям*.

Гарик Харламов: *Мне кажется, лучше носки*[11].

---

[9] Камеди Клаб. Гарик Харламов, Павел Воля, Савко, Ольга Бузова. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=fpYjLGGVP5Q.

[10] Там же.

[11] Камеди Клаб. Харламов, Воля, Клава Кока, NILETTO DAVA. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=J8nCe0gJ6HE&list=RDfpYjLGGVP5Q&start_radio=1&rv=fpYjLGGVP5Q.

Гарик Харламов довольно быстро подбирает другой смысл к слову *дарить* и переводит диалог из романтической сферы творчества в сферу бытовую, материальную, сознательно опошляя высокие понятия, предполагаемые собеседником. В ответной реплике комика зевгма создается с эллиптическим пропуском главного слова *дарить*, что связано с экономией речевых усилий в разговорном дискурсе.

Однако отметим, что данная модель не так распространена в спонтанной речи, поскольку требует глубокой сосредоточенности говорящего на значении слова, то есть большего времени на поиск эффектного варианта. Она более характерна для письменного дискурса.

9. **Модель с антитезой**, противопоставлением, разъединением понятий. Разное, разделенное всегда привлекает внимание реципиента.

А. Павел Островский*: Враги — это те, кто рядом. И вот их любить — это реально подвиг. Вот если ты станешь моим домашним, ну предположи, у тебя закончились деньги, у тебя нет ничего и ты попросился жить у меня на кухне. Вот с этого момента* ***мне придется тебя любить****.*

Сергей Мезенцев*: Да. А* ***жру я много***[12].

Здесь комический эффект основан на противоречии: гостя, живущего на кухне, нужно любить, согласно христианскому учению, но любить его сложно или невозможно, так как он много ест, что не может радовать экономных хозяев. В приведенном примере резкость разности создается также с помощью эллипсиса — пропущена логическая связка «а любить меня невозможно, потому что».

Б. Женя: *Геракл и Геркулес: чем они отличаются?*

Томас: ***Один*** *— это древнегреческий* ***герой, другой — овсяные хлопья***[13].

Во втором примере видим противопоставление двух значений одного слова по схеме антитезы. Слишком ошарашивающее столкновение смыслов *один — герой, другой — овсяные хлопья* (хотя и Геркулес, и Геракл — герои мифов соответственно Древнего Рима и Древней Греции) дает основание отнести этот пример к зевгме.

10. **Модель с эллипсисом** можно отнести к искусству намека. Весь смысл высказывания не разворачивается перед умным собеседником, способным достроить усеченную фразу.

Сергей Мезенцев: *А что, нельзя второй раз креститься? Ну, типа уровень PRO.*

Павел Островский: *Нет. Ну, а как вот у тебя, например… ты женился, а спустя десять лет ты понял, что теперь, наконец, жену я люблю. Ну и что — пойдешь еще раз в ЗАГС, что ли?*

Сергей Мезенцев: *Павел, люди женятся по десять раз. Одни и те же, одна и та же пара. Просто от любви. «Давай еще раз праздник закатим!» — «А давай!».*

Павел Островский: *Нет,* ***Церковь более умная***[14].

Здесь гость программы умолчал о важном связующем фрагменте после реплики ведущего: «*Нет, Церковь так не поступает, не совершает одни и те же Таин-*

---

[12] Православный стендап | Священник Павел Островский. Подкаст «Сережа и микрофон». (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=BuV2iQdG07s.

[13] Подвиги Геракла | История на ночь 43 (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=v6S_0xVZeu4.

[14] Православный стендап | Священник Павел Островский. Подкаст «Сережа и микрофон». (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=BuV2iQdG07s.

ства несколько раз». Такие резкость, экспрессивное сближение понятий приводят к эффекту неожиданности и вызывают улыбку.

11. **Модель с аллюзией, намеком**. То, на что намекает говорящий, не называется прямо.

Павел Островский: *Смотрел «Игру престолов»?*

Сергей Мезенцев (смущенно, опустив глаза, путаясь): *См… там… не с первого сезона.*

Павел Островский: *Покаешься потом* (улыбается хитро, потирая усы)[15].

Священник Павел Островский намекает на то, что непросмотр ведущим сериала «Игра престолов» сродни греху, в котором нужно каяться, исповедоваться перед Богом. Юмористический эффект создан благодаря отсылке к такой нереалистичной гиперболизированной картине: непросмотр развлекательных фильмов — это не грех, в котором нужно каяться.

12. **Модель с аллегорией** нечасто встречается в спонтанном диалоге, но чрезвычайно эффективна. Она связана с искусством намека:

А. Ольга Бузова (Харламову): *У тебя может попереть карьера. А дальше программы, «Ледниковый период», фигурное катание. Садись на пистолетик! Сейчас Авербух это увидит и* ***возьмет тебя*** *в следующий сезон!*

Гарик Харламов: *Авербух* ***возьмет меня****?! Я что —* ***«папина дочка»****?*[16]

Перлокутивный юмористический эффект возникает вследствие созданной аллегории, которая основана на повторе слова (антанакласис) *возьмет* с другим значением: не «примет в коллектив», а «женится» (возьмет в жены) и «примет под опеку». Аллегория связана с проекцией на реальную картину из жизни режиссера спортивного шоу «Ледниковый период» Ильи Авербуха, который женился на актрисе Лизе Арзамасовой, известной по роли в сериале «Папины дочки». Таким образом, во фразе *Я что — «папина дочка»?* создается двойная аллегория на реальную супругу Авербуха и на героиню сериала Полину Сергеевну, «одну из дочек», которую по занимаемой роли дочери можно родительски опекать. Так в мышлении адресата рисуется картинка, которая затем расшифровывается в предполагаемую мысль Харламова: «*Я не Лиза Арзамасова, не героиня сериала “Папины дочки”, меня режиссер Авербух не может взять в жены*».

Б. Женя: *Они, чтобы определить, где чей ребенок, положили двух змей в люльку к детям.*

Томас: *Ну да, как еще* ***генетический тест*** *выглядит?*[17]

13. **Модель с оксюмороном.** Говорящий создает шутку, объединяя необъединяемое:

Павел Воля: *Накаченное тело у тебя. Ты такой мощный, весь такой с виду агрессивный. И —* (тонким голосом) *«Люби-имка», «Кра-аш»… Ты смесь Макгрегора и Шатунова! Ты перекаченная Таня Буланова. Ты очень брутальный и очень ванильный такой.*

Гарик Харламов: *Я понял, ты торт с колбасой.*

---

[15] Там же.

[16] Камеди Клаб. Гарик Харламов, Павел Воля, Савко, Ольга Бузова. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=fpYjLGGVP5Q.

[17] Подвиги Геракла | История на ночь 43 (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=v6S_0xVZeu4.

Павел Воля: *Ты плюшевый хаммер!*

Гарик Харламов: *Шоколадный молоток!*[18]

Яркие метафоры привлекают к себе внимание своей паралогичностью, подтверждая идею о том, что ошибка (с точки зрения логики) — основа комического.

14. **Модель с низким бурлеском.** Модель основана на смешении стилей — высокого и низкого:

А. Женя: *Он* [Геракл] *очистил конюшни, убил хозяина и: «Ну вроде так же договаривались? Нет?»*.

Расул: *Очистил конюшни, убил этого* ***типа*** *и такой: «****По-справедливому****!»*[19]

Б. Женя: *Был суд. И суд его* [Геракла, убившего своего учителя] *оправдал.*

Расул: ***Батя*** [Зевс] ***влиятельный***[20].

В данном случае, как видим, о событиях, относящихся к классической античной литературе («Мифы Древней Греции») и изложенных в первоисточнике высоким стилем, говорится низким стилем, с обилием вульгаризмов, сленга, что создает бурлеск. Приведенные примеры содержат также аллюзию. Расул часто добавляет комментарии к и без того бурлескному пересказу Женей подвигов Геракла. Эти комментарии намекают на современные ситуации и чаще всего связаны с «блатным» и уголовным дискурсом, где «влиятельный батя» (отец, имеющий деньги, статус) может «решить вопрос» (вызволить сына из опасности тюремного заключения).

15. **Модель с аллегорией и низким бурлеском.** В ходе исследования было обнаружено немалое число таких диалогических единств, где два средства создания шутки — низкий бурлеск и аллегория — неразрывно связаны:

А. Женя: *Он* [Геракл] *все ей рассказал. И Ипполита такая: «****Что за*** *история? Ты можешь забрать пояс* ***без проблем. Реально****. Я тебе его отдам, потому что,* ***чувак****, это история, это* ***кейс****, это* ***западная крутая интеграция****. Мы сможем с этим работать»*.

Расул: «*Это западная история: ты отец, ты вдовец. Это драма. Сразу охватим* ***аудиторию 25–35+****»*[21].

Б. Женя: *Атлант переложил на плечи Гераклу небо, сам отправился за яблоками. Пошел, взял яблоки и такой: «А* ***че*** *я вообще?* ***Горбачусь*** *на этой работе, ни удовольствия, ни* ***прикола****?..»*

Расул: *Тем более яблочки три,* ***золотых****…*

Женя: *По нынешнему-то* ***курсу****! Нормально! Он как будто* ***мотивационного оратора*** *какого-то посмотрел — из* ***офиса решил уйти****. Такой: «Все, я увольняюсь!»*[22]

Данная модель содержит в качестве дополнительных усилителей средства повтора, эллиптичные конструкции, однако основными следует признать низкий бурлеск, дающий изобилие сленговых и просторечных слов там, где им не место, и аллегории, также соотносящие ситуацию из древнегреческого мифа с совре-

---

[18] Камеди Клаб. Харламов, Воля, Клава Кока, NILETTO DAVA. Comedy Club (2020). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=J8nCe0gJ6HE&list=RDfpYjLGGVP5Q&start_radio=1&rv=fpYjLGGVP5Q.

[19] Подвиги Геракла | История на ночь 43 (2022). *YouTube*. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=v6S_0xVZeu4.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

менной реальной жизнью: хитрость Атланта, уставшего держать на своих плечах небосвод и решившего переложить его на плечи Геракла, сравнивается с революционным решением бросить работу офисного служащего, уставшего работать «на дядю» с 9 до 18 часов и наслушавшегося «мотивационных тренеров».

Результаты исследования

Подсчет частотности каждого языкового средства и их комплексных сочетаний позволил выявить наиболее типичные языковые модели, помогающие говорящему быстро пошутить, реагируя на слова собеседника или на происходящее событие. Можем сделать вывод об особых условиях функционирования известных риторических фигур в конкретном контексте спонтанной речи.

Прежде чем подвести количественные итоги нашего исследования, следует обратить внимание на систему подсчетов. Нами была выбрана отправная точка — 104 диалогических единства, которые мы признали наиболее успешными с точки зрения реализации юмористической интенции. Однако найденных в них фигур речи гораздо больше 104, поскольку практически каждое диалогическое единство построено на **комбинации нескольких фигур**. В связи с этим мы приняли решение считать частотность каждой фигуры относительно общего числа ДЕ, равного 104 (результаты приведены в таблице).

Итак, анализ выбранных развлекательных программ показал, что основным источником юмора в спонтанном диалоге являются **тропы** (70,2 %), главные среди которых *аллюзия* (20,2 % от общего числа), *аллегория* (18,3 %) и *гипербола* (17,3 %).

Вдвое меньше, но все же достаточно много, чтобы попасть в число основных языковых средств создания юмора, случаев **полисемии** (28,8 %) и **нарушения стиля** (29,8 %). Чаще всего многозначность, которая доводит публику до смеха, создается с помощью *каламбура* (11,5 %) и *антанакласиса* (10,6 %).

Также значимые показатели у **повторов** (23 %). Но, как показал наш качественный анализ, повторы в основном выполняют вспомогательную функцию, усиливая основной юмористический прием.

В сводной диаграмме (рис. 2), представлены наиболее частотные в диалоге фигуры речи, принадлежащие к трем большим группам: тропам, средствам полисемии, стилистическим средствам.

Перлокутивные эффекты

Поскольку наша работа посвящена изучению внутренних механизмов создания шутки, рождения шутливого подтекста у творящей личности, обратим внимание на **эвристическую** и **саморегулирующую** функции юмора. Последняя подразумевает освобождение человека от страхов, «внутренних барьеров и внешних запретов» [Черкасова, Макарова 2017: 147]. Смех с этой точки зрения помогает разрядить обстановку в напряженной или кризисной ситуации. И хотя сами рассматриваемые нами видеопрограммы нельзя назвать напряженными ситуациями, но запрос зрителя, который массово смотрит такие передачи, говорит о том, что данный контент снижает уровень их жизненного стресса, тревожности,

Таблица. **Фигуры речи в спонтанном диалоге (в развлекательном медиаконтенте), создающие юмор**

Фигура речи	Количество употреблений в 104 ДЕ	Процент употреблений (в 104 ДЕ), %
Полисемия:	*30*	*28,8*
Амфиболия	5	4,8
Зевгма	2	1,9
Антанакласис	11	10,6
Каламбур	12	11,5
Повторы:	*24*	*23*
Гипербатон	7	6,7
Диафора	8	7,6
Синтаксический параллелизм	9	8,7
Структурная деформация:	*13*	*12,5*
Апокопа	1	0,96
Эллипсис	5	4,8
Апосиопеза	5	4,8
Анаграмма	2	1,9
Тропы:	*73*	*70,2*
Гипербола	18	17,3
Литота	4	3,8
Антитеза	7	6,7
Аллегория	19	18,3
Оксюморон	1	0,96
Аллюзия	21	20,2
Метафора	2	1,9
Эвфемизм	1	0,96
Вставка:	*3*	*2,9*
Тмезис	3	2,9
Нарушение стиля:	*31*	*29,8*
Низкий бурлеск	31	29,8

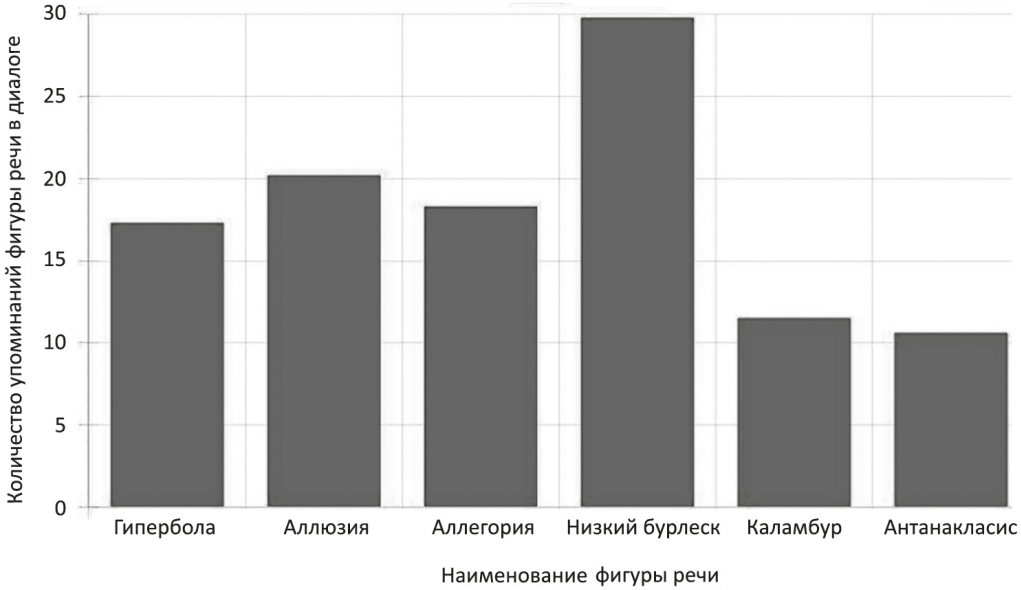


Рис. 2. Наиболее частотные в диалоге фигуры речи, создающие юмор

напряженности от вызовов реального мира. Такой юмор, транслируемый в медиа, «лечит» зрителя, а следовательно, очевидна реализация саморегулирующей функции.

Главным прагматическим перлокутивным эффектом в медиаречи можно считать радость от узнавания нового смысла, нового взгляда на привычные явления. К творческим проявлениям создающей юмористическое высказывание личности можно отнести эффекты: «торжество собственного “я” над неким объектом» [Белютина 2013: 100], ощущение успеха, триумфа, удовольствие творца, создавшего уникальный продукт.

Шутка в диалоге может выполнять функцию профилактики агрессивного поведения оппонента. Обычно это случается в дискурсе провокации. Шутливое высказывание на иронию или сарказм нападающего создает перлокутивный эффект бумеранга, возвращая оценочную эмоцию инициатору-провокатору. Здесь можно говорить о переакцентуированной тональности, диалог выходит из информационной сферы и переходит в сферу высокой экспрессивности.

Именно по такому сценарию чаще всего происходили интервью в программе «Вечерний Ургант», когда шутливого и «поджаривающего» гостей ведущего Ивана Урганта сами гости ловили на провокации, подхватывали тон и возвращали интенцию оценки или намека. Такая кульминационная перепалка остротами обычно вызывает громкий смех и самих участников, и зрителей, служит средством эмоциональной разрядки и получения удовольствия от интересного зрелища.

Выводы

По верному замечанию Д. С. Артамонова, «смех выстраивает своего рода антимир, одновременно создавая и разрушая мир настоящего. Смех не исправляет общественную ситуацию, а служит инструментом изменения отношения к ней»

[Артамонов 2021: 217]. Последнее крайне важно в контексте жизни современного общества, оценивающего реальные условия (экономические, политические, экологические) как нестабильные и сложные. Именно поэтому выделенные нами жанры медиа, использующие инструменты создания смешного, есть и будут необычайно популярными у массового зрителя, который воспринимает их как «увлекательный аттракцион», временно уносящий от повседневных забот и проблем.

Вторая сторона в теме создания комического — это позиция самого творца, талантливого журналиста, блогера, неординарной и яркой личности, получающей возможность выразить свой креативный потенциал, используя вербальные средства, чаще всего относящиеся к сфере риторических фигур.

В диалогических единствах жанра интервью и стендап-беседы были выявлены особые средства создания смешного. В этом виде речевого акта участники обмениваются мнениями, часто диаметрально противоположными. Юмористический эффект чаще всего возникает на противопоставлении двух моделей мышления. Зритель наблюдает столкновение, борьбу реплик, напоминающую игру в пинг-понг, где атаку говорящего останавливает удар противника. Шутка нередко строится именно на прерывании реплики собеседника. Говорящий как бы ухватывается за слово (часто противоречивое или многозначное) оппонента, масштабирует, усиливает, видоизменяет его и возвращает с заложенной новой энергией и своим взглядом, новым для оппонента. Удивление последнего от неожиданного поворота, от нового взгляда на вещи, контрастирующего с его собственным, и вызывает перлокутивный эффект шутки, а именно «любознательное удовольствие».

В завершение стоит добавить, что наше исследование моделей создания юмора и перлокутивных эффектов в спонтанной медиаречи будет продолжено: целесообразно обратиться также к монологической речи в репортаже и в формате прямого эфира блогера.

Литература

Аверинцев, С. С. (1992). Бахтин, смех, христианская культура. В Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич (Ред.), *М. М. Бахтин как философ* (с. 9–21). М.: Наука.

Агапова, С. Г. (2002). *Прагматические особенности английской диалогической речи*. Ростов н/Д.: АПСН.

Артамонов, Д. С. (2021). Юмор в исторической памяти: от анекдота и карикатуры к интернет-мему. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, *3* (3), 213–237.

Белютина, Ю. А. (2013). Юмор как инструмент социопрагматического воздействия. *Известия Смоленского государственного университета*, *2* (22), 98–106.

Васильева, В. В., Иванова, Л. Ю. (2020). Шутливая тональность как инструмент организации взаимодействия в новостном телевизионном коммуникате. *Медиалингвистика*, *2* (7), 212–224.

Волгина, Е. А. (2009). Метафорическая аллюзия и ее прагматический потенциал. В *Прагмалингвистика и практика речевого общения: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 3* (с. 97–100). Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ.

Грайс, П. (1985). Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*, *16*, 217–237.

Гуторенко, Л. С. (2016). К вопросу о предпосылках лингвистических исследований юмора в сети «Интернет». *Вестник Московского университета*, *3* (19), 83–191.

Дускаева, Л. Р. (Ред.) (2022). *Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде*. М.: Флинта.

Дускаева, Л. Р., Щеглова, Е. А. (2020). Восприятие комического текста-пранка в диалоге сетевого общения: постановка проблемы. *Медиалингвистика, 2* (7), 238–249.

Клюев, Е. В. (Ред.) (2001). *Риторика*: *Инвенция. Диспозиция. Элокуция.* М.: Приор.

Ковалева, Н. Б. (2016). Действительность юмора как среда и средство рефлексивно-позиционного понимания мира и себя. *Психология и психотехника, 4* (91), 330–342.
Матвеева, Г. Г., Ленец, А. В., Петрова, Е. И. (2013). *Основы прагмалингвистики*. М.: Флинта.
Мкртчан, Т. Ю. (2009). Исследование диалогической речи в рамках функционально-прагматического подхода. В *Прагмалингвистика и практика речевого общения: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 3* (с. 276–281). Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ.
Москвин, В. П. (2011). Бурлеск в свете античной теории трех стилей. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 8* (62), 151–156.
Радюк, К. А. (2022). Языковые средства комического в англоязычном дискурсе комикса. *Дискурс профессиональной коммуникации, 3* (4), 29–38.
Черкасова, Е. В., Макарова, М. Е. (2017). Прагматика иронии и юмора: две грани комического. *Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики, 1* (4), 147–151.
Шестакова, Э. Г. (2022). Природа и функции трагифарса в реальном шоу (на материале украинских проектов «Меняю жену» и «Здравствуйте, я ваша мама!»). *Медиалингвистика*, *1* (9), 32–50.
Duskaeva L. (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. Abingdon: Routledge.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 23 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Мазикова Наталья Юрьевна — канд. филол. наук, доц., ст. преп.; newnat46@yandex.ru

Humor in spontaneous media speech in 2017–2022: Language models and pragmatic effects

N. Yu. Mazikova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Mazikova N. Yu. (2024). Humor in spontaneous media speech in 2017–2022: Language models and pragmatic effects. *Media Linguistics*, *11* (1), 103–123.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.106 (In Russian)

The work is devoted to the study of modern mechanisms for creating a joke in spontaneous, natural, unprepared Russian speech. One of the objectives of the study was to identify the most common language models for creating the funny in spontaneous dialogic media speech. Seven video programs (in the genre of interviews, podcasts, entertainment shows) on YouTube video channels were considered — from 2017 to 2022. These are programs that position themselves as entertainment content: “Evening Urgant”, “Comedy Club”, “Seryozha and Microphone”, “Night Story”. The analysis made it possible to identify 104 dialogic unities containing humorous statements, which were then carefully studied from the semantic, pragmatic and structural points of view. The pragmatic perlocutionary effects of these speech acts are described separately. Of particular interest were such remarks-reactions of the speakers, which are born “here and now”, spontaneously, are not prepared jokes, but a lively and quick response to the words of the interlocutor. The study of the material showed that the main source of humor in spontaneous dialogue are tropes, the main ones being allusion, allegory and hyperbole. Means of polysemy and cases of violation of style (low burlesque) are also frequent. In addition, significant indicators are in repetitions that perform an auxiliary function. The main pragmatic perlocutionary effect in media speech can be considered the joy of recognizing a new meaning, a new look at familiar phenomena. The creative manifestations of the person creating a humorous statement include “a sense of success, triumph”, “the pleasure of the creator who created a unique product”. A joke in a dialogue can perform the function

of "preventing the opponent's aggressive behavior". The request of the viewer, who massively watches such programs, suggests that this content reduces the level of their life stress, anxiety, tension from the challenges of the real world.

Keywords: humor, media speech, dialogic unity, perlocutionary effect, spontaneous speech.

References

Agapova, S. G. (2002). *Pragmatic Features of English Dialogic Speech: monograph*. Rostov-on-Don: APSN Publ. (In Russian)

Artamonov, D. S. (2021). Humor in historical memory: From an anecdote and caricature to an Internet meme. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, *3* (3), 213–237. (In Russian)

Averintsev, S. S. (1992). Bakhtin, laughter, Christian culture. In L. A. Gogotishvili, P. S. Gurevich (Eds), *M. M. Bakhtin kak filosof*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Belyutina, Yu. A. (2013). Humor as a tool of socio-pragmatic influence. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, *2* (22), 98–106. (In Russian)

Cherkasova, E. V., Makarova, M. E. (2017). Pragmatics of irony and humor: Two facets of the comic. *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniia i pedagogiki*, *1* (4), 147–151. (In Russian)

Duskaeva, L. R. (Ed.) (2022). *Comic as a communicative resource in the digital news environment*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Duskaeva, L. (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. Abingdon: Routledge.

Duskaeva, L. R., Shcheglova, E. A. (2020). Reproduction of the comic text-prank in the dialogue of network communication: Statement of the problem. *Media Linguistics*, *2* (7).

Grice, P. (1985). Logic and speech communication. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 16, 217–237. (In Russian)

Gutorenko, L. S. (2016). On the question of the prerequisites for linguistic research of humor on the Internet. *Vestnik Moskovskogo universiteta, 3* (19), 83–191. (In Russian)

Klyuev, E. V. (1999). Rhetoric: Invention. Disposition. Elocution. Moscow: Prior Publ. (In Russian)

Kovaleva, N. B. (2016). The reality of humor as an environment and a means of reflexive-positional understanding of the world and oneself. *Psikhologiia i psikhotekhnika, 4* (91), 330–342. (In Russian)

Matveeva, G. G., Lenets, A. V., Petrova, E. I. (2013). Fundamentals of pragmalinguistics: monograph. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Mkrtchan, T. Yu. (2009). The study of dialogic speech within the framework of the functional-pragmatic approach. *Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniia: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vyp. 3* (pp. 276–281). Rostov-on-Don: IPO PI YuFU Publ. (In Russian)

Moskvin, V. P. (2011). Burlesque in the light of the ancient theory of three styles. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 8 (62), 151–156. (In Russian)

Radyuk, K. A. (2022). Language means of the comic in the English discourse of comics. *Diskurs professional'noi kommunikatsii*, *3* (4), 29–38. (In Russian)

Shestakova, E. G. (2022). The nature and functions of a tragic farce in a real show (based on the material of the Ukrainian projects "I am changing my wife" and "Hello, I am your mother!"). *Media Linguistics*, *1* (9), 32–50. (In Russian)

Vasil'eva, V. V., Ivanova, L. Yu. (2020). Joking tonality as a tool for organizing interaction in TV news communication. *Media Linguistics, 2 (7),* 212–224.

Volgina, E. A. (2009). Metaphorical allusion and its pragmatic potential. *Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniia: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 3* (pp. 97–100). Rostov-on-Don: IPO PI YuFU Publ. (In Russian)

Received: August 25, 2023
Accepted: September 23, 2023

Author's information:

Natalya Yu. Mazikova — PhD in Philology, Associate Professor, Senior Lecturer; newnat46@yandex.ru

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 81'42+81'33

Перспективы применения междисциплинарных методов в дискурс-анализе текста политической направленности на примере речи П. А. Столыпина

Т. К. Иванова, Л. Е. Бушканец

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Для цитирования: Иванова Т. К., Бушканец Л. Е. (2024). Перспективы применения междисциплинарных методов в дискурс-анализе текста политической направленности на примере речи П. А. Столыпина. *Медиалингвистика*, *11* (1), 124–144. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.107

В исследовании речь идет об основных и актуальных направлениях и подходах к дискурс-анализу отечественных и зарубежных ученых, структурировании и построении схемы разбора медиатекстов политической направленности с целью выявления основного идейного содержания, а также специфики его выражения в тексте. Целью данного исследования является установление междисциплинарных подходов и методик работы с текстом политической направленности и перспективности их использования для оценки результатов воздействия на адресата. Авторы показывают основные подходы к подобному анализу, дают обзор отечественных и зарубежных методик, применяемых в дискурс-анализе, рассматривают перспективность их применения для оценки результативности воздействия как со стороны автора дискурс-текста, так и со стороны адресата. В качестве методов исследования в зависимости от решаемых задач были применены классические и междисциплинарные методы: при создании исторического обзора был использован описательно-сравнительный метод в сочетании с классификацией подходов к дискурс-анализу; для разработки проблемы воздействия применялся метод критического дискурс-анализа в сочетании с контент-анализом текста. В процессе работы также была уточнена последовательность выполнения отдельных известных приемов анализа политически направленного текста и описано содержание речи П. А. Столыпина 1907 г. по предлагаемой авторами схеме с учетом специфики лингвистического содержания. В ходе решения данной задачи и для повышения степени объективности полученных результатов дополнительно также использовалась машинная обработка текстов (программы обработки текстовой информации типа ВААЛ, Wordstat Yandex и др). Авторы увидели необходимость в комплексном применении традиционных приемов и автоматизированной обработки для объективации полученных результатов.

Ключевые слова: медиалингвистика, дискурс-анализ, междисциплинарный подход, речь П. А. Столыпина, цифровая обработка, критический дискурс-анализ, функции медиатекста, средства воздействия.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Постановка проблемы

Прежде чем говорить о современных подходах к анализу дискурса, следует упомянуть, что само понятие дискурса как единицы исследования достаточно сложно и неоднозначно. Данный факт подтверждается наличием различных национальных школ, традиций и конкретных авторов.

Следует упомянуть лингвистическое употребление понимания «дискурс», связанное с именем американского лингвиста З. Харриса (1952) и рассматриваемое как синонимичное с понятиями «речь», «текст», «диалог», которое, как правило, соотносится с коммуникативной ситуацией, то есть с условиями реализации речи. С лингвистической точки зрения дискурс есть языковое или вербализованное выражение ситуации общения, в которой происходит информационный обмен. Если принимать во внимание языковую статичность, то дискурс — это речевое поведение в определенной коммуникативной ситуации, отраженное в тексте. Наиболее часто такое понимание дискурса связывают с англоязычными традициями исследований данного явления.

Вторая интерпретация связана со школой французских структуралистов и постструктуралистов. Важную роль сыграли работы М. Фуко, А. Греймаса, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, связующих дискурс и стиль: индивидуальный стиль, политический дискурс, дискурс ученого, — что отражает своеобразие объекта социального взаимодействия.

С именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса связан еще один принцип рассмотрения проблематики дискурса. Он понимал под дискурсом особый вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности и имеющий целью критическое восприятие действительности, где дискурс синонимичен дискуссии.

Изучение дискурса на макро- и микроуровнях освещается в работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. Г. Борботько, Р. Водак, В. С. Григорьева, А. А. Данилова, Л. Р. Дускаева, Т. Г. Добросклонская, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Красных, А. И. Комарова, В. И. Коньков, В. Г. Костомаров, Е. А. Кротков, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, Дж. Остин, М. П. Котюрова, З. Ф. Курбанова, Г. Дж. Лассуэлл, И. Я. Слышкин, Н. Фэрклоу, М. Фуко, М. Халлидей, Ю. Хабермас, Т. Н. Хомутова, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.

Рассмотрение дискурса в диахронии обнаруживает объемность проблематики самого явления, а также многоаспектность подходов к его исследованию. Поэтому вполне закономерным является факт наличия различных теорий и подходов в исследованиях дискурса. Например, отечественный лингвист М. Л. Макаров в своей монографии выделил двенадцать основных подходов к изучению дискурса [Макаров 2003: 94–96], в более поздних работах упоминаются четыре укрупненные группы, например у А. К. Хурматуллина [Хурматуллин 2009: 33]. Такое разнообразие школ и подходов связано не только со сложностью и многозначностью самого понятия «дискурс», но и со сферами его употребления.

Медиадискурс как отражение социально-политической жизни общества в современную эпоху имеет особое значение, так как именно через медиапространство осуществляется информирование, распространение и преобразование важных

общественных проблем. Медиадискурс «представляет собой синкретичное образование, в котором представлены многие другие типы дискурса, подчиненные основной цели СМИ как социального института — оказывать дифференцированное воздействие на социального адресата посредством его информирования и интерпретации сообщаемой информации» [Федосеева 2016: 33]. Оценить эффективность данного воздействия сегодня представляется возможным с помощью определенных технологий, связанных с дискурс-анализом, так как для фиксации общения автора с аудиторией в медиапространстве имеются особые технологии и приемы, позволяющие отследить множество параметров, в том числе эмоциональное принятие или неприятие информации, а значит, и эффективность воздействия информации на публику.

Существуют различные параметры, по которым может быть оценена эффективность передачи информации. Это проблема не только журналистики, политологии, социологии, теории передачи информации или стилистики. Сегодня уже понятно, что сообщение должно подчиняться определенным правилам, быть выстроенным в определенном жанре и подстраиваться к аудитории с учетом ее специфики. Но факты «неудачной коммуникации» или отсутствие отклика на информацию у адресата также хорошо известны. Поэтому важно проанализировать такое сообщение одновременно со стороны говорящего или сообщающего информацию, а также со стороны воспринимающего это сообщение (публики). Остановимся на возможных подходах к такому двустороннему анализу.

История вопроса

Поскольку дискурс является объектом изучения различных наук (например, лингвистики, философии, социологии, психологии, семиотики, компьютерной лингвистики, информатики и программирования), то и аспектов его изучения достаточно много. Интересен также тот факт, что национальные исследования дискурса также имеют свою специфику.

Связующим звеном исследований всех направлений является тот факт, что дискурс может быть отражен с помощью текстовой формы передачи информации, что позволяет изучать дискурс через текст.

Для того чтобы более подробно представить основные научные школы и направления дискурсологии, потребовалось бы отдельное исследование. Поэтому перечислим те из них, которые, на наш взгляд, отражают современное состояние данной области научного знания.

В отечественной и зарубежной дискурсологии определяются следующие направления:

1) коммуникативные исследования (Т. Г. Винокур, О. С. Иссерс, Г. Г. Почепцов, А. П. Чудинов, К. Шеннон, Р. О. Якобсон и др.);

2) изучение дискурса через текст (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, С. Н. Плотникова, Дж. Поттер, Дж. Серль, Г. Г. Слышкин, З. Я. Тураева, Е. И. Шейгал, Д. Эдвардс и др.);

3) теория медиадискурса (В. М. Березин, Д. Грейбер, Т. Г. Добросклонская, М. Р. Желтухина, М. Маклюэн, Н. Луман, А. А. Кибрик, М. Г. Лебедько, Э. Г. Меграбова, А. В. Олянич и др.);

4) когнитивные исследования (Р. Абельсон, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, М. Джонсон, О. К. Ирисханова, Е. С. Кубрякова, М. Минский, Дж. Лакофф, Ю. С. Степанов, Р. Шенк и др.);

5) критический дискурс-анализ (Р. Водак, Т. А. ван Дейк, Г. Кресс, У. Уиллис, Р. Фаулер, Н. Фэрклоу, Б. Ходж и др.);

6) неориторики и неориторического подхода к медиадискурсу (И. В. Анненкова, Н. А. Безменова, Ж. Женнет, В. М. Мейзеровский, Х. Перельман и др. (см.: [Федосеева 2016]).

Поскольку когнитология сегодня активно развивается, то закономерно, что дискурс стал объектом ее пристального внимания. Основное внимание в данных исследованиях уделяется проблемам, связанным с работой сознания, человеческого и искусственного интеллекта с точки зрения организации мыслительных процессов. К представителям данного направления относят, например, таких исследователей, как В. З. Демьянков (2005), В. И. Карасик (2002), Г. Г. Слышкин (2000), Е. С. Кубрякова (2004, 2005), С. Н. Плотникова (2000), Ю. С. Степанов (1997), Р. Шанк (1977), М. Минский (1980), Р. Абельсон (1981), Т. А. ван Дейк (1978, 1980, 1985), Р. Лангакер (1987) и др.

Напрямую с когнитологией связана теория концептов, где исследуются референциально-тематическая структура дискурса и ее механизмы. В этой связи следует упомянуть понятие «референциально-тематический менеджмент», которое функционирует в американской и британской школах дискурсивного анализа. Представителями данного направления будут Г. Кларк (1974), У. Чейф (1987), Т. А. ван Дейк (1977, 1980), Э. Принс (1981) и др., в отечественной дискурсологии — Ю. С. Степанов, Е. В. Солодкова и др.

К референциально-тематической теории управления примыкает теория концептуальной (когнитивной) метафоры, которая связана с процессом генерирования новых смыслов. Далее следуют теории реализации сценариев или фреймов, связанных с именами М. Минского, Р. Шанка и Р. Абельсона, метод пропозиционального анализа.

Поскольку дискурсология тесно связана с трудами британских и американских ученых, то основные направления исследований англоязычного дискурса достаточно известны.

Некоторые направления прослеживаются сразу в нескольких странах, но имеют свои национальные отличия. Так, например, в немецких дискурсивных исследованиях также выделяют несколько школ и направлений, например Дуйсбургская, Дюссельдорфская, Франкфуртская, Гейдельбергская/Маннгеймская школы и др., объединенных по принципу подходов к анализу дискурса. Наиболее известными немецкими дискурсологами являются такие ученые, как Зигфрид Йегер (Siegfried Jaeger) — представитель критического направления, который занимается исследованиями реализации идей экстремизма (неофашим, расизм) в дискурсе и теорией социокультурной обусловленности мейнстримов, отраженных в текстах. Он предложил и развил собственную методику обнаружения подобных идей на уровне как общего содержания, так и их выражения лингвистическими (как лексическими, так и грамматическими) единицами немецкого языка [Stukenbrock et al. 2000].

Идеи критического дискурс-анализа во взаимосвязи с контекстной и затекстовой информацией находят отражение в работах Франкфуртской школы, которая

опирается на уровневую модель проведения дискурс-анализа в ее взаимосвязи с социолингвистикой, например в работе Р. Водак [Wodak 2011].

Семантический подход к анализу в работах представителей Гейдельбергской/Франкфуртской школы, например Д. Буссе (D. Busse), не сводится к идеологическим аспектам, как у Йегера, а носит скорее описательный характер, при котором семантика слова предстает во всем многообразии контекстуальной реализации, и носит дискриптивно-аналитический характер, сближая данную школу с семантическим направлением корпусной лингвистики, например с работами В. Тойберта (W. Teubert) или Д. Херманна (D. Hermann) [Stukenbrock et al. 2000]. Детальная реализация компонетного анализа дискурса представлена в Ольденбургском проекте.

Отличительной чертой немецких школ является тщательная проработка и детализация исследуемых параметров, а основной сложностью при таком подходе — синтезирование общих положений и объективности теоретической части, так как за объективацией полученных данных теряется представление дискурса как целостной системы: главное внимание в этом случае уделяется деталям, что, как следствие, ведет к углублению в текстологию. Немецкие дискурсивные исследования отличаются междисциплинарным подходом и детализацией параметров анализа. Особенно подчеркивается взаимосвязь психологии и кодировки текста [Haspelmath 2021].

Психологические аспекты дискурса в отечественной лингвистике [Белянин 2000; Павлова 2018] применяются для выявления, например, манипулятивных технологий или эффективности воздействия на аудиторию [Гималетдинова 2020; Максименко 2014]. Интересное направление исследований дискурса развивается в испаноговорящих странах Старого и Нового Света: выражение социально-обусловленных изменений лингвистических параметров текста и эмоциональной оценки происходящего [Acuña-Fariña 2018; Lorenzo 2018].

Наличие разных школ и подходов к исследованию и определению дискурса в отечественной лингвистике привело к использованию рядом исследователей комплексного, интегрального подхода [Хомутова 2014: 16], учитывающего особую систему организации признакового пространства дискурса, или многофакторного, мультимодального подхода. «Этот подход позволяет рассмотреть не столько формы и реализации интенций коммуникатора, сколько смысловые эффекты, возникающие в процессе интерпретации семиотических ансамблей, или синтез значений, транслируемых различными семиотическими ресурсами и в аспекте различных модусов рецепции» [Белоедова и др. 2020: 447], позволяющего анализировать не только текст, но и предлагающиеся к нему комментарии, фотоматериалы и др.

С теоретической точки зрения система компонентов анализа должна включать определенные параметры, которые должны и могут быть изучены, чтобы установить необходимые исследователю закономерности.

Наиболее полным набором параметров обладает описание дискурса по В. И. Карасику, которое включает девять основных компонентов любого дискурса: 1) участников и публику; 2) хронотоп как описание ситуации коммуникации; 3) цель коммуникации; 4) ценность ситуации; 5) стратегию, избираемой для достижения цели; 6) тематическую направленность; 7) вид и жанр коммуникации; 8) прецедентные тексты, задающие свойства; 9) дискурсивные формулы, включающие специфические обороты речи [Карасик 2002: 200–201].

Современные цифровые технологии в этом случае существенным образом сокращают время обработки материала в рамках поставленных исследователем задач, но одновременно и создают новые аспекты изучения дискурса. Так, например, комплекс параметров на основе имеющихся в арсенале исследователя программ позволяет обрабатывать и анализировать следующие аспекты (с рядом некоторых ограничений).

1. Основываясь на коммуникативном (функциональном) подходе при автоматизированной обработке материалов дискурса, когда оценивается вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка: диалог, беседа, то есть тип диалогического высказывания), на основе просодической модели можно получить дополнительные сведения об авторе: социальную группу, обобщенные и индивидуальные черты, влияющие на восприятие информации, темперамент, модель речевого поведения; при сравнении продуктов, зафиксированных в письменной форме, — признаки принадлежности высказывания определенному автору.

2. Используя структурно-семантический подход, при котором дискурс сопоставим с фрагментом текста (например, абзац), на основе информационных технологий можно получить сведения по сложности восприятия текста, своего рода сжатости или размытости содержимого, эмоционального фона (технологии контент-анализа, сентимент-анализ). В этом случае автору могут быть даны рекомендации по улучшению качества сообщения, адаптации его под адресата, изменению параметров текста по семантической и логической структуре, вызываемым ассоциациям, стилистической специфики (психолингвистический анализ). Сентимент-анализ плохо справляется с распознаванием иронии или сарказма, то есть с переносным смыслом или метафоричностью высказывания.

3. При рассмотрении дискурса с социально-прагматической точки зрения, когда дискурс анализируется как ситуативный текст или имеющее социально-идеологическую направленность высказывание, могут быть выявлены техники и стратегии изменения содержания первоначальной темы коммуникации, особенности восприятия идей в данной социальной группе и предложены пути разрешения конфликтной ситуации (big data analyses, нейросетевые технологии). При этом речь идет об обработке действительно больших объемов информации, а не отдельно взятых текстах.

Следовательно, в комплексном анализе дискурса в зависимости от цели и методов его проведения могут учитываться разнообразные аспекты, в том числе и практическое применение результатов анализа специалистами. Поскольку медиасфера и политика, являясь по сути своей отражением жизни человеческого сообщества, оказывают сильное влияние на формирование моральных и нравственных ценностей через широкую трансляцию идей и принципов, то и изучение подобного воздействия должно быть частью научных изысканий [Гаврилова 2002; Кегеян, Ворожбитова 2019].

Исследователи отмечают: «Специфическими функциями политического текста… оказываются идеологическая и мобилизационная. Идеологическая функция заключается в том, чтобы при помощи языковых средств представить аудитории некоторую картину мира, благодаря которой принятие тех или иных политических решений является (или кажется) обоснованным» [Аласания 2015]. Согласно К. Ю. Аласания, мобилизационная функция текста проявляется в убеждении аудитории оказать поддержку определенной политической позиции, за которую ратует автор текста. При этом задачей исследователя становится выявление обеих функций, при решении которой используются различные лингвистические и междис-

циплинарные методы: морфологический, синтаксический, семантический, фоносемантический анализ, а также такие подходы, как контент-анализ, интент-анализ, нарративный анализ, дискурс-анализ. Г. Дж. Лассуэлл расматривал комбинацию данных междисциплинарных подходов как дискурсивный анализ, при котором язык предстает символьная система [Lasswell 1948].

Анализ содержания речей политических деятелей как жанра политического текста не должен быть самоцелью, как это часто бывает при морфологическом, стилистическом и прочих подходах, контент-анализе, что ведет к одностороннему предоставлению информации и обесцениванию результата анализа в виде недо- или переоценки воздействия на адресата. Необходимо выделить базовые идеи, нарративы на уровне замысла и вербализации, основных смыслов-действий, ожидаемых от адресата, и анализ реализованного воздействия на адресата, поскольку для политической жизни важнее всего именно результат воздействия, удалось ли побудить членов определенного сообщества к совершению определенных целенаправленных действий или положительных оценок происходящего [Ваттовани 2019; Abraham 2018].

По мнению А. Н. Баранова, интерес к изучению политических текстов можно объяснить как внутренними потребностями лингвистической теории, так и политологическими проблемами изучения взаимосвязи идеологии и поведенческих моделей в политологии, трансформационных процессов общественного сознания [Баранов 1990: 245].

Обращение к речам политических деятелей прошлого удобно тем, что мы уже знаем, прав ли был политик в оценке ситуации и в том, как он ее представил, какой эффект оказала речь на слушателей, насколько реализовалась прогностическая функция политика и т. д., то есть можем проанализировать речь с точки зрения ее последствий (убеждающая функция является основной функцией политического дискурса: «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1987: 403]. Соответственно, полученные результаты можно использовать для прогнозирования эффективности современных речей в процессе их создания.

Описание методики исследования

Итак, для достижения цели исследования — осуществления двустороннего анализа текста политической направленности — в качестве источника был взят текст одной речи П. А. Столыпина[1], произнесенной в Государственной думе 10 мая 1907 г., а также отклики на нее в дореволюционной прессе. Речь была произнесена в период, когда Россия стояла перед драматическим выбором пути развития. Необходимый лингвисту контекст для анализа речи — научные исследования реформ, предложенных П. А. Столыпиным [Ascher 2001].

Речь политического деятеля является произведением определенного жанра не только в смысле лингвистическом (речевой жанр), но и в смысле литературоведче-

[1] Столыпин, П. А. (1991). *Нам нужна Великая Россия…: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг.* М.: Молодая гвардия.

ском, поскольку для него характерна совокупность содержательных и формальных свойств. Следовательно, данную речь можно рассматривать:

1) с точки зрения его создателя — насколько текст речи выполняет идеологическую и мобилизационную функции, то есть насколько правильно и хорошо с позиции современных лингвистических и междисциплинарных методов он соответствует по лингвистическим, стилистическим и семантическим параметрам запросам автора;

2) с точки зрения адресата или читателя — что хотел передать автор этого послания; какие ощущения появляются при его прочтении (эмоциональная нагрузка); понимает ли адресат необходимость определенных действий, или убеждает ли его автор в правильности своих постулатов?

Для ответа на данные вопросы попробуем применить комбинацию междисциплинарных методов, которые позволяют оценить как лингвистические средства, используемые автором для достижения максимального эффекта воздействия, так и результативность воздействия. Для повышения объективации результатов были применены метод семантического анализа и автоматизированная обработка текста через выявление семантического ядра, степени эмоциональности текста. Далее предполагается представить их более подробно без упоминания отдельных критериев, разработке которых будет посвящено отдельное исследование.

Прежде всего, в речи создается определенная картина мира, аналогичная художественному миру в художественном произведении. При этом между этой картиной мира и реальностью существуют сложные отношения, вплоть до того что они могут вообще не пересекаться друг с другом. Главными параметрами создаваемого в речи мира являются образ времени и образ пространства. Этот мир «заселяется» определенными персонажами: это всегда положительный образ того, кто произносит речь, образы его соратников, оппонентов, предполагаемого адресата, «народных масс». Целью речи является стремление закрепить нужную картину мира в сознании слушателей и убедить их действовать в соответствии с нарративами, развивающимися в предложенном автором мире. Картина мира создается на основе политической или социальной ориентации автора, его позиционирования в политическом поле; интерпретации аполитической ситуации, задач проводимой социальной или политической группой политики.

Анализ картины мира выявляется через: 1) формальную композиционную структуру текста, соотнесенную с содержанием; 2) систему персонажей; 3) представление времени и пространства (хронотопа); 4) развертывание нарратива или нарративов, желаемых или, в целях устрашения аудитории, нежелательных; выстраивание внешнего и внутреннего сюжета текста, т. е. его развития; 5) лингвистические особенности (ручная и компьютерная обработка данных): лексическая и стилистическая характеристика средств и приемов с описанием риторических, стилистических и графических средств, позволяющих манипулировать аудиторией.

На заключительном этапе важен анализ идеологического воздействия: ожидаемого воздействия и успешности полученного результата.

Исходя из этого для выполнения подобного анализа был выбран интегративный подход, в ходе которого рассматривался аспект идейного содержания речи П. А. Столыпина, оценены технология воздействия и эмоциональный фон самого текста, а также комментариев. Для верификации данных были использованы программы открытого доступа (SEO Analyses, ВААЛ и др.).

Анализ материала

Речь П. А. Столыпина «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности»[2] (далее — Речь) с точки зрения структуры может быть разделена на несколько композиционных частей.

1. Обоснование необходимости выступления. Автором представляются основные концепты и ценности, которые он исповедует, а также образы, представленные в тексте и их эмоциональная нагрузка. Таким образом происходит выстраивание иерархичной системы и взаимоотношений противопоставления (антитезы) и дополнения.

2. Развертывание темы — последовательное развенчивание позиций трех партий-оппонентов.

3. Утверждение собственной позиции как единственно верной и создание образа будущего как результата своей деятельности.

Первая часть строится на утверждении образа слушателя, то есть депутата II Государственной думы, как непрофессионального и не способного к логично выстроенному размышлению во имя не собственных целей (партийных, личных и пр.): «*Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, я пришел к убеждению, что необходимо ныне же до окончания прений сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предположениях самого правительства. <…> Сегодня я только узнал, что в аграрной комиссии, в которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже те данные и материалы, которыми правительство располагает, принимаются принципиальные решения. <…> Правительству тем более, мне кажется, подобает высказаться в общих чертах, что из бывших здесь прений, из бывшего предварительного обсуждения вопроса ясно, как мало шансов сблизить различные точки зрения, как мало шансов дать аграрной комиссии определенные задания, очерченный строгими рамками наказ*» (с. 86–87). Именно с депутатами связаны призывы к разрушению России и насилию, то есть все самое опасное и негативное: «*Отсюда, господа, распространялись и письма в провинцию, в деревни; письма, которые печатались в провинциальных газетах, почему я них и упоминаю; письма, вызывавшие и смущение, и возмущение на местах. Авторы этих писем привлекались к ответственности, но поймите, господа, что делалось в понятиях тех сельских обывателей, которым предлагалось, ввиду якобы насилий, кровожадности и преступлений правительства, обратиться к насилию и взять землю силой!*» (с. 92).

Из этой установки выстраивается образ нарратора, носителя речи, во всем противопоставленный взбалмошному, не думающему о государственных интересах, крикливому обобщенному образу слушателя-депутата. Принцип антитезы этих двух образов лежит в основе разворачивающегося внутреннего сюжета Речи, и завершается этот сюжет тем, что адресат Речи, эксплицитно представленный слушатель-депутат, демонстративно отодвигается, а на его место выйдет в финале тот, кто все это время был идеальным слушателем, подлинным адресатом текста, кто имплицитно «присутствовал» на протяжении всей речи и наконец появился в ней

[2] Здесь и далее речь цит. по: Столыпин, П. А. (1991). *Нам нужна Великая Россия…: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг.* М.: Молодая гвардия, 86-96.

открыто — это вся Россия, от крестьян до Царя, кто готов вести страну к будущему. Совокупный образ — но уже образ русского человека, который за пределами Думы нетерпеливо ждет Слова нарратора, — возникает в первой части Речи: «*Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту*» (с. 86). Именно к этому идеальному реципиенту обращена последняя фраза Речи: «*Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!*» (с. 96). В этой фразе нарратор и его подлинные слушатели становятся едиными, а «враги» осознаются как общие, как те, кого они вместе отодвинут на пути к будущей великой стране.

Эта антитеза и обращенность к подлинному Слушателю (который прочитает речь позже в газетах или узнает о ней другим, мистическим образом) определяет всю ее структуру.

Нарратор строит свой образ как носителя системы ценностей как некий «космос», противоположенный «хаосу». В основе его системы ценностей лежит Государство: «*Я поэтому обойду все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства. Я не буду останавливаться и на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть. Я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам, а постараюсь встать на чисто государственную точку зрения…*» (с. 86). Именно это ощущение принадлежности к высшему целому дает ему право на спокойствие в противовес «крикам» депутатов, на которых он пытается воздействовать (успокоить) логикой, логически выстроенными построениями. Это не значит, что Речь лишена эмоциональности — сдержанность сменяется в нужных местах точно выверенными эмоциональными акцентами, но логичность аргументации («*…постараюсь отнестись совершенно беспристрастно, даже более того — бесстрастно к данному вопросу. Постараюсь вникнуть в существо высказывавшихся мнений, памятуя, что мнения, не согласные со взглядами правительства, не могут почитаться последним за крамолу*» (с. 86)) демонстративно подчеркнута нарратором и становится частью конструируемого образа.

Итак, пространственная характеристика текста задана изначально: от пространства Думы — к пространству всей России («все русские люди»).

Еще один сквозной сюжет, заданный Речью, связан с развертыванием времени. Во вступлении дан образ настоящего: «*Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту*» (с. 86); «*Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в "царство, разделившееся на ся". В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь*» (с. 94). Утверждение настоящего как «плохого», проблемного является необходимейшим элементом

структуры времени в политической картине мира, поскольку без этого невозможен сюжет «возрождения в будущем».

Далее речь строится как разворачивание трех возможных «будущих», своеобразная «альтернативная история». Внутри трех частей используется одинаковая структура: предложение одной из думских партий, его анализ, доказательство, что это будущая катастрофа для страны. И главное — утверждение, что каждый из вариантов противоречит высшим ценностям, которые отстаивает нарратор и которые объединяют его не с Думой, но с Россией: «*Все, что я сказал, господа, является разбором тех стремлений, которые, по мнению правительства, не дают того ответа на запросы, того разрешения дела, которого ожидает Россия*» (с. 92).

Первый вариант — это партия левых. Они хотят, чтобы государственная власть «возвысилась над правом» и заявляют, «*что вся задача настоящего момента заключается именно в том, чтобы разрушить государственность с ее помещичьей бюрократической основой и на развалинах государственности создать государственность современную на новых культурных началах*» (с. 87). Будущее, которое ждет страну при таком повороте событий, — «*поведет к полному перевороту во всех существующих гражданских правоотношениях; он ведет к тому, что подчиняет интересам одного, хотя и многочисленного, класса интересы всех других слоев населения. Он ведет, господа, к социальной революции*» (с. 87). И Столыпин обосновывает этот вывод цифрами: земельный вопрос не будет разрешен, «*это равносильно наложению пластыря на засоренную рану*» (с. 88).

Второе предложение — проект партии народной свободы. Его создателей нарратор обвиняет в нелогичности и нарочито противоречиво излагает эту позицию: «*Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым*» (с. 90). И этот вариант ведет к тому, что крестьяне перестанут работать: «*Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены*» (с. 90).

И еще один тупиковый вариант: «*…я позволю себе остановиться еще на одном способе разрешения земельного вопроса, который засел во многих головах. Этот способ, этот путь — это путь насилия. <…> Я не могу не заявить, что в настоящее время опасность новых насилий, новых бед в деревне возрастает… существует желание усилить брожение в стране, бросать в население семена возбуждения, смуты, с целью возбуждения недоверия к правительству, с тем чтобы подорвать его значение, подорвать его авторитет, для того чтобы соединить воедино все враждебные правительству силы*» (с. 91).

Столыпин создает три варианта будущего в случае реализации идей его противников. Во всех случаях торжествуют «насилие», «возбуждение», «смута», «потрясения», «социальный переворот», «разрушение существующей государственности» («*нам предлагают нам среди других сильных и крепких пародов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество*» (с. 89)) будет «распыленная земля», «обнищание». Все, что делают оппоненты, ведет к разрушению либо как результат неразумности (отсутствие логического мышления), либо как результат сознательных действий.

На каком основании предлагает действовать нарратор? Он прямо указывает: «*Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стра-*

не, что даст он с нравственной стороны?» Путь, предлагаемый автором речи, опирается на нравственные начала. Какие именно?

Во-первых, право собственности, которое позволит людям относиться к тому, что они имеют, в данном случае к земле, как культурные хозяева: «*Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах… вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. <…> Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле. <…> Ведь, господа, собственность имела всегда своим основанием силу, за которою стояло и нравственное право. <…> А эта перекроенная и уравненная Россия — что, стала ли бы она и более могущественной и богатой? Ведь богатство народов создает и могущество страны. <…> Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства*» (с. 89). Во-вторых, необходимость сделать здоровым государство, в основе которого должны лежать свобода и просвещение: «*Где же выход? Думает ли правительство ограничиться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится*» (с. 92). В-третьих, справедливость: «*В этом смысл государственности, в этом оправдание государства как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты*» (с. 93).

Именно это позволяет создать образ будущей России, который непременно будет реализован нарратором и теми силами, которые вместе с ним стоят на нравственных началах: «*Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение — там смерть*» (с. 89).

Вариант, который предлагает Столыпин, строится на нравственном начале справедливости и общего дела: «*Таким образом вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются*». При этом: «*Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу*», «*Начатое дело надо улучшать*», «*Мы предлагаем вам скромный, но верный путь*» (с. 96).

Эксплицитно Речь посвящена аграрному вопросу, столь острому для России в момент произнесения. Однако гораздо важнее ее имплицитный смысл («*Я, господа, не думаю представлять вам полной аграрной программы правительства*»), который становится явным только в финале: «*Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!*» (с. 96).

Таким образом, Столыпин, будучи гениальным оратором, выстроил идеальную структуру Речи:

1. Оппозиция «оппонент (носитель отрицательного начала) — нарратор (носитель положительного начала)»; «я» — автор реформ, член правительства, и «мы» (правительство) в противопоставлении с «они» (крестьяне, рабочие); прошлое и будущее; процветающая и разрушающаяся Россия.

2. Оппозиция «прошлое (в котором совершены ошибки) — настоящее (проблемное, потенциально содержащее в себе угрозу) — возможное плохое будущее — хорошее будущее (к которому приведут действия нарратора, которое настанет, если предлагаемый им закон будет претворен в жизнь)».

3. Оппозиция «безнравственное — нравственное», при этом действия и идеи нарратора опираются на высшие нравственные ценности. Она выстраивается на основе лексем с положительной или отрицательной коннотацией.

4. Внутренний сюжет, развитие мысли строится на движении от «плохого» к «хорошему».

Все оппозиции реализуются на композиционном и лексическом уровне и разрешаются в финале их преодолением ради основной идеи — сделать Россию целостным, процветающим государством на основании внедрения закона.

Однако самым важным для анализа картины мира политика является второй этап: анализ конкретного, вариативного наполнения инвариантных элементов. Что именно в данной картине мира является «нравственным» и что — «безнравственным»? Какое именно будущее утверждается как «апокалиптическое» и как «необходимое»? На протяжении всего своего политического выступления П. А. Столыпин возвращает слушателей к теме законопроекта от 9 ноября 1906 г. о наделении крестьян собственностью в виде земельного участка, а также поправкам к нему, к оценке данного проекта на основании практики его применения на территории Российской империи. В процессе политического выступления премьер-министр оценивает свою работу по внедрению законопроекта в жизнь. В качестве основания оценки он приводит доказательства своей точки зрения: ссылки на очевидные факты, ссылки на авторитет, цитаты текста законопроекта, статью закона, цифровую информацию. Цифровые данные достаточно убедительны, но сложны для восприятия слушателями, тем более что к опосредованным слушателям (адресатам) можно отнести то же крестьянство, во благо которого и воплощается данный закон. Крестьянство в речи П. А. Столыпина предстает неразумным дитятей, о котором царь-батюшка и правительство печется и которое начинает «учиться» у отцов-правителей. Данная оценка адресата, который, по словам Столыпина, восторженно приветствует реализацию данного закона, не соответствует действительности.

И третий этап — выявление скрытого, имплицитного смысла текста. Эти задачи с учетом разнообразных контекстов и понимания тех смыслов, которые не связаны со словарным значением слова, может решить только человек.

С идеологической точки зрения выбор слов и выражений, используемых в тексте, является важным средством воздействия и структурирования убеждений, обуславливающих и определяющих поступки человека, а также и определенные реакции в обществе [Блакар 1987: 103].

Мы уже использовали при анализе дискурса речи данные частотного анализа, полученные благодаря компьютерным программам, однако представим данные

по самым частотным лексемам в таблице, исключив неизбежные союзы, предлоги и прочие служебные слова (*и*, *в*, *этот*, *тот*, *быть*, *не*, *на*, *что*, *это*, *то*, *бы*, *весь*, *к* и пр.). Для наглядности приводим их в таблице.

Таблица. **Наиболее частотные лексемы в Речи**

Количество упоминаний в тексте	Лексема в тексте
58	земля
46	он
44	я
42	все
39	оно
29	правительство
28	крестьянин
26	они
23	господин
23	господь
21	государство
21	свой
20	государственный
19	мочь
17	один
16	давать
16	должный
16	право
15	Россия
14	вопрос
14	население
14	правый
14	труд
13	десятина
13	партия
13	путь
13	способ
12	будет
12	время
12	может
12	настоящий
12	предлагать
12	проект
12	собственность
11	земельный
11	мы
11	настоящее
11	необходимый

Окончание таблицы

Количество упоминаний в тексте	Лексема в тексте
11	часть
10	начало
10	признавать
10	тема
9	другой
9	много
9	надо
9	себя
9	сила
8	возможность
8	государственность
8	думать
8	здесь
8	необходимо
8	новый
8	отчуждение
8	принцип
8	сказать

Примечание. Результаты, приведенные в таблице, расположены по убыванию и сгенерированы автоматически.

Простой количественный анализ позволяет ясно увидеть, что система ценностей, которую предлагает слушателям П. А. Столыпин, опирается на идеи государственности, страны, собственности, права, от имени которых и выступает оратор.

Результаты исследования

Итак, анализ Речи подтверждает, что Столыпин — отличный политический оратор, что неоднократно подчеркивали современники. Его речи (всего он выступил в Думе 31 раз) воспринимались как ясные, содержательные, великолепные по стилю, наполненные яркими образами, чрезвычайно логичные; на трибуне он сразу воодушевлялся, он быстро овладевал аудиторией, умел приковать к себе ее внимание[3]. Не случайно в 1907 г. были изданы отдельной брошюрой речи П. А. Столыпина во II Государственной думе. В. И. Гурко, хотя и был настроен по отношению к Столыпину отрицательно, вспоминал, что министр «*говорил громко, отчетливо и авторитетно. Помогала ему при этом его фигура: высокий, стройный, он держал себя на кафедре с большим достоинством, скажу даже, величественно*»[4]. Председатель II Думы Ф. А. Головин, тоже политический противник Столыпина, писал:

[3] Дёмин, В. А. Выступление в Государственной Думе. *Фонд изучения наследия П. А. Столыпина*. Электронный ресурс https://stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=318.

[4] Гурко, В. И. (2000). *Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника*. М.: Новое литературное обозрение. С. 582.

«*Первое выступление Столыпина убедило меня в том, что это не только хороший оратор, но что это человек с темпераментом и сильной волей*», его речи «*дышали силой, благородством и готовностью забыть партийные распри и дружно работать с Думой на пользу государства*», и на стороне первого министра осталась «моральная победа»; на критику Столыпин ответил «*сильно, но вполне корректно и тем самым много выиграл даже в глазах своих недругов*»[5].

В то же время многие его речи не имели успеха в Думе, особенно в первой и второй (реже в третьей) или вызывали враждебную реакцию аудитории, по защищаемым Столыпиным законам Дума голосовала против. Например, в 1909 г. Столыпин выступил с речью, в которой доказывал право государства «*согласовывать государственные интересы с интересами господствующей первенствующей церкви*»[6]. Дума проголосовала вопреки тому, к чему ее призывал премьер-министр. Бывало, что ни один думский оратор не поддерживал Столыпина, ему кричали: «*Долой! Отставка! Погромщик*!»

Анализируемая Речь также вызвала негативную реакцию. Обратимся к некоторым откликам. Один из них последовал в газете политических оппонентов Столыпина «Речь». Мы рассмотрим только реакцию на риторику Столыпина, естественно, не касаясь сути политических споров. Газета утверждала: «*Речь П. А. Столыпина во вчерашнем заседании Государственной думы составляет, несомненно, крупное события дня как по своему содержанию, так и по внешним условиям её произнесения. <…> Мы не удивляемся тому, что, сделав свой решительный шаг вперед, правительство не только не сумело использовать его, но, напротив, на этой точке постаралось обострить свои отношения к народному представительству. <…> И в настоящем случае подчеркивание министерством своей точки зрения, столь противоположной мнению большинства Думы и задушевным желаниям крестьянства, настойчиво выдвигаемые именно те мероприятия, которые идут вразрез с настоятельной потребностью коренного разрешения вопроса, отсутствие ясного указания на желание сговориться с народным представительством, найти общий язык в этом самом важном для бытия государства деле — все это лишний раз свидетельствует о непонимании момента, и немудрено, что речь Столыпина произвела впечатление совершенно обратное тому, какое она объективно могла бы вызвать*»[7]. Далее шло мнение председателя аграрной комиссии Н. Н. Кутлера: «*Я не буду подробно разбирать первую часть речи П. А. Столыпина. Критика его отличалась более смелостью и решительностью, чем основательностью… председатель совета министров не проявил и справедливости. Я не буду удивлен, если на ответ ему в Думе раздадутся речи, которых бы лучше не слыхать*»[8]. И хотя программная речь П. А. Столыпина по аграрному вопросу, как писали очень многие, «взволновала» решительно всех и, несомненно, «мало кого удовлетворила», большие претензии были к аргументации, которая при имманентном анализе текста кажется вполне безупречной.

---

[5] Головин, Ф. А. (1959). Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной Думе. *Исторический архив, 4*, 151.

[6] Дёмин, В. А. Выступление в Государственной Думе. *Фонд изучения наследия П. А. Столыпина*. Электронный ресурс https://stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=318.

[7] Речь. 1907. 11 мая. № 109. С. 1.

[8] Там же.

В этой связи возникает важный для политической лингвистики вопрос: почему анализируемый текст, великолепно соответствующий всем требованиям того или иного политического жанра, оказывается «неуспешным», не приводящим к ожидаемым результатам?

Причина здесь — в неудачно выбранной стилистике дискурса. Р. Пайпс считал, что, «*возможно, Столыпин был единственным премьер-министром в конституционном десятилетии, который обращался к Думе как к партнеру в совместном усилии создать сильную, великую Россию…*»[9]. Видимо, исследователь не чувствовал тонкости стиля на русском языке: диалог со слушателями, с депутатами Думы, носит декларативный характер, это риторический прием. Вся структура речей Столыпина строится как патерналистский дискурс.

Именно поэтому отличительной особенностью речей Столыпина является стремление говорить как бы с позиции высших начал, проводником которых он только является. Он — законность, государство, справедливость и пр.[10] Не случайно он однажды сказал: «*Нужно, чтобы явился "капрал", вождь, поднял знамя властно, и на знамени должен быть национальный вывод пережитого. <…> Да, именно. И по этой линии пойдет большинство, скажет: «И слава богу, наконец». А несогласные — одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся*»[11]. Известны множественные негативные высказывания Столыпина о Думе («*В Государственной думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно*», «*Дума "гниет на корню"*» и пр.[12], что не могли не чувствовать его слушатели, которых он пытался воспитывать, словно неразумных детей. А. Кизеветтер также утверждал: «*И уже до полного извращения этих начал* [конституционализма] *доходит претензия председателя совета министров играть по отношению к Думе роль какого-то обер-прокурора, истолковывающего ее права и обязанности*»[13]. Оратор прямо указывает на то, что он является спасителем, а всех, кто не следует за ним в этой роли, ждет наказание: мотив репрессий является в его речах постоянным.

Этот дискурс справедливо воспринимается взрослой аудиторией как оскорбительный и вызывает бессознательное раздражение, договориться в такой ситуации невозможно, даже если оратор прав, а идея сотрудничества, которую не раз высказывал Столыпин, остается пустой декларацией (формально Столыпин подчеркивал стремление правительства сотрудничать с Думой в рамках «представительного строя», хотя при этом заявлял о правах монарха и правительства действовать совершенно самостоятельно), поскольку предлагаемое сотрудничество должно строиться только на идеях, утверждаемых оратором, выступающим в функции Отца.

Дискурс-анализ Речи Столыпина, выявляющий типичные особенности речей данного оратора, уточняет результаты исторических и политологических исследований, объясняя возникавшие противоречия между оратором и его аудиторией.

---

[9] Pipes, R. A. (1995). *Coneise History of the Russian Revolution*. London, p. 53.

[10] Дёмин, В. А. Выступление в Государственной Думе. *Фонд изучения наследия П. А. Столыпина*. Электронный ресурс https://stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=318.

[11] Тихомиров, Л. (1935). Из дневника Льва Тихомирова. *Красный архив*, 5, 127.

[12] Кабытов, П. С. (2011). П. А. Столыпин и третьеиюньская монархия. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, *3* (13), 386–390.

[13] Кизеветтер, А. (1907). Письма из Таврического дворца. *Русская мысль*. Кн. 4. Отд. 2. С. 197.

Не менее важна и теоретическая проблема: часто исследователи, анализируя речь политического деятеля, констатируют ее «правильность» и останавливаются на этом. Однако мы видим, что великолепный политический текст не достигает цели, поскольку в нем имплицитно присутствуют смыслы, которые чувствует аудитория и которые выявляются благодаря тому же дискурс-анализу.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования были рассмотрены традиционные подходы к медиадискурсу в отечественной и зарубежной лингвистике. Сложность определения преимуществ и недостатков отдельных подходов состоит в том, что и сам дискурс является многоуровневым понятием и исследуется с точки зрения разных дисциплин. Следует признать, что для современных исследований дискурса необходимо использование автоматизированной обработки данных с помощью специальных программ, позволяющих за короткое время оценить объективность полученных результатов. Данная область исследований хотя еще очень молода, но достаточно перспективна. Автоматизация процессов анализа не отменяет, однако, традиционных подходов, а дополняет и совершенствует имеющийся у исследователей дискурса опыт.

Данный комплексный подход может применяться на основе подбора критериев к различным видам дискурса, в том числе к анализу медиапространства с прагматической точки зрения, например для определения идейного содержания, прогнозирования. В качестве примера был выбран анализ речи П. А. Столыпина с позиций критической лингвистики в сочетании с автоматизированной обработкой данных. При этом было выявлено искаженное представления событий, которое определяется в критической лингвистике как нарушение принципа объективности, что привело к неприятию выступления у аудитории, несмотря на общепризнанное риторическое мастерство оратора.

Литература

Аласания, К. Ю. (2015). Методы анализа политического текста. *Пространство и Время*, *1* (10). Электронный ресурс http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.91.pdf.

Баранов, А. Н. (1990). *Речевое воздействие и аргументация.* Дис. … д-ра филол. наук. М.

Белоедова, А. В., Кожемякин, Е. А., Тяжлов, Я. И. (2020). Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход. *Медиалингвистика*, *4* (7), 445–461.

Белянин, В. П. (2000). *Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе*. М.: Тривола.

Блакар, Р. (1987). Язык как инструмент социальной власти. В *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М.: Прогресс.

Ваттовани, Ю. Б. (2019). Идеология и дискурс. *Молодой ученый*, *43* (281), 292–294. Электронный ресурс https://moluch.ru/archive/281/63305/.

Гаврилова, М. В. (2002). Лингвистический анализ политического текста. В *Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 3.* (с. 88–108). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т.

Гималетдинова, Г. К. (2020). Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту. *Политическая лингвистика*, *1* (79), 42–51.

Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепт, дискурс*. Волгоград: Перемена.

Кегеян, С. Э., Ворожбитова, А. А. (2019). *Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма)*. М.: Флинта.
Макаров, М. Л. (2003). *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис.
Максименко, О. И. (2014). Анализ тональности текстов (сентимент-анализ) на материале текстов СМИ. В *IV Новиковские чтения: Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: сб. науч. ст. Ч. 1* (с. 96–105). М.: РУДН.
Павлова, Н. Д. (2018). Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований. *Психологический журнал*, *6* (39), 16–26.
Паршин, П. Б. (1987). Лингвистические методы в концептуальной реконструкции. *Системные исследования. Методологические проблемы. 1986*, 398–426.
Федосеева, Е. В. (2016). *Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе*. Дис. … канд. филол. наук. Иркутск.
Хомутова, Т. Н. (2014). Типология дискурса: интегральный подход. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*, *2* (11), 14–22.
Хурматуллин, А. К. (2009). Понятие дискурса в современной лингвистике. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 6* (151), 31–37.
Abraham, W. (2018). Andreas Trotzke: The grammar of emphasis. From Information Structure to the expressive dimension. *Folia Linguistica*, *2* (52), 535–542.
Acuña-Fariña, C. (2018). Aspects of a psychologically informed theory of agreement. *Folia Linguistica*, *2* (52), 449–481.
Ascher, A. (2001). *P. A. Stolypin: The search for stability in late imperial Russia*. Stanford: Stanford University Press.
Haspelmath, M. (2021). Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondences and predictability. *Journal of Linguistics*, *3* (57), 605–633.
Lasswell, H. D. (1948). The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas: A Series of Addresses* (pp. 37–51). New York: Institute for Religious and Social Studies.
Lorenzo, F. (2018). Juan M. Hernández-Campoy: Sociolinguistic styles. *Folia Linguistica*, *2* (52), 531–534.
Stukenbrock, A., Bluhm, Cl., Deissler, D., Scharloth, J. (2000). Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. *Sprache und Literatur*, *2* (86), 3–19.
Wodak, R. (2011). *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 16 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Иванова Татьяна Константиновна — д-р филол. наук, доц.; tatiana.ivanova@kpfu.ru
Бушканец Лия Ефимовна — д-р филол. наук, проф.; lika_kzn@mail.ru

Prospects for the use of interdisciplinary methods in discourse analysis of political text using the example of the P. A. Stolypin's speech

T. K. Ivanova, L. I. Bushkanetz

Kazan Federal University,
18, ul. Kremlevskaya, Kazan, 420008, Russian Federation

For citation: Ivanova T. K., Bushkanetz L. I. (2024). Prospects for the use of interdisciplinary methods in discourse analysis of political text using the example of the P. A. Stolypin's speech. *Media Linguistics*, *11* (1), 124–144. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.107 (In Russian)

The study deals with the main and relevant directions and approaches to the discourse analysis of domestic and foreign scientists, structuring and building a scheme for analyzing media texts of a political orientation in order to identify the main ideological content, as well as the specifics of its expression in the text. The purpose of this study is to establish interdisci-

plinary approaches and methods of working with politically oriented text and the prospects of their use to assess the results of influence on the addressee. The authors present the main approaches to such analysis, give an overview of domestic and foreign methods used in discourse analysis, and consider the prospects of their use for assessing the effectiveness of impact, both on the part of the author of the discourse text and on the part of the addressee. Depending on the tasks being solved, both classical and interdisciplinary methods were used as research methods: when creating a historical review, a descriptive-comparative method was used in combination with a classification of approaches to discourse analysis; for developing the problem of impact, the method of critical discourse analysis was used in combination with content analysis of the text. In the course of the work, the sequence of performing certain well-known techniques of analyzing a politically directed text was clarified and the content of P. A. Stolypin according to the scheme proposed by the authors, taking into account the specifics of the linguistic content. In the course of solving this problem and in order to increase the degree of objectivity of the results obtained, machine word processing was additionally used (text information processing programs such as *VAAL*, *Wordstat Yandex*, etc.). The authors come to the need for a complex application of traditional methods and automated processing for the objectification of the results obtained.

Keywords: media linguistics, discourse analysis, interdisciplinary approach, P. A. Stolypin's speech, digital processing, critical discourse analysis, functions of media text, means of influence.

References

Abraham, W. (2018). Andreas Trotzke: The grammar of emphasis. From Information Structure to the expressive dimension. *Folia Linguistica*, *2* (52), 535–542.

Acuña-Fariña, C. (2018). Aspects of a psychologically informed theory of agreement. *Folia Linguistica*, *2* (52), 449–481.

Ascher, A. (2001). *P. A. Stolypin: The search for stability in late imperial Russia*. Stanford: Stanford University Press.

Alasanija, K. Ju. (2015). Methods for analyzing political text. *Prostranstvo i vremia*, *1* (10). Retrieved from http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-aprovr_east10-1.2015.91.pdf. (In Russian)

Baranov, A. N. (2000). *Speech influence and argumentation*. Dr. Sci. thesis. Moscow. (In Russian)

Beloedova, A. V., Kozhemjakin, E. A., Tjazhlov, Ja. I. (2020). The influence of verbal commentary on the interpretation of visual media messages: a multimodal approach. *Media Linguistics*, 4 (7), 445–461. (In Russian)

Beljanin V. P. (2000). *Fundamentals of psycholinguistic diagnostics: Models of the world in literature*. Moscow: Trivola Publ. (In Russian)

Blakar, R. (1987). Language as an instrument of social power. In *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia*. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Blumberg, A. (1995). *Great Leaders, Great Tyrants? Contemporary Views of World Rulers Who Made History*. Greenwood Press.

Fedoseeva, E. V. (2016). *Cognitive mechanisms of discursive construction of reality in media discourse.* PhD thesis. Irkursk. (In Russian)

Gavrilova, M. V. (2002). Linguistic analysis of political text. In *Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovanii SPbGU. Vyp. 3.* (pp. 88–108). St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian)

Gimaletdinova, G. K. (2020). Sentiment analysis of a reader's Internet commentary on a political text. *Politicheskaia lingvistika*, *1* (79), 42–51. (In Russian)

Homutova, T. N. (2014). Typology of discourse: integral approach. *Vestnik IuUrGU. Seriia: Lingvistika, 2* (11), 14–22. (In Russian)

Hurmatullin, A. K. (2009). The concept of discourse in modern linguistics. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki, 6* (151), 31–37. (In Russian)

Haspelmath, M. (2021). Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondences and predictability. *Journal of Linguistics*, *3* (57), 605–633.

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concept, discourse.* Volgograd: Peremena Publ. (In Russian)
Kegeian, S. E., Vorozhbitova, A. A. (2019). *Linguistic and rhetorical parameters of political discourse (based on the texts of Bolshevism ideologists).* Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
Lasswell, H. D. (1948). The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson (Ed.), *The communication of ideas: a series of addresses* (pp. 37–51). New York: Institute for Religious and Social Studies.
Lorenzo, F. (2018). Juan M. Hernández-Campoy: Sociolinguistic styles. *Folia Linguistica*, *2* (52), 531–534.
Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of Discourse Theory*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian)
Maksimenko, O. I. (2014). Sentiment-analysis of media texts. In *IV Novikovskie chteniia: Funktsional'naia semantika i semiotika znakovykh sistem: sbornik nauchnykh statei. Ch. 1* (pp. 96–105). Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
Pavlova, N. (2018). Discourse: Current Trends and Perspectives of Psycholinguistic Research. *Psikhologicheskii zhurnal*, *6* (39), 16–26. (In Russian)
Parshin, P. B. (1987). Linguistic methods in conceptual reconstruction. *Sistemnye issledovaniia. Metodologicheskie problemy. 1986*, 398–426. (In Russian)
Stukenbrock, A., Bluhm, Cl., Deissler, D., Scharloth, J. (2000). Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven. *Sprache und Literatur, 2* (86), 3–19.
Vattovani, Ju. B. (2019). Ideology and discourse. *Molodoi uchenyi, 43* (281), 292–294. Retrieved from https://moluch.ru/archive/281/63305/. (In Russian)
Wodak, R. (2011). *The discourse of politics in action: Politics as usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan.

Received: September 10, 2023
Accepted: December 16, 2023

Authors' information:

Tatiana K. Ivanova — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; tatiana.ivanova@kpfu.ru
Liya E. Bushkanetz — Dr. Sci. in Philology, Professor; lika_kzn@mail.ru

УДК 81'27 Медиалингвистика. 2024. Том 11, № 1

Интеррогативные предложения как способ выражения русофобии в современном виртуальном пространстве (на материале сети Reddit)

Д. С. Шипилова

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Для цитирования: Шипилова Д. С. (2024). Интеррогативные предложения как способ выражения русофобии в современном виртуальном пространстве (на материале сети Reddit). *Медиалингвистика*, *11* (1), 145–158. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.108

Современное общество сегодня подвержено глобальным процессам вестернизации, целью которой является подчинение других культур западному влиянию. Благодаря мощному потенциалу виртуального пространства распространять необходимые идеи осуществляется навязывание определенного видения и проводится массовая манипуляция сознанием граждан. Последовательная и продолжительная политика западного мира пропагандирует образ «злых русских», что приводит к всплеску дискриминации представителей русскоязычной культуры. Данный образ транслируется в СМИ и кинематографе, об этом говорят медийные личности и политики. Подобное негативное представление русского народа приводит к неприязни. В сознании широкой аудитории возникает нетерпимость и непримиримость к гражданам РФ, что отражается в их ущемлении, как вербальном, так и невербальном. Цель статьи — анализ интеррогативных предложений в социальной сети Reddit — одной из самых известных и часто посещаемых интернет-платформ в мире, для выявления русофобных настроений, а также систематизация представления о функциях вопросительных предложений. Вопросительные предложения анализируются с точки зрения их вторичной функции — передачи информации, чувств и своего отношения к какой-либо ситуации. Отобранные методом сплошной выборки и тщательно проанализированные интеррогативные предложения позволяют сделать вывод о русофобном настроении, которое присуще населению западного мира. Было установлено, что интеррогативные предложения направлены на выражение обвинения, оскорбления и злорадства. Объектами русофобии стала сама Российская Федерация в целом, президент Владимир Владимирович Путин и граждане страны. Выявлено, что русофобия наблюдается за счет использования глаголов с отрицательной коннотацией, негативно-окрашенных эпитетов, параллельных конструкций, метафорических моделей и окказионализмов.

Ключевые слова: медиатекст, интеррогативные предложения, социальная сеть Reddit, русофобия.

Постановка проблемы

С развитием новых технологий и внедрением интернета во все сферы деятельности меняется процесс и каналы коммуникации. Общение приобретает виртуальный характер, объединяя людей в единую информационно-мультимедийную систе-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

му. Количество интернет-пользователей непрерывно растет, а влияние глобальной сети на индивидуума увеличивается. Современные интернет-платформы, а именно социальные сети (Facebook*, Twitter, Reddit, Snapchat), увлекают человека, предлагая широкий спектр различной деятельности — от развлечения до участия в решении глобальных проблем. Социальные сети являются виртуальной площадкой для обсуждения интересующих тем, распространения информации, выражения мнения, с одной стороны, а также для негативной пропаганды, манипуляции и дискредитации, с другой.

Заметным явлением сегодняшнего времени является глобальное освещение со стороны США внутренней и внешней политики Российской Федерации в контексте демонизации [Магомедов 2022: 391]. Таким образом, всему англоговорящему миру навязывается негативное отношение к гражданам РФ, способствующее возникновению и распространению русофобии. Отрицательные настроения людей вербализуются и реализуются в социальных сетях [Ridao 2020], таких как Reddit, которая предоставляет возможность людям со всего мира обсудить различные события и задать интересующие вопросы представителям разных стран. Вопросы пользователей могут не только служить информационной цели, но также выражать положительное или отрицательное отношение к происходящему [Santana 2020], унижать, оскорблять, провоцировать конфликты [Watson 2020: 244]. Сложившаяся ситуация определяет актуальность изучения русофобии в интернет-пространстве.

Целью настоящей статьи является анализ интеррогативных предложений как способа выражения русофобии в современном виртуальном пространстве (на платформе социальной сети Reddit). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть понятие русофобии; 2) определить роль интеррогативных предложений в выражении русофобии; 3) выявить языковые характеристики интеррогативных предложений, содержащих русофобию.

История вопроса

В настоящее время средства массовой информации активно используют мощный потенциал языковых средств и укореняют в сознании населения оппозицию «свой — чужой» путем распространения новостей о тревожной и неспокойной ситуации в мире, об ущемлении людей по различным признакам (этническим, расовым, религиозным, национальным, половым) и об антипатичной политике одних государств по отношению к другим [Пешкова 2021: 143]. Соединенные Штаты Америки и их союзники демонстрируют всему миру мощный инструментарий, состоящий из целого комплекса различных способов воздействия на Россию, состоящий из экономического, политического и информационного давления [Магомедов 2022: 393; Меттан 2016: 56]. Благодаря этому на современном этапе развития общества Россия сталкивается с одной из острых проблем — проявление русофобии.

Истоки русофобии восходят к Ливонской войне (1558–1583), в ходе которой Европа начала формировать образ России как государства варварского и деспо-

* Meta признана экстремистской организацией на территории РФ.

тичного [Габричидзе, Болтовский 2019: 4–5]. Сегодня информационная война против РФ, набирающая с 50-х годов XIX столетия и по сей день свои обороты, — важнейший атрибут международной политики США [Кьеза 2016: 34–36] и многих западных государств [Ильин 2019: 82], воспринимающих обновленную Россию как главную угрозу европейского и, более того, мирового спокойствия [Стариков 2018: 64].

Различные толковые словари определяют русофобию как недоброжелательное, враждебное отношение ко всему русскому[1], как сильную и иррациональную ненависть к России («an intense and often irrational hatred for Russia»[2]), а также как нелестное и субъективное представление о России («Promoting an unfavorable, negatively biased view of Russia, the Russian people or its government»[3]). Примечательно, что Urban Dictionary обращает внимание читателей на безосновательные обвинения РФ во всех преступлениях, а также на проявление двойных стандартов при освещении действий России с подобными или более вопиющими действиями США или их союзников («The major proponents of Russophobia are first and foremost the BBC, but also the American networks that parrot and ape them like CNN, The Times, The Post. Russophobia is easy to identify when Russia is automatically blamed for any given situation without any evidence, investigation of fact or due process. Russophobia is evident when there is a double standard in the framing and interpretation of actions involving Russia compared to similar or more egregious actions of the United States or its allies»[4]. Отсюда вытекает, что описание западными СМИ действий России ведется таким образом, чтобы очернить имидж РФ, сформировать негативное отношение к стране, к ее народу, культуре, истории, а также чтобы укоренить ложные стереотипы об извечной агрессивности русского народа. Подобная политика сказывается на сознании людей и диктует агрессивную, нетерпимую модель поведения с русскими, что отражается в интернет-общении между представителями двух культур [Alekseev et al. 2021: 1211], а также приводит к стихийному росту деструктивного контента [Чернышова 2022: 171], что сказывается на национальной безопасности государства [Карабулатова, Копнина 2023: 319].

Сегодняшнее межкультурное общение опосредованно интернет-технологиями — социальными сетями и сайтами. Одним из часто посещаемых сайтов является Reddit (от англ. *read it* — прочел это), который представляет собой виртуальную платформу, совмещающую в себе элементы социальной сети и форума. По данным аналитической программы Similarweb, Reddit является одним из наиболее популярных сайтов в мире (18-е место в рейтинге) с активной аудиторией в 430 млн пользователей. Значимость данного сайта для настоящих исследовательских целей подтверждается огромным вовлечением англоязычной аудитории в процесс коммуникации. Наибольшую часть читателей составляют представители США

[1] Русофобия. *Толковый словарь Ефремовой*. Электронный ресурс http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-208-31.htm#zag-103223.

[2] Russophobia. *Collins Dictionary*. Электронный ресурс https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/russophobia.

[3] Russophobia. *Urban Dictionary*. Электронный ресурс https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Russophobia.

[4] Ibid.

(47,86 %), Великобритании (7,15 %) и Канады (6,93 %) в возрасте от 18 до 34 лет[5]. Reddit предоставляет пользователям не только развлекательный контент, но также и познавательный (здесь легко найти необходимую информацию или задать вопрос, на который дадут ответ жители с разных уголков земли). Reddit состоит из тысячи сабреддитов (subreddit) — сообществ, посвященных любым темам (от политики до кулинарии), где каждый желающий может высказать свое мнение, задать интересующий вопрос, обсудить какую-либо проблему, заявить о себе, выразить свое отношение к чему-либо и просто найти необходимую информацию. Так, на сабреддите AskARussian представители англоговорящего мира задают интересующие вопросы русскоговорящим.

Исследователи вопросительных предложений рассматривают их по цели высказывания и указывают, что их основная цель — это выражение вопроса, направленного на собеседника [Лекант 1999: 303]. Вопросы в данном случае выполняют функцию получения необходимой информации о чем-либо [Harper et al. 2009: 767]. Однако исследователи полагают, что интеррогативные предложения обладают более широким функционалом [Логинов 2021] и могут также выполнять ряд второстепенных функций. Так, по мнению американской исследовательницы Айрин Кошик, вопросы часто используются с целью выражения замечания и упрека, а также для трансляции собственной точки зрения [Koshik 2005]. Подобного мнения придерживаются и отечественные лингвисты — составители русской грамматики. Согласно их исследованиям, вопросительные предложения выполняют первичную и вторичную функции, где первичная функция направлена на стремление говорящего получить новую информацию, а вторичная — на трансляцию новых смыслов [Шведова 1980: 394].

Реализация вторичных функций осуществляется благодаря гибкости и многоплановости интеррогативной структуры по сравнению с повествовательной, а также за счет прагматических условий коммуникации. Так, по мнению А. В. Логинова, невопросительные коннотации заложены в вопросительные предложения имплицитно, поэтому интеррогативная функция высказывания может быть нейтрализована при активации эмотивной функции [Логинов 2021].

Исследователи также отмечают, что интеррогативные предложения, несмотря на графическое изображение вопроса, не всегда являются вопросительными по значению [Жинкин 1998: 103]. Такие предложения служат для соблюдения речевого этикета, установления и поддержания коммуникативного контакта, а также для выражения эмоций, намерений, желаний, побуждений и т. д. [Линдстрем 2003: 12]. Для настоящего исследования приоритетным является анализ интеррогативных предложений по вторичной функции — функции передачи экспрессивно окрашенной информации [Morris et al. 2010: 1740–1742].

Таким образом, интеррогативные предложения, опубликованные на сайте Reddit, будут анализироваться с точки зрения их прагматической функции — выражение отрицательных эмоций (возмущение, гнев, страх, ужас, насмешка, неодобрение, пренебрежение и т. д.) с целью формирования негативного отношения к предмету высказывания.

[5] *SimilarWeb*. Электронный ресурс https://www.similarweb.com/ru/website/reddit.com/overview.

Описание методики исследования

Материалом настоящего исследования являются интеррогативные предложения, опубликованные на сайте Reddit за период февраль — декабрь 2022 г. Формальное требование сообщества заключается в оформлении высказывания в виде вопросительного предложения. Пользователи исследуемой сети Reddit обращаются к сервису с целью вызвать дискуссию или выразить свое мнение/отношение. В этой ситуации мы имеем дело с актуализацией вторичных функций интеррогативных предложений.

В ходе исследования методом сплошной выборки нами были отобраны около 250 интеррогативных предложений[6], опубликованных на сабреддите AskARussian, который представляет собой форум, где любой желающий может задать интересующий вопрос гражданам России. Выбор данного сабреддита объясняется коммуникативным взаимодействием между представителями двух культур (Запад и РФ), что позволяет выявить отношение англоязычного населения к русскоговорящему.

Для исследования интеррогативных предложений в социальной сети Reddit нами были использован метод семантико-стилистического анализа в сочетании с контекстологическим, что позволило выявить актуальный смысл интеррогативных предложений и установить их русофобную направленность. Семантико-стилистический метод использовался для изучения смысловых нюансов лексемы в различных контекстах. Контекстологический анализ основывается на исследовании языковой единицы в развернутом контексте.

Анализ материала и результаты исследования

Русофобное речевое поведение, демонстрация грубости, трансляция негативных эмоций, переход на оскорбления реализуются в интернет-пространстве через языковые единицы разной знаковой природы [Гукосьянц 2023: 302]. Так, в ходе проведенного анализа нами были выделены три группы вопросов, содержащих русофобное отношение: вопрос-обвинение, вопрос-оскорбление, вопрос-злорадство. Каждый из вопросов имеет свой способ языковых реализаций и направлен на достижение определенной цели. Рассмотрим каждый из них подробно.

Вопрос-обвинение (43 %) представляет собой скрытое утверждение о совершении кем-либо проступка или преступления. Обвинение направлено на голословное признание индивида виновным. Авторы исследуемых нами интеррогативных предложений обвиняют Российскую Федерацию в создании конфликтных вооруженных ситуаций. Внушая западной аудитории ложные установки об РФ, индивид начинает испытывать чувство тревоги, страха и опасения. Как правило, человек не осознает причину этих чувств, что приводит к проявлению агрессии и нетерпимости к «виновнику» не только в поведении, но и в речи. Вопрос-обвинение не содержит в себе каких-либо доказательств, обвинение достигается за счет использования намека и глаголов с отрицательной коннотацией (*to invade country*, *to commit genocide*, *to bomb schools*, *to kill innocent*, *to hurt foreign states*, *to terrorize civilians*, *to spread evil*, *to annex*

[6] AskARussian. *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/.

territories, *to turn to nukes*, *to ruin the city*, *to occupy foreign lands*), которые приписывают России вину за конфликт с Украиной, тем самым порождая русофобию.

(1) *Do Russians Believe, as Some Americans Do, That the Hatred towards Russia Today Originates from the* ***Pogroms that the Russians Did****?*[7]
(2) *How can you deny* ***Russian tanks are bombing*** *the residential sector of Irpin, Ukraine*[8].

Параллельные конструкции выполняют суггестивную функцию и усиливают обвинительный эффект. Повторы глаголов военного дискурса с негативной коннотацией (*to beat*, *to kill*, *to ban*, *to bomb*, *to terrorize*) создают мрачную картину политики правительства РФ, которая стремится избавиться от всех несогласных (*protesters*, *opposition*). Подобные предложения привлекают внимание других пользователей интернета и указывают на чувство враждебности к русским.

(3) *So if Russia* ***beating protesters, killing political opposition, ban non-state media*** *— it is allowed to invade Russia now?*[9]
(4) *Does it take an expert to recognize that* ***castrating prisoners of war, bombing schools and generally terrorizing civilians*** *is bad? I don't think it takes an expert to see evil*[10].

Для придания дополнительного образа виновного государства используются метафорические модели с отрицательной оценкой. Модель «тоталитарный мир» формируется за счет использования антитезы — жизнь в США противопоставляется жизни в РФ, изображение которой ведется с помощью негативно окрашенных слов (*propaganda*, *to arrest*, *to suffer*, *to be enslaved*, *to control*, *to block*). Так, отечественная полиция не поможет (*you would be arrested*), пропаганда затмевает сознание и не дает верного представления о мире (*The average Russian has less knowledge about the outside world than an average grade school kid in a civilized country*), страну поработили олигархи (*enslaved by oligarchs*), и весь бюджет направлен не на укрепление РФ, а на яхты (*budget was spent on yachts*). Автор вопроса имплицитно обвиняет политику российского правительства в полном контроле общества, что, несомненно, вызывает неприязнь к русским вследствие их изображения подконтрольным и зомбированным населением.

(5) *You really think Russians are free and Americans are oppressed? I can go to the White House right now and spend all day screaming how I believe my president is a dumb ass and if anyone tries to stop me by force, the police will help me. Can you do the same? If you did the same in your country you would be arrested within minutes. Your propaganda news makes you believe that people around the world are suffering, when in reality we are still thriving. Gas prices are even stabilizing and going down, and gas was the only thing we felt at all in the West. Your country is enslaved by oligarchs, so it is actually hilarious*

---

[7] Цитаты приводятся без изменений.
AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/v7u5jc/do_russians_believe_as_some_americans_do_that_the/.

[8] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t7702d/how_can_you_deny_russian_tanks_are_bombing_the/.

[9] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/taup8i/comment/i0361gp/.

[10] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t04z1d/the_war_in_ukraine_megathread/.

that you even bring this up. Do you think you are powerful? You aren't an actual super power because your military budget was spent on yachts instead[11].

(6) *If you post something oppositional on Reddit (such as an insult to the government), will you get arrested in Russia?*[12]

Модель «тоталитарного мира» тесно связана со следующей метафорической моделью «рекламного мира», где пользователи интернет-сообщества обвиняют Российскую Федерацию в искажении фактов и трансляции «удобного» государству видения мира. В подобных интеррогативных предложениях наблюдается эффект насмешки за счет сопоставления российской реальности с западной, где существует доступ к абсолютно любому контенту.

(7) *In America we have access to all kinds of content so that we can see all sides. And in Russia? In Russia your government controls everything you see and hear, doesn't it? The average Russian has less knowledge about the outside world than an average grade school kid in a civilized country*[13].

(8) *Can you easily access all of your news and media content like me? yet your country blocks out anything that is against their narrative. You don't even know what freedom looks like because You have been enslaved by oligarchs for your entire life. Don't you agree?*[14]

Третья обнаруженная нами метафорическая модель — модель «бандитский мир». Автор девятого примера задается вопросом, почему российские политики постоянно задевают (*try to hurt or offend*) представителей западного мира, является ли это показателем неуважения (*disregard for other countries*) или это издевательство/колкость (*shot*). Данный вопрос подчеркивает негативное отношение к представителям российской власти и иллюстрирует нам, какие негативные образы русских существуют на Западе (а именно образ наглых мужланов). Сравнение политиков с ворами (*gang of thieves*), а также обвинение в воровстве государственных денег (*stole from them (Russians)*) также указывает на неприязнь и антипатию к Российскому государству.

(9) *Why do Russian diplomats regularly* ***try to hurt or offend representatives of foreign states****? The same Lavrov constantly speaks in some kind of* ***bully tone****, or, for example, Zakharova. I don't know if this happened in the USSR, I don't think so. This whole* ***circus*** *is connected with a* ***disregard for other countries****, or is it such* ***shots*** *now?*[15]

(10) *Does your average Russian know how much* ***politicians*** *and the* ***oligarchs stole*** *and continue to steal from them? Putin and his* ***gang of thieves*** *awash British banks with Russian money most of it stolen profits from oil, gas and gold production*[16].

---

[11] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/u6e7sv/war_in_ukraine_the_megathread_part_3/ .

[12] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/wununu/how_much_censorship_does_the_russian_government/.

[13] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/u6e7sv/comment/ils4uaa/.

[14] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/u6e7sv/comment/ilsegc7/.

[15] AskARussian (2023). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/x9a7ox/the_war_in_ukraine_megathread_part_4/.

[16] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/sy22ya/does_your_average_russian_know_how_much/.

Обвинению подвергается Россия с точки зрения ее агрессивности (*true atrocity of Russia's aggression*). Благодаря западной пропаганде Россия на международной арене рисуется как агрессивный, жестокий и дикий враг. Отсюда возникает страх у населения, который выражается в вопросах-обвинениях о наращивании ядерного потенциала (*focusing on its nuclear capabilities*) или даже чего-то мощнее (*to develop something stronger than Nuclear explosion*) со стороны «врага».

(11) *Does it not scare anyone to know that Russia pretty much dropped its conventional military and is* ***focusing on its nuclear capabilities****? That doesn't scream red flag at anyone?*[17]

(12) *Do you think its in Russia best interest* ***to develop something stronger than Nuclear explosion*** *to warn NATO?*[18]

Вопрос-обвинение может быть направлен и на президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Пользователи сети Reddit обвиняют российского лидера в разжигании международных конфликтов (*often comes into world conflicts*), истреблении народа (*Putin's mass murder of people*), захвате стран (*decision to invade*), разорении городов (*ruined the residential sector of Irpin*), промывке мозгов собственному населению (*Putin's propaganda makes you think*) и в целом его желании поработить мир (*drive for immense power*).

(13) *What do you think would be the best way of stopping* ***Putin's mass murder*** *of people?*[19]

(14) *Would you like Putin to be overthrown, and Russia* ***to reintegrate into the economy, stop pursuing an aggressive militaristic policy*** *that only makes its citizens worse, so that normal democratic institutions appear in Russia that* ***protect people's rights****?* [20]

Автор 14-го вопроса напрямую не обвиняет В. В. Путина в злодеяниях, однако намекает читателям на разрушенную президентом экономику, проводимую агрессивную военную политику и отсутствие институтов, защищающих права человека. Однако все можно изменить, если лишить В. В. Путина власти. Выражается открытая неприязнь к российскому президенту и его политике.

Вопрос-оскорбление (36 %) заключается в умышленном унижении граждан Российской Федерации и самой страны в целом. Отличительной чертой данного интеррогативного предложения является использование эпитетов (*uncontrolled anger*, *absolute disgrace*, *barbaric decision*, *peasant mentality*, *brainwashed people*, *corrupted country*, *perpetual hostility*, *pure ignorance*, *Hitler's methods*, *Russian Horde*, *Sovko-Reich*), а также эмоционально-окрашенных прилагательных (*acid*, *jealous*, *spiteful*, *vicious*, *rude*, *bloody-minded*, *cruel*, *bloodthirsty*, *ruskies*).

---

[17] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/vkzhve/comment/idujrec/.

[18] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/vkzhve/do_you_think_russia_is_secretly_working_on_a_bomb/.

[19] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t8cqx6/what_do_you_think_would_be_the_best_way_of/.

[20] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t5rk9t/the_international_criminal_court_is_looking_into/.

(15) *Why is rural Russia* ***really jealous and spiteful*** *towards others?*[21]
(16) *How do Russians feel about Putin? So I ask, do the majority of Russians not feel shame about their dictator? If some don't is it just* ***pure ignorance? Brainwashed****?*[22]
(17) *Have Russians always had this* ***peasant mentality*** *of keeping their head down and mouth shut toward their rulers?*[23]

Очевидно наличие русофобии и отношения к русским как к опасному, подлому, бездумному и покорному народу.

Частым оскорблениям подвергся президент РФ В. В. Путин. В вопросах неоднократно использовалась агрессивная лексика, описывающая форму правления президента (*oppressor*, *tyrant*, *authoritarian dictator*, *despot*, *absolute ruler*), а также судебная лексика (*terrorist*, *war criminal*, *killer*, *mobster*), сравнения с историческими антагонистами (*Hitler, Stalin*) и дьявольскими персонажами из аниме (*Frieza from DBZ*), а также окказионализмы (*Putler*, *Ruzzia*). В условиях интернет-общения сложные политические феномены сводятся к упрощению, поэтому создание подобных окказионализмов способствует их быстрому закреплению в массовом сознании в качестве устойчивого стереотипа, не всегда соответствующего действительности [Петрова 2023: 340].

(18) *Is Putin a* ***dictator****?*[24]
(19) *Putin is a bona fide* ***Hitler****, are Russian people fascists#*[25]
(20) *Can you thank the leadership of your beloved* ***Putler*** *for this new reality?*[26]
(21) *What is his fundamental belief does he believe he is superior and his race superior?*[27]

Западная аудитория видит в лице В. В. Путина главного суперзлодея XXI в. Он веет страх и ужас в сознании людей (*inspire terror*), является причиной всех бед (*root of all evil*), одержим властью (*power hungry*) и главной своей целью ставит порабощение мира (*enslavement of people*). Страх перед сильным лидером, который не проигрывает (*Does putin come off as the type of guy who isn't allowed to lose at anything?*) и не отдаст свою власть (*Do you believe Putin will ever leave power peacefully?*), порождает враждебное отношение к нему и ко всему, что с ним связано, а именно ненависть к России и русским.

Вопрос-злорадство (21 %) направлен на выражение радости западной интернет-аудитории при неудачах Российской Федерации. Злорадство основывается на агрессии, которая исходит из чувства принадлежности к определенному кругу «своих». Все, что не принадлежит к кругу «своих», подразумевается как угроза и,

---

[21] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/tzo3bd/how_poor_is_rural_russia_really_and_are_they/.

[22] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t6wspf/how_do_russians_feel_about_putin_are_they_ashamed/.

[23] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t7z16w/have_russians_always_had_this_peasant_mentality/.

[24] AskARussian (2021). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/ohbp31/is_putin_a_dictator/.

[25] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t09xbi/putin_is_a_bona_fide_hitler_are_russian_people/.

[26] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t6z081/congratulations_russians_you_can_thank_the/.

[27] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/tm2zka/i_understand_the_west_communism_stalin_even/.

соответственно, вызывает тревогу и опасение. Поэтому беды и ошибки «чужих» вызывают удовлетворение. Языковыми маркерами злорадства могут служить интеррогативные предложения, содержащие радостные восклицания (*hurrah*, *hurray*), слова поздравления (*congrats*) или одобрения (*I agree / approve / go along with them*, *let it be*), при этом контекст сообщения не несет в себе причины для радости и является весьма мрачным.

(22) ***Congratulations Russians****, can you thank the leadership of your beloved Putler for this new reality?*[28]

(23) *How does it feel to be hated by pretty much everyone, see your economy collapse and see your boys being butchered (**and rightly so**) for an authoritarian dictator Putler?*[29]

Приведенные выше примеры описывают неблагоприятное положение Российской Федерации — новая реальность, обусловленная санкциями, а также ненависть со стороны всего мира (*to be hated by pretty much everyone*), подрыв экономики (*economy collapse*) и истребление русский парней (*your boys being butchered*). Однако авторам данных вопросов такая ситуация в удовольствие. Они поздравляют русских (*congratulations Russians*) и поддерживают такое положение (*and rightly so*). Оксюморон *beloved Putler* (совмещение слова с положительным оттенком и негативно окрашенного ярлыка) придают оттенок насмешки и издевки.

Выводы

Сегодня Россия сталкивается с огромным количеством внешнеполитических проблем, одной из которых является дискредитация ее имиджа на мировой арене. Западные пиар-технологии рисуют непримиримого врага, «чужого», который свиреп и опасен. Подобная идеология воздействует на сознание широкой аудитории, вызывая страх, ненависть и, как следствие этих двух эмоций, русофобию. В итоге мы сталкиваемся с неприятием и отрицанием «чужого — русского». На основе результатов исследования мы получили следующие выводы.

1. Русофобия — это предвзятое отношение ко всему русскому, иррациональная ненависть, основанная на ложных представлениях. Интеррогативные предложения, опубликованные западными пользователями в интернет-сообществе Reddit, содержат русофобное отношение к России и ее гражданам. Прослеживается четкая линия нетерпимости к нашему государству, а также распространяется идея об агрессивной, тоталитарной, вражеской стране.

2. Интеррогативные предложения на сайте Reddit, помимо своей первичной функции — получение информации, выполняют также вторичную — распространение собственного мнения и отношения к чему-либо (в настоящем исследовании — к России). Лингвистическая реализация русофобии обнаружена в вопросах-обвинениях, вопросах-оскорблениях и вопросах-злорадствах. Вопросы-обвинения представляют самую многочисленную группу, что связано со стремлением избавиться от напряжения, тревоги и страха, вызванных наличием опасного «чужого».

[28] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/t6z081/congratulations_russians_you_can_thank_the/.

[29] AskARussian (2022). *Reddit*. Электронный ресурс https://www.reddit.com/r/AskARussian/comments/tcbyp7/how_does_it_feel_to_be_hated_by_pretty_much/.

Так, правительство Российской Федерации и В. В. Путина обвиняют в разжигании международных конфликтов, агрессии и несостоятельности, которая проявляется в пропаганде ложных новостей и ухудшении жизни собственного народа в результате его обнищания. Глаголы с негативной коннотацией, параллельные конструкции, коллокации военного дискурса и метафорические модели являются способами выражения ненависти и неприязни к РФ. Вопросы-оскорбления являются ярким примером враждебной настроенности западного мира ко всему русскому. Негативно окрашенные эпитеты, сравнения с историческими антагонистами, окказионализмы насыщают интеррогативные предложения жестокостью и гневом. Вопросы-злорадства — еще один признак русофобии. Положительная оценка, поздравление, радостное восклицание или одобрение неприятной ситуации являются способами реализации русофобии в сети Reddit.

3. Исследуемый нами материал свидетельствует о широком распространении русофобии в медиапространстве. Россию воспринимают как «чудовищное и варварское» государство, с «зомбированным» народом и «безумным диктатором» во главе, который готов на все, чтобы править миром.

По результатам проведенного анализа можно утверждать, что в настоящие дни разворачивается информационная война против России, целью которой является распространение ложных и негативных смыслов по отношению к РФ в мировом масштабе и, как следствие, возникновение глобальной русофобии. Агрессия, исходящая от участников интернет-коммуникации, деструктивно влияет на эмоциональную стабильность и может спровоцировать ответную реакцию в виде ненависти и неприязни, что приведет к международному конфликту представителей Запада и РФ.

Литература

Габричидзе, Т. Г., Болтовский, А. В. (2019). Русофобия как одна из составляющих информационной войны с Россией. В Н. Г. Витковская, О. Ю. Федосеева, О. В. Лашук (Ред.), *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 апреля 2019 г., Волжский университет им. В. Н. Татищева, Тольятти, Россия)* (с. 3–7). Тольятти: ВУиТ им. В. Н. Татищева.

Гукосьянц, О. Ю. (2023). Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19. *Медиалингвистика*, *3* (10), 301–318.

Жинкин, Н. И. (1998). Вопрос и вопросительное предложение. В С. И. Гиндин (Ред.), *Язык — Речь — Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике* (с. 353–359). М.: Лабиринт.

Ильин, А. Н. (2019). Война в Сирии. Хронология, американский интервенционизм, русофобия. *Свободная мысль*, *3*, 163–176.

Карабулатова, И. С., Копнина, Г. А. (2023). Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти. *Медиалингвистика*, *3* (10), 319–335.

Кьеза, Дж. (2016). *Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?* М.: Эксмо.

Лекант, П. А. (1999). Вопросительные предложения. В П. А. Лекант (Ред.), *Современный русский литературный язык* (с. 302–305). М.: Высшая школа.

Линдстрем, Е. Н. (2003). *Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели.* Дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск.

Логинов, А. В. (2021). *Категория интеррогативности в русском языке.* М.: МПГУ.

Магомедов, Р. Р. (2022). Демонизация образа России как метод современной гибридной войны запада. В А. В. Кирьякова (Ред.), *Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. (25 марта*

2022 г., Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия) (с. 390–396). Оренбург: ОГПУ.
Меттан, Г. (2016). *Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса*. М.: Паулсен.
Петрова, М. В. (2023). Когда понимание становится оскорблением — к вопросу о семантике и роли неологизма "Putinversteher" в политическом медиадискурсе. *Медиалингвистика*, *3* (10), 336–356.
Пешкова, Н. В. (2021). Языковая игра в конфронтационном политическом медиадискурсе: морфологический и словообразовательный типы. *Научная мысль Кавказа, 3* (107), 143–149.
Стариков, Н. В. (2018). *Ненависть. Хроники русофобии*. СПб.: Питер.
Чернышова, Т. В. (2022). Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики). *Медиалингвистика*, 3 (9), 170–189.
Шведова, Н. Ю. (1980). *Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис*. М.: Наука.
Alekseev, A. V., Yazov, Y. K., Sychev, A. M., Bich, M. G., Skiba, V. Yu. (2021). Analysis of the protest movement of African Americans in the United States through denotative and connotative meanings of hashtags. *Journal of Language and Linguistic Studies*, *S2* (17), 1210–1219.
Harper, F. M., Moy, D., Konstan, J. A. (2009). Facts or Friends? Distinguishing Informational and Conversational Questions in Social Q&A Sites. In *CHI 2009: Digital Life New World — Proceedings of the 27th International Conference on Human Factors in Computing Systems (April 4–9, 2009, Boston, MA, United States)* (pp. 759–768). Boston.
Koshik, I. (2005). *Beyond rhetorical questions: Assertive questions in everyday interaction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
Morris, M. R., Teevan, J., Panovich, K. (2010). What Do People Ask Their Social Networks, and Why? A Survey Study of Status Message Q&A Behavior. In *Proceedings of the 28th International Conference on Human Factors in Computing Systems (April 10–15, 2010, Atlanta, Georgia, United States)* (pp. 1739–1748). Atlanta.
Ridao, R. S. (2020). Expressive speech acts in the social network Facebook*. *Onomazein*, *47*, 225–239.
Santana, K. C. (2020). The ironic impoliteness speech act on digital social network Facebook*. *Revista Soletras*, *39* (20), 50–77.
Watson, L. (2020). *Vices of questioning in public discourse*. Vice Epistemology. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 5 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Шипилова Диана Сергеевна — канд. филол. наук, ст. преп.; diana.shipilov@yandex.ru

Interrogative sentences as a way of expressing Russophobia in the modern virtual space (as exemplified in network Reddit)

D. S. Shipilova

Southern Federal University,
105/42, ul. Bol'shaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344066, Russian Federation

For citation: Shipilova D. S. (2024). Interrogative sentences as a way of expressing Russophobia in the modern virtual space (as exemplified in network Reddit). *Media Linguistics*, *11* (1), 145–158. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.108 (In Russian)

Modern society today is subject to global processes of Westernization, the purpose of which is to subjugate other cultures to Western influence. Thanks to the powerful potential of the virtual space to disseminate the necessary ideas, a certain vision is imposed and mass ma-

* Meta is recognized in Russian Federation as an extremist organization.

nipulation of the consciousness of citizens is carried out. The consistent and long-term policy of the Western world promotes the image of evil Russians, that leads to a surge in discrimination against representatives of the Russian-speaking culture. The image of the evil people is broadcast in the media and cinema, media personalities and politicians talk about it. Such negative representation of Russians leads to their hostility. Intolerance towards the citizens of the Russian Federation arise in the minds of a wide audience, which is reflected in both verbal and non-verbal ways. The author aims: 1) to conduct a study of interrogative sentences in the social network Reddit, one of the most famous and frequently visited Internet platforms in the world; 2) to identify Russophobic sentiments, and 3) to make an attempt to systematize the idea of the functions of interrogative sentences. Interrogative sentences are analyzed from the point of view of their secondary function — the transfer of information, feelings and one's attitude to any situation. Selected by continuous sampling and carefully analyzed interrogative sentences allow us to draw a conclusion about the Russophobic mood that is inherent in the population of the Western world. The author has found that interrogative sentences are aimed at expressing accusations, insults and gloating. The objects of Russophobia are the Russian Federation itself, the President Vladimir Vladimirovich Putin and the citizens of the country. It was revealed that Russophobia is observed through the use of verbs with negative connotations, negatively colored epithets, parallel constructions, metaphorical models and occasionalisms.

Keywords: media text, interrogative sentences, Reddit, Russophobia.

References

Alekseev, A. V., Yazov, Y. K., Sychev, A. M., Bich, M. G., Skiba, V. Yu. (2021). Analysis of the protest movement of African Americans in the United States through denotative and connotative meanings of hashtags. *Journal of Language and Linguistic Studies*, *S2* (17), 1210–1219.

Chernyshova, T. V. (2022). Discrediting bullying in online dialogues (on the material of linguo expert practice). *Media Linguistics*, 3 (9), 170–189. (In Russian)

Gabrichidze, T. G., Boltovskii, A. V. (2019). Russophobia as one of the components of the information war with Russia. In N. G. Vitkovskaia, O. Iu. Fedoseeva, O. V. Lashuk (Eds), *Tatishchevskie chteniia: aktual'nye problemy nauki i praktiki: sbornik statei XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 3–7). Togliatti: VUiT imeni V. N. Tatishcheva Publ. (In Russian)

Gukosyants, O. Yu. (2023). Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic. *Media Linguistics*, 3 (10), 301–318. (In Russian)

Harper, F. M., Moy, D., Konstan, J. A. (2009). Facts or Friends? Distinguishing Informational and Conversational Questions in Social Q&A Sites. In *CHI 2009: Digital Life New World — Proceedings of the 27th International Conference on Human Factors in Computing Systems (April 4–9, 2009, Boston, MA, United States)* (pp. 759–768). Boston.

Il"in, A. N. (2019). War in Syria. Chronology, American interventionism, Russophobia. *Svobodnaia mysl'*, *3*, 163–176. (In Russian)

Karabulatova, I. S., Kopnina, G. A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. *Media Linguistics*, *3* (10), 319–335. (In Russian)

K'eza, Dzh. (2016). *Russophobia 2.0: a disease or a weapon of the West?* Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)

Koshik, I. (2005). *Beyond rhetorical questions: assertive questions in everyday interaction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Lekant, P. A. (1999). Interrogative sentences. In P. A. Lekant (Ed.), *Sovremennyi russkii literaturnyi iazyk* (pp. 302–305). Moscow: Vysshaia shkola Publ. (In Russian)

Lindstrem, E. N. (2003). Classification of Russian interrogatives according to the form of statements based on a pragmatically justified universal model. Dr. Sci. thesis. Petrozavodsk. (In Russian)

Loginov, A. V. (2021). Category of interrogativity in Russian. Moscow: MPGU Publ. (In Russian)

Magomedov, R. R. (2022). Demonization of the image of Russia as a method of modern hybrid warfare of the West. In A. V. Kir'iakova (Ed.), *Problemy i perspektivy vnedreniia innovatsionnykh telekommunikatsionnykh tekhnologii: sbornik statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi ochno-zaochnoi konferentsii* (pp. 390–396). Orenburg: OGPU Publ. (In Russian)

Mettan, G. (2016). *West — Russia: the thousand-year war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis*. Moscow: Paulsen Publ. (In Russian)
Morris, M. R., Teevan, J., Panovich, K. (2010). What Do People Ask Their Social Networks, and Why? A Survey Study of Status Message Q&A Behavior. In *Proceedings of the 28th International Conference on Human Factors in Computing Systems (April 10–15, 2010, Atlanta, Georgia, United States)* (pp. 1739–1748). Atlanta.
Peshkova, N. V. (2021). Language game in confrontational political media discourse: morphological and word-formation types. *Nauchnaia mysl' Kavkaza, 3* (107), 143–149. (In Russian)
Petrova, M. V. (2023). When understanding becomes an insult — to the question of semantics and the role of the neologism "Putinversteher" in the political media discourse. *Media Linguistics*, *3* (10), 336–356. (In Russian)
Ridao, R. S. (2020). Expressive speech acts in the social network Facebook*. *Onomazein*, *47*, 225–239.
Santana, K. C. (2020). The ironic impoliteness speech act on digital social network Facebook*. *Revista Soletras*, *39* (20), 50–77.
Shvedova, N. Iu. (1980). *Russian grammar. Vol. 2. Syntax*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
Starikov, N. V. (2018). *Hatred. Chronicles of Russophobia.* St. Petersburg: Piter Publ. (In Russian)
Watson, L. (2020). Vices of questioning in public discourse. *Vice Epistemology.* New York: Routledge.
Zhinkin, N. I. (1998). Question and interrogative sentence. In S. I. Gindin (Ed.), *Iazyk — Rech' — Tvorchestvo. Issledovaniia po semiotike, psikholingvistike, poetike* (pp. 353–359). Moscow: Labirint Publ. (In Russian)

Received: September 5, 2023
Accepted: November 5, 2023

Author's information:

Diana S. Shipilova — PhD in Philology, Senior Lecturer; diana.shipilov@yandex.ru

* Meta is recognized in Russian Federation as an extremist organization.